

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных
рукописей РАН

Наука —
Восточная литература
2017

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 14, № 3

осень

2017

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

Выпуск 30

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. **И.Ф. Попова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **С.М. Анисеева** (Москва, изд-во «Наука — Восточная литература»)

акад. РАН **Б.В. Базаров** (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН)

проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская государственная библиотека)

чл.-корр. РАН **В.И. Васильев** (Москва, РАН)

О.В. Васильева (Санкт-Петербург, РНБ)

д.и.н. **М.И. Воробьева-Десятовская** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.П. Деревянко** (Новосибирск, ИАЭТ СО РАН)

к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

д.и.н. **А.И. Колесников** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.Б. Куделин** (Москва, ИМЛИ РАН)

к.и.н. **К.Г. Маранджян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **В.С. Мясников** (Москва, ИДВ РАН)

проф. **Не Хунъинь** (КНР, Пекин, Ин-т этнологии и антропологии АОН КНР)

чл.-корр. РАН **А.И. Османов** (Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН)

к.и.н. **С.М. Прозоров** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский университет)

проф. **Таката Токио** (Япония, Университет Киото)

акад. РАН **С.Л. Тихвинский** (Москва, ИДВ РАН)

Н.О. Чехович (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- А.И. Колесников.* Миниатюры и тексты в альбоме Е 28 из собрания ИВР РАН **5**

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Н.В. Козырева.* Южная Месопотамия при последних царях династии Хаммурапи: "moving around Babylon" **28**

- Ю.А. Иоаннесян.* Продолженное время с глаголом «иметь» как особенность западноиранских диалектов на территории Ирана **44**

- В.М. Рыбаков.* Нормативная база обслуживания августейших особ в Танском Китае. Часть 1. Лечение, питание **54**

- С.Л. Бурмистров.* Гимны Шанкары: проблема авторства, философские аспекты и религиозные практики **69**

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- С.М. Якерсон.* Посвящения в еврейских рукописях как источник информации и дезинформации **85**

- М.А. Козинцев, С.А. Французов.* Двухязычная отрицательная рецензия на полях рукописного арабо-христианского трактата по метеорологии **97**

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- А.В. Зорин.* Некоторые материалы по тибетологии из фонда Б.И. Панкратова в АВ ИВР РАН. Часть 1. Материалы по тибетско-монгольской иконографии **105**

- Тамура Масато, Судзуки Кэндзи.* Японские книги из сахалинских библиотек в ИВР РАН. Предисловие, перевод с японского языка *К.Г. Маранджян* **121**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Т.В. Ермакова.* Конференция «Актуальные проблемы буддологических исследований» (Санкт-Петербург, 20 февраля 2017 г.) **131**

- И.В. Богданов.* Общество и культура Древнего Востока: II Конференция памяти В.А. Якобсона (Санкт-Петербург, 14–15 марта 2017 г.) **134**

- Т.А. Пан.* 2-я Всероссийская научная конференция молодых востоковедов «Китай и соседи» (Санкт-Петербург, 16–17 марта 2017 г.) **139**

РЕЦЕНЗИИ

- The Thirteenth Dalai Lama on the Run (1904–1906). Archival Documents from Mongolia / Ed. by Sampildondov Chuluun, Uradyn E. Bulag. — Leiden; Boston: Brill, 2013 (Brill's Inner Asia Archive. 1). — XXVIII, 598 pp. (*Т.А. Пан*) **142**

- Mitteliranische Handschriften. Teil 2: Berliner Turfanfragmente buddhistischen Inhalts in soghdischer Schrift, beschrieben von Christiane Reck. — Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 2016. (VOHD; XVIII,2). — 473 S. (*О.М. Чунакова*) **145**

IN MEMORIAM

- Искоз-Долинина Анна Аркадьевна (*С.Ю. Гинцбург*) **150**

На четвертой сторонке обложки:

??

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

The Institute of Oriental
Manuscripts
(Asiatic Museum)

Published under the supervision
of the Historical-Philological
Department of the Russian
Academy of Sciences

PIS'MENNYE PAMIATNIKI VOSTOKA

Volume 14, No. 3
autumn
2017

Founded in 2004
Issued quarterly
Issue 30

Editorial Board

Editor-in-Chief **Irina F. Popova**, Dr. Sci. (History), Prof. (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Deputy Editor-in-Chief **Tatiana A. Pang**, Cand. Sci. (History) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Secretary **Elena V. Tanonova**, Cand. Sci. (Philology) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Svetlana M. Anikeeva, Cand. Sci. (Philology) (Nauka–Vostochnaya Literatura Publishers, Moscow)

Boris V. Bazarov, Member of RAS (Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of RAS, Ulan-Ude)

Hartmut Walravens, Professor (Staatsbibliothek zu Berlin, Germany)

Vladimir I. Vasiliev, Corresponding Member of RAS (RAS, Moscow)

Olga V. Vasilieva (National Library of Russia, St. Petersburg)

Margarita I. Vorob'iova-Desyatovskaya, Dr. Sci. (History) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Anatoliy P. Derevyanko, Member of RAS (Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of RAS, Novosibirsk)

Youli A. Ioannesyan, Cand. Sci. (Philology) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Ali I. Kolesnikov, Dr. Sci. (History) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Alexander B. Kudelin, Member of RAS (Institute of World Literature, RAS, Moscow)

Karine G. Marandjian, Cand. Sci. (History) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Vladimir S. Myasnikov, Member of RAS (Institute of Far Eastern Studies, RAS, Moscow)

Nie Hongyin, Professor (Institute of Ethnology and Anthropology, CASS, Beijing, China)

Aliy I. Osmanov, Corresponding Member of RAS (Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of RAS, Makhachkala)

Stanislav M. Prozorov, Cand. Sci. (History) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Nicholas Sims-Williams, Professor (London University, Great Britain)

Takata Tokio, Professor (Kyoto University, Japan)

Sergei L. Tikhvinsky, Member of RAS (Institute of Far Eastern Studies, RAS, Moscow)

Nadezhda O. Chekhovich (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Nataliya S. Yakhontova, Cand. Sci. (Philology) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

IN THIS ISSUE:

PUBLICATIONS

- Aliy I. Kolesnikov.* Miniatures and Texts of Album E 28 in the Collection of the IOM, RAS **5**

RESEARCH WORKS

- Nelly V. Kozyreva.* South Mesopotamia under the Last Kings of Hammurapi Dynasty: “Moving Around Babylon” **28**
- Youli A. Ioannesyan.* The Continuous Tense with the Verb “To Have” as a Peculiar and Exclusive Feature of Western Iranian Dialects Spoken in Modern Iran **44**
- Viacheslav M. Rybakov.* The Legal Regulation of Serving the Royal Family in the T'ang China. Part 1: Medical Treatment, Food **54**
- Sergey L. Byrmistrov.* Šamkara's Hymns: The Problem of Authorship, Philosophical Aspects and Religious Practices **69**

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

- Shimon M. Iakerson.* Dedications in Hebrew Manuscripts as a Source of Information and Disinformation **85**
- Marc A. Kozintcev, Sergey A. Frantsouzoff.* A Negative Review in Two Languages on the Margins of a Handwritten Treatise on Meteorology **97**

COLLECTIONS AND ARCHIVES

- Alexander V. Zorin.* Some Tibetological Documents Found in B.I. Pankratov's Fund at the Orientalists Archive of the IOM, RAS. Part 1. Materials on Tibetan-Mongolian Iconography **105**
- Tamura Masato, Suzuki Kenji.* The IOM RAS Japanese Books from Sakhalin Libraries. Translation from Japanese, Introduction and Commentary by *Karine G. Marandjian* **121**

ACADEMIC LIFE

- Tatiana V. Ermakova.* Conference “Current Topics of the Buddhist Studies” (St. Petersburg, February 20, 2017) **131**
- Ivan V. Bogdanov.* The Second Academic Conference “Society and Culture of the Ancient Near East” in Memory of Vladimir A. Jacobson (St. Petersburg, March 14–15, 2017) **134**
- Tatiana A. Pang.* The 2nd All-Russian Scientific Conference of Young Orientalists “China and Its Neighbors” (St. Petersburg, March 16–17, 2017) **139**

REVIEWS

- The Thirteenth Dalai Lama on the Run (1904–1906). Archival Documents from Mongolia. Ed. by Sampildondov Chuluun, Uradyn E. Bulag. Leiden–Boston: Brill, 2013. ISBN 978-90-04-25454-1. — XXVIII, 598 pp. (Brill's Inner Asia Archive 1) (in English)] (*Tatiana A. Pang*) **142**
- Mitteliranische Handschriften. Teil 2: Berliner Turfanfragmente buddhistischen Inhalts in soghdischer Schrift, beschrieben von Christiane Reck. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2016 (VOHD; XVIII,2). 473 S. (*Olga M. Chunakova*) **145**

IN MEMORIAM

- Anna Arkadievna Iskoz-Dolinina (*S.Yu. Gintsburg*) **150**

Миниатюры и тексты в альбоме Е 28 из собрания ИВР РАН

А.И. Колесников

Институт восточных рукописей РАН

Альбом Е 28 составлен из пяти отдельных листов неизвестной персидской рукописи, датируемой по косвенным данным XVII–XVIII вв. Тексты внутри этих листов содержат в большинстве рассказы, касающиеся деяний суфийских братств в регионах Центральной Азии с XI по XV в. Пять миниатюр являются иллюстрациями к событиям, описанным в рассказах.

Ключевые слова: Абу Саид Абу-л-Хайр, Герат, Хорезм, Амударья, шейхи, мистицизм, ладья.

Статья поступила в редакцию 21.01.2017.

Колесников Алий Иванович, доктор исторических наук, советник ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (ali.koles@mail.ru).

© Колесников А.И., 2017

В отделе рукописей и документов ИВР РАН в арабографичном фонде под шифром Е 28 (инв. № 10371) хранится альбом. Он составлен из пяти разрозненных листов средневековой персидской рукописи, приобретенных в антикварном магазине г. Санкт-Петербурга 18 января 2016 г. На одной стороне каждого листа имеется текст, сопровождаемый пояснительной миниатюрой (или же содержание миниатюры поясняется текстом), на другой стороне, как правило, только текст. При этом миниатюра с текстом могут располагаться как на лицевой, так и на оборотной стороне листа, и в таком случае «чистый» текст и текст с пояснительной миниатюрой меняются местами¹. Кустода всегда располагается под текстом оборотной стороны листа и обозначает продолжение повествования, фиксируя первое слово на лицевой стороне следующего за ним листа. Судя по спорадической пагинации, вся рукопись могла насчитывать около 290–300 листов. По косвенным признакам (степень сохранности бумаги, содержание текста, характер письма) ее можно датировать концом XVII — XVIII в. Различные отметки «арабскими» и арабскими цифрами в правом верхнем углу листов свидетельствуют, что рукопись была разброшюрована на отдельные части уже в XX или даже в начале XXI в.

Ограниченность доступного материала не позволяет говорить о содержании всей рукописи, но и то немногое, что удалось извлечь из фрагментов пяти повествований, склоняет к мысли о том, что мы имеем дело с жанром занимательных рассказов, которыми была так богата средневековая персидско-таджикская литература Средней

¹ В данном альбоме это наблюдается на листах Е 28 2 и Е 28 4.

Азии². В наших фрагментах главное место занимают повествования, в той или иной степени связанные с деятельностью суфийских шейхов в Центрально-Азиатском регионе. Главным их недостатком является отсутствие в разрозненных листах небольшого альбома начала и конца рассказов, но ясность текста в сочетании с реалистичностью миниатюр помогают понять содержание.

Предлагаем описание и характеристику материала в порядке нумерации листов альбома Е 28.

Е 28 1R (илл. 1)

Размеры листа: ширина — 13 см; высота — 22,3 см.

На лицевой стороне внутри рамки расположены миниатюра и текст.

Размеры рамки: ширина — 10,8 см; высота — 16 см; толщина — 0,4 см.

Слева над рамкой цифра ۱۱۷ (117), в правом верхнем углу страницы — латинская буква М.

Большую часть внутреннего пространства рамки занимает миниатюра. На голубом фоне с условной растительностью — группа из четырех беседующих мужчин. Один в центре композиции о чем-то расспрашивает остальных, трое пытаются ему ответить. На бледно-розовом фоне или заднем плане — трое других (двое слева и один справа) наблюдают за первой группой.

Во вклеенном прямоугольнике над изображением — четыре строки персидского текста, из которых три первые представляют лирические двустишия (*байт* или бейты), а четвертая — прозаический текст, означающий переход к дальнейшему повествованию. Еще две строки текста помещены в прямоугольнике, вклеенном в нижней части миниатюры.

Верхние тексты:

چشم کو تا باز بینم روی یار	پای کو تا باز پویم کوی یار
یا ز زیر خاک و خون سر بر کنم	دست کو تا خاک ره بر سر کنم
دوست کو تا دست گیرد یکدم	یار کو تا دل دهد در یک غم
این بگفت و روی در صحرا نهاد و مجنون وار در آن جست و جوی	

Нижний текст:

بسی شتافت اثری از سفر کرده خود نیافت بدین طرف
و بدان طرف می نگریست و سنگ بسینه میزد و در عشق او میگفت

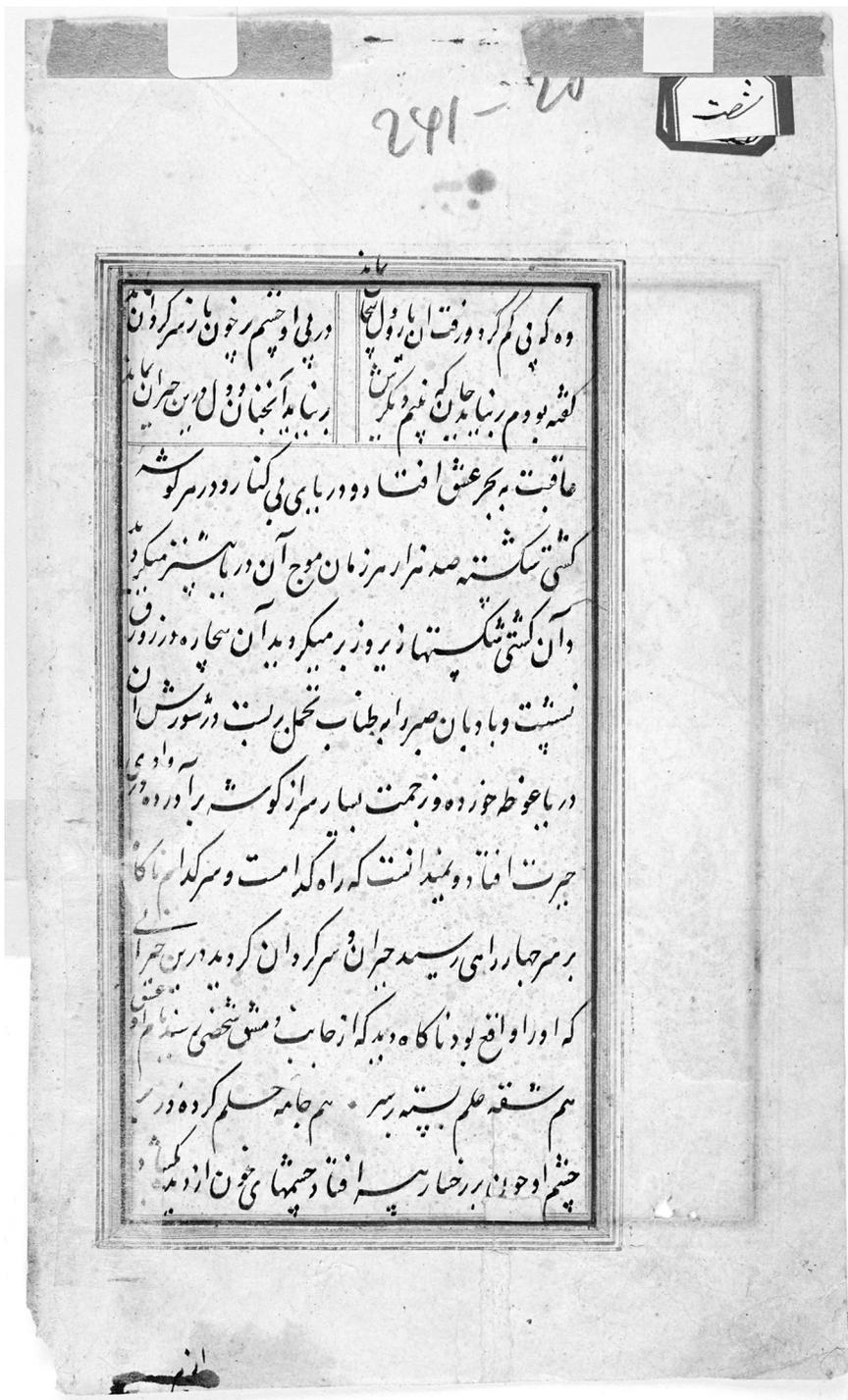
Переводы:

«„Где тот след, по которому мне искать улицу друга?
Где то око, которое бы мне помогло увидеть лицо друга?
Где та рука, чтобы посыпать голову дорожной пылью,
Или же вытащить голову из пропитанной кровью земли?
Где друг, который бы посочувствовал мне в моей печали?
Где любимый, который бы сразу протянул руку помощи?“

² Каталог рукописей из собрания ИВР РАН, включающих сочинения этого жанра, в свое время составила Н.Н. Туманович (Туманович 1981).

Илл. 1.
Лицевая сторона листа (E 28 1R)

Илл. 2.

Оборотная сторона листа (E 28 1V)

Произнеся это, он направился в пустыню [степь] и, подобно Маджнуну³, занялся поисками [друга].

Как ни торопился, никаких следов [друга] за время своего странствия он не обнаружил. Вглядывался то в одну сторону, то в другую, бил себя камнем в грудь и повторял в любовной тоске:...»

Е 28 1V (илл. 2)

Оборотная сторона содержит текст внутри рамки и кустоду под ней.

Размеры рамки: ширина — 8,3 см; высота — 16 см; толщина — 0,5 см.

В правом верхнем углу страницы в более поздней цветной рамочке вписана прописью цифра 60 (شست), рядом с рамочкой карандашная отметка — 241–20.

Внутри рамки заключены 12 строк персидского текста почерком *наста'лик*⁴, из которых две первые по содержанию представляют любовное четверостишие (*руба'и*), а остальные 10 — приключения героя в поисках своего объекта поклонения.

Тексты:

وه که پی گم کرد و رفت آن یار و دل بیجای ماند
در پی او چشم پر خون باز سرگردان ماند
گفته بودم بر نیاید جان که بینم دیگرش
بر نیاید آنچنان و دل درین حیران بماند

عاقبت به بحر عشق افتاد و دریای بی کنار و در هر گوشه
کشتی شکسته صد هزار هر زمان موج آن دریا بیشتر میگردد
و آن کشتی شکسته زیر و زبر میگردد آن بیچاره در زورق
نشست و بادبان صبر را به طناب تحمل بر بست در شورش آن
دریا غوطه خورده و بزحمت بسیار سر از گوشه بر آورده در وادی
حیرت افتاد و نمیدانست که راه کدامست و سر کدام ناگاه
بر سر چهار راهی رسید حیران و سرگردان گردید درین حیرانی
که اورا واقع بود ناگاه دید که از جانب دمشق شخصی رسید نام او عشق؟

هم شقه علم بسته بر سر هم جامه حلم کرده در بر
چشم او چون بر رخسار پسر افتاد چشمهای خون از دیده بگشاد

Переводы

[Руба'и]:

«„Как жаль, что потерял след. Исчез мой друг — и сердце мое не на месте.

В поисках его снова страдаю, проливая горючие слезы.

Говорил я, что не вернется мой друг, чтобы мне снова его увидеть.

А раз он не вернется, то сердце пребывает в великой печали“.

³ Персонаж поэмы Низами Гянджеви (1141–1209) «Лейли и Маджнун».

⁴ Один из четырех основных почерков арабграфического письма, соединивший в себе стройность *насха* и округлость *та'лика*. Утвердился в Иране с XIV в. О разновидностях этого почерка и его творцах см.: (Yusofî 1990: 696–699, 709–714; Кази Ахмад Куми (Акимушкин) 2016: 162–174, passim).

[Рассказ]:

Так он окончательно погрузился в море любви. А бескрайнее море повсюду все время ломало корабль (*kešti*). С каждым разом сотни тысяч волн становились все мощнее, и обломки судна разметало по всей поверхности моря. Тот несчастный пересел в ладью (*zawraq*), и парус терпения он закрепил канатом выносливости. В беспокойном море он провалился в пучину и с большим трудом вынырнул на поверхность. Вдруг он оказался в удивительной долине и не понял, куда она ведет и где кончается. Неожиданно он достиг перекрестка четырех дорог и остановился в большом изумлении и смущении. Пребывая в таком состоянии, он увидел, как со стороны Дамаска внезапно появился некто по имени Любовь⁵.

[Двустихия]:

„Та же повязка учености на голове,
То же облачение скромности, венчающее ее.
Когда его взгляд упал на лицо юноши,
Из глаз его хлынули горячие слезы“».

Слева у нижней кромки страницы отчетливо видна кустада از هر («Из каждого...»).

Комментарий:

Начало и конец повествования отсутствуют, хотя понять его смысл не составляет труда — в рассказе говорится о суфийской мистической любви верующего к объекту высшего почитания, к Богу. Ладья, в которую садится дервиш, в суфийской литературе означает отрешенность от повседневных жизненных забот, аскетизм⁶.

Е 28 2V (илл. 3)

Размеры листа: ширина — 12,8 см (верх), 13 см (низ); высота — 22 см.

На лицевой стороне — текст в рамке.

Размеры рамки: ширина — 8,2 см (низ), 8,1 см (верх); высота — 15,7 см и 15,8 см; толщина — 0,4 см.

Персидская пагинация в верхнем левом углу листа отсутствует. На верхнем поле над рамкой цифры карандашом — 241–16 и тушью — 09, 20.

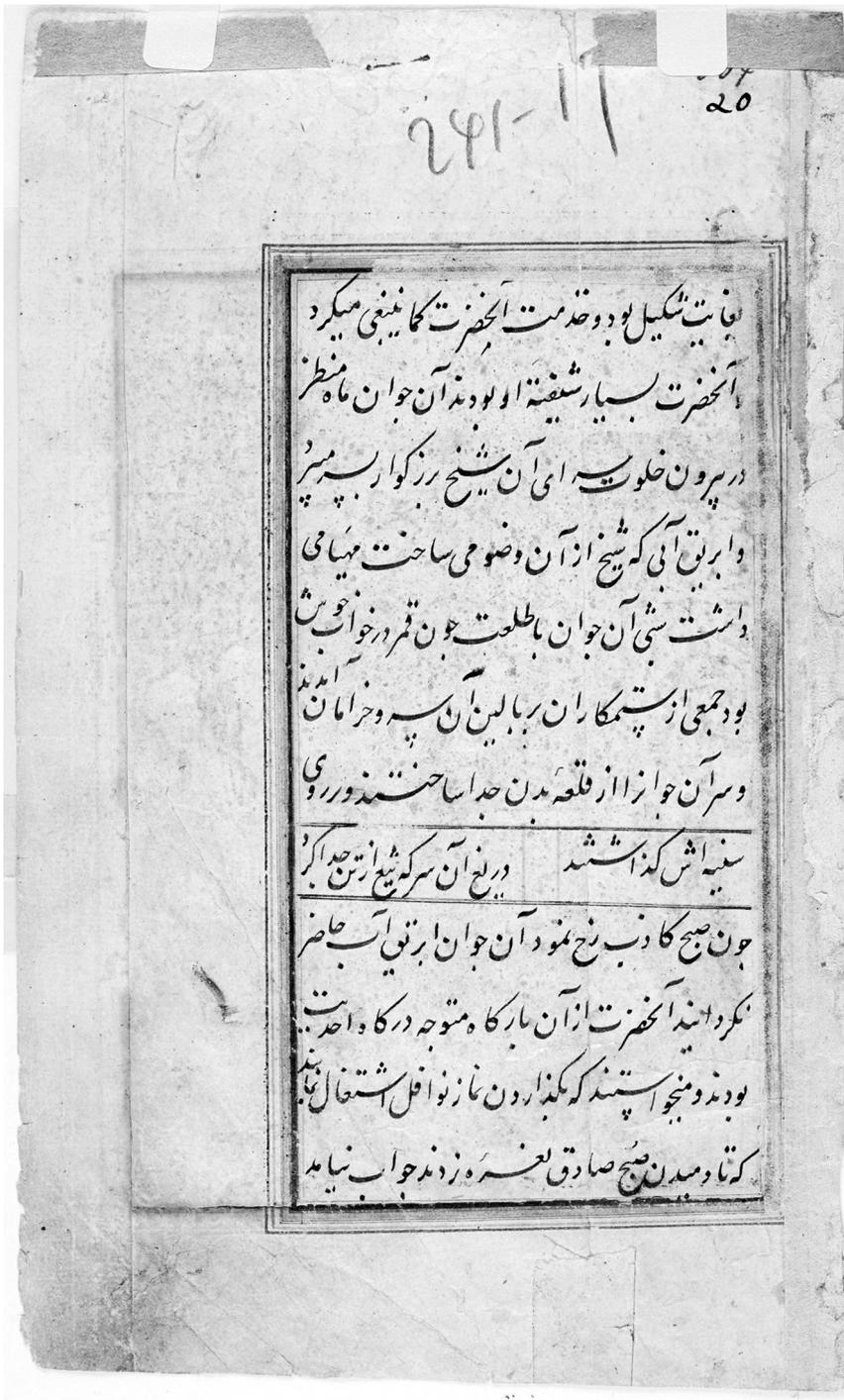
Внутри рамки почерком *наста'лик* выписаны 12 строк персидского текста.

Текст:

بغایت شکیل بود و خدمت آنحضرت کما ینبغی میکرد
و آنحضرت بسیار شیفته او بودند آن جوان ماه منظر
در بیرون خلوت سرای آن شیخ بزرگوار بسر میبرد
و ابریق آبی که شیخ از آن وضو می ساخت مهیا می
داشت شبی آن جوان با طلعت چون قمر در خواب خوش
بود جمعی از ستمکاران بر بالین آن سرو خرامان آمدند
و سر آن جوانرا از قلعه بدن جدا ساختند در روی
سینه اش گذاشتند دریغ آن سر که تیغ از تن جدا کرد

⁵ В тексте ошибочно عشق вместо عسق .

⁶ Подробнее о мистической любви см. (Бартольд 1966: 114–120; Бертельс 1965: 181–184; Шimmel 2012: 138–156).

Илл. 3.

Лицевая сторона листа (E 28 2V)

Илл. 4.

Оборотная сторона листа (E 28 2R)

جون صبح كاذب رخ نمود آن جوان ابريق آب حاضر
نگردانيد آنحضرت از آن بارگاه متوجه درگاه احديت
بودند و ميخواستند كه بگذارند نماز نوافل اشتغال نمايند
كه تا دميدن صبح صادق نعره زدند جواب نيامد

Перевод:

«...Он был очень хорошо сложен и служил Их святейшеству как следует. И Их святейшество буквально сходили с ума по тому луноликому юноше, который жил за уединенной кельей, которую занимал великий шейх. Юноша обычно готовил кувшин с водой, из которого шейх делал омовение. Однажды ночью, когда луноликий красавец наслаждался сном, несколько злодеев подкрались к изголовью того грациозного кипариса, отделили голову юноши от тела и положили ему на грудь:

Как жаль ту голову, которую меч отделил от тела!

Когда наступили [букв. „показали свое лицо“] предрассветные сумерки, тот юноша не приготовил кувшина воды. Их святейшество из своей опочивальни направились к месту уединения и захотели приступить к необязательным молитвам (*namāz-e nawāfil*)⁷. До самого рассвета [букв. „настоящего утра“] они звали [слугу], но на их призыв не было никакого ответа».

Е 28 2R (илл. 4)

На оборотной стороне в рамке — миниатюра с текстом и кустода под рамкой.

Размеры рамки: ширина — 11 см (низ), 10,8 см (верх); высота — 15,8 см; толщина — 0,4 см.

Над рамкой в верхнем левом углу листа — размытая цифра чернилами ٢٨٤ (284), сверху справа — цифра ١٥ (15), и в самом углу справа — латинская буква M.

Миниатюра изображает последствия случившегося: семеро мужчин стоят вокруг обезглавленного тела, потрясенные страшным преступлением. Над миниатюрой, под потолком рамки вклеены две строки текста, продолжающего рассказ.

Текст:

در خلوت باز گردند دیدند که جوان را کشته اند و سرش را
بر روی سینه اش نهاده اند شیخ چون دید که جنان حالی

Перевод:

«Люди собрались в келье и увидели, что юношу убили, а голову положили ему на грудь. Когда шейх увидел, что случилось...»

В нижней части рамки (под изображением) — две последние строчки текста.

Текст:

طاری شده مطلقان اظهار نفرمودند و کسی از ایشان
اصلا فهم نکرد و در همان زمان حضرت سلطان ابو سعید ابو الخیر

⁷ Здесь под «необязательными» понимаются дополнительные к тем обязательным молитвам, которыми ограничивались рядовые верующие. Но не исключено, что в данном контексте имелся в виду *hadīs an-nawāfil*, обещающий присутствие Бога в любящем рабе за его благочестивые деяния (Шimmel 2012: 276, 496).

Перевод:

«...неожиданное, Они [шейх] вообще никак не высказались. Никто из них [из присутствующих] совсем ничего не понял. Тотчас же Их Величество султан Абу Саид Абу-л-Хайр [прибыли]».

Комментарий:

Имеется в виду один из создателей восточной (хорасанской) школы мистицизма, глава суфийского центра в Нишапуре — Абу Саид Фазлаллах б. Аби-л-Хайр Майхани (967–1049) (Рурка 1959: 216–217; Бертельс 1965: 47–50; Böwering 1983: 377–380; О.А. 1991: 10–11; Шиммель 2012: 243).

Слева у нижней кромки страницы под рамкой помещена кустода رسیدند («прибыли»).

Е 28 3R (илл. 5)

Размеры листа: ширина — 13,5 и 13,4 см; высота — 22 см.

Лицевую сторону занимают миниатюра и текст в рамке, заключенный в прямоугольники и наклеенный на изображение.

Размеры рамки: ширина — 11,4 см; высота — 15,8 см; толщина — 0,4 см.

Слева над рамкой арабские цифры ٥٦ (56) и ٦٠ (60).

В правом верхнем углу листа — тушью арабская цифра ٧٧ (77) и греческая δ.

Миниатюра в центре рамки изображает нападение пьяного на шейха, который разбивает шейху голову музыкальным инструментом. Четверо свидетелей осуждают поведение драчуна.

Текст над миниатюрой (4 строки) открывается короткой стихотворной сентенцией о преимуществе добровольных лишений и тягот ради достижения высшей цели — единения с Богом, и иллюстрирует это на примере благонравной жизни шейха. Текст под миниатюрой (2 строки) фиксирует факт нанесения шейху телесного повреждения.

Текст над миниатюрой:

ان درد طلب که علت بی درد یست درد یست که هیچگونه درمانش نیستز
فقر و فنا و اخلاق آنحضرت بمرتبه بوده که اکثر اوقات
هر روز پیاده سیر میفرموده و مردم خوارزم اورا فرشته
روی زمین می گفته اند روزی یزدان بخش مست در کوجه ای

Перевод

[Двустиише]:

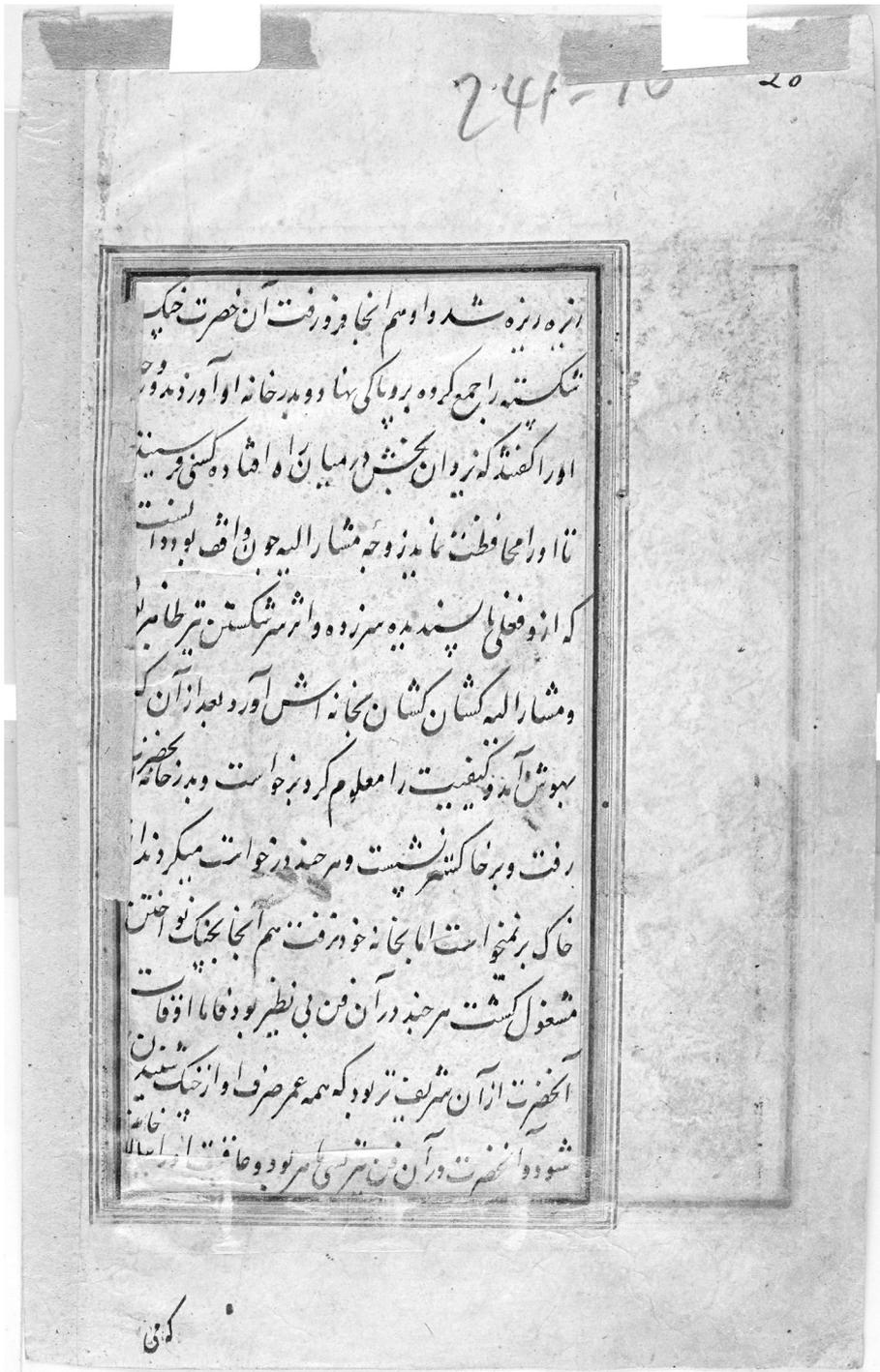
«Призывай ту боль, которая избавляет от боли [букв. „является причиной отсутствия боли“],

Ту боль, от которой никакого лекарства не бывает.

Добровольная бедность, аскетизм и благонравие Его Святейшества достигли такой степени, что ежедневно бóльшую часть времени он проводил в пеших прогулках, и жители Хорезма называли его земным ангелом. Однажды пьянчужка Йазданбахш на какой-то улице...»

Илл. 5.
 Лицевая сторона листа (E 28 3R)

از به ریزه شد و او هم انجا فرود رفت آن حضرت خلیف
 شکرته را جمع کرده بروی کی سنا و در خانه او آوردند و
 او را گفتند که زیوان بخش در میان راه افتاده کسبی
 تا او را می یافت نماید زوجه مشارالیه چون افتاد بود است
 که از او فعلی پسندیده سرزده و اثرش شکستن تیر طایفه
 و مشارالیه کشان کشان بخانه اش آورد و بعد از آن که
 بهوش آمد و کیفیت را معلوم کرد بزواج است و بدو بخدمت
 رفت و برخاکش نشیست و سرحد در خواست میکردند
 خاک بر نمخواست اما بخانه خود رفت هم انجا بچگونگی
 مشغول گشت سرحد در آن فن بی نظیر بود فاما اوقات
 آنحضرت از آن شریف تر بود که همه عمر صرف اواز شکست
 شود و آنحضرت در آن فن تیرسی سر بود و عاقبت از اسلام

کونی

Илл. 6.

Оборотная сторона листа (E 28 3V)

Текст под миниатюрой:

بأن حضرت رسیده در مستی در مرتبه بود که چنگ را چنان
بر سر مبارکش زد که سر آنحضرت بشکست و چنگ نیز

Перевод:

«...подошел к Его святейшеству. Он был настолько пьян и так ударил *чангом*⁸ по Его благословенной голове, что разбил Его святейшеству голову. И *чанг* тоже...»

E 28 3V (илл. 6)

Оборотная сторона содержит текст в рамке и кустоду под рамкой.

Размеры рамки: ширина — 8,4 и 8,3 см; высота — 15,8 и 15,9 см; толщина — 0,4 см.

Над рамкой карандашные приписки — 241–70. В правом верхнем углу тушью — 20.

В рамке — 12 строк персидского текста почерком *наста'лик*, продолжающего изложение событий.

Текст:

ریزه ریزه شد و او هم آنجا فرو رفت آنحضرت چنگ
شکسته را جمع کرده برو پاکی نهاد و بدر خانه او آوردند و زوجه
او را گفتند که یزدان بخش در میان راه افتاده کسی فرستید
تا او را محافظت نماید زوجه مشار الیه جون واقف بود دانست
که ازو فعلی ناپسندیده سر زده و اثر سر شکستن نیز ظاهر بود
و مشار الیه کشان کشان بخانه اش آورد بعد از آن که
بهوش آمد و کیفیت را معلوم کرد برخواست و بدر خانه آنحضرت
رفت و بر خاکستر نشست و هر چند درخواست میکردند از
خاک بر نمیخواست اما بخانه خود نرفت هم آنجا بچنگ نواختن
مشغول گشت هر چند در آن فن بی نظیر بود فاما اوقات
آنحضرت از آن شریف تر بود که همه عمر صرف او از چنگ شنیدن
شود و آنحضرت در آن فن نیز بس ماهر بود و عاقبت او را ببالا خانه...

Перевод:

«...рассыпался на мелкие осколки. Он сам [драчун] упал рядом. Его святейшество собрал сломанный *чанг*, очистил и отнес к его дому. Его жене сказал: „Изданбахш упал и лежит на дороге. Пошлите кого-нибудь, чтобы постерек“. Когда жена вышеупомянутого узнала, что с ним, она поняла, что тот совершил какое-то нехорошее

⁸ *Чанг* — род арфы (Гаффаров 1976: I, 239). В персидском толковом словаре объяснение не более конкретное, но помещенный рядом с текстом рисунок не оставляет сомнения, что это арфа (Muhammad Nusayn Tabrizi (Mu'in) 1963: 664). На самой миниатюре видны две сохранившиеся грани разбитого инструмента. В действии *чанг* представлен на миниатюре в списке рукописи «Хамсе» Низами Гянджеви, датированной 1431 г. На ней изображены охотящийся Бахрам Гур и его возлюбленная Фитне, перебирающая струны *чанга* (Адамова 2010: 142–143, илл. 28). Восточный *чанг* отличается от европейской арфы меньшими размерами.

дело, о чем свидетельствовал и след раны на разбитой голове [Его святейшества]. Женщина волоком дотащила упомянутого мужа к своему дому. После того как он пришел в себя [букв. „к нему вернулось сознание“] и оценил обстоятельства, он встал и направился к порогу Его святейшества. Перед входом он сел на землю [букв. „на золу“], и сколько его ни просили — не вставал с земли, да и к дому своему не возвращался. И тогда он стал играть на *чанге*. Поскольку в этом искусстве ему [Йазданбахшу] не было равных, настроение Его святейшества становилось все возвышеннее, так бы и слушал всю жизнь мелодии *чанга*. Его святейшество тоже был знаток в этом искусстве. Наконец он [пригласил] музыканта к себе в верхнюю комнату...»

Слева у нижней кромки листа — кустода *که می* («...чтобы»).

Е 28 4V (илл. 7)

Размеры листа: ширина — 13,5 и 13,6 см; высота — 22 см.

На лицевой стороне представлены только тексты в рамке.

Размеры рамки: ширина — 8,3/8,4 см; высота — 16 см; толщина — 0,4 см.

В левом верхнем углу в цветной рамочке две цифры тушью — 764 и 20.

Вверху по центру карандашная отметка — 241–10.

Рядом с левой стенкой рамки, на свободном поле — арабская цифра ۵۴ (54), обозначающая, вероятно, порядковый номер рассказа в рукописи.

Внутри рамки выполнены 12 строк персидского текста почерком *наста'лик*, представляющие завершение одного рассказа и начало другого.

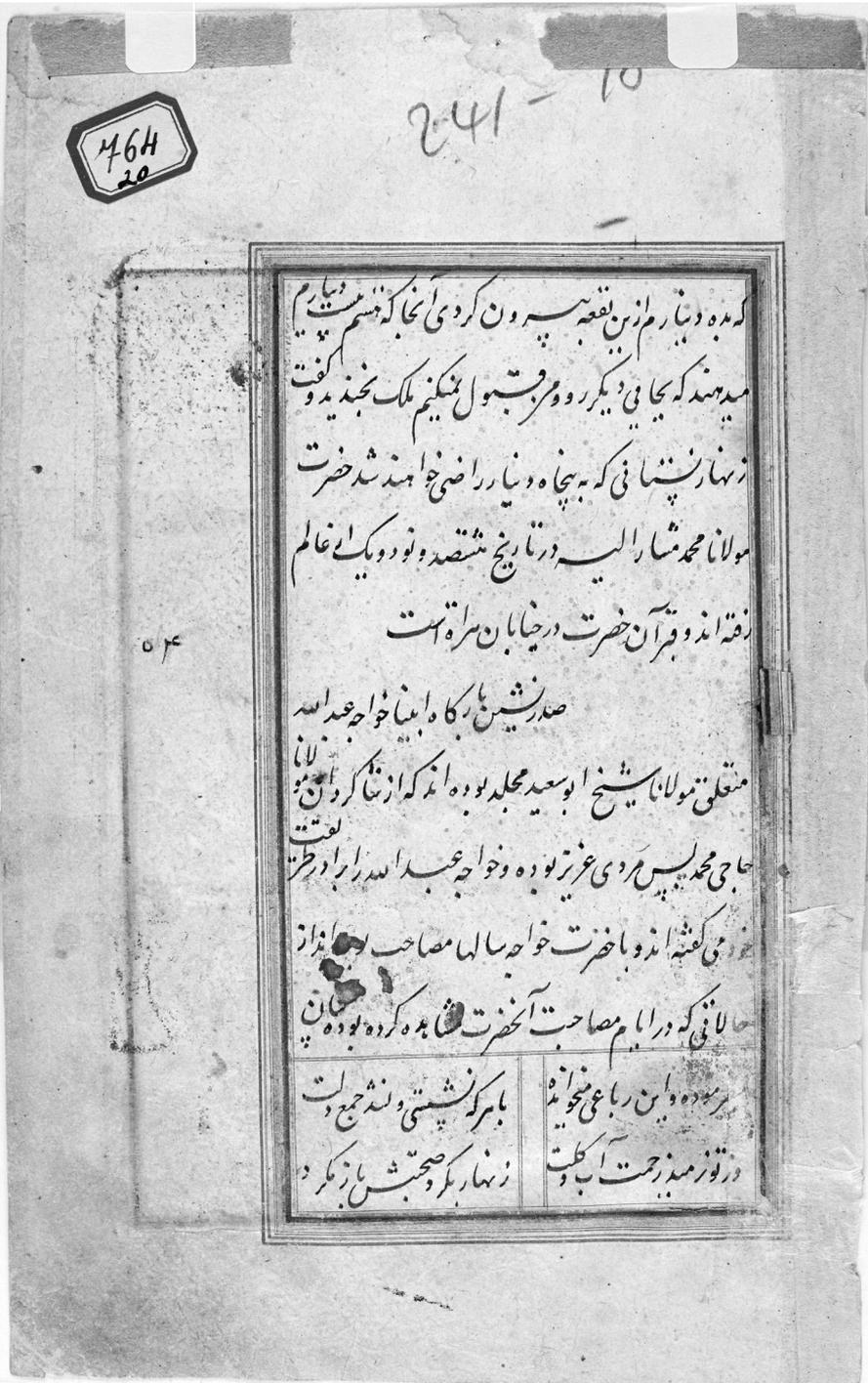
Текст:

که بده دینارم از این بقعه بیرون کردی آنجا که هستم بیست دینارم
 میدهند که بجایی دیگر رود من قبول نمیکنم ملک بخندید و گفت
 زنهار نستانی که به پنجاه دینار راضی خواهند شد حضرت
 مولانا محمد مشارالیه در تاریخ هشتصد و نود و یک از عالم
 رفته اند و قبر آن حضرت در خیابان هراة است
 صدر نشین بارگاه انبیا خواجه عبد الله
 متعلق مولانا شیخ ابو سعید مجلد بوده اند که از شاگردان مولانا
 حاجی محمد بس مردی عزیز بوده و خواجه عبد الله را برادر طریقت
 خود می گفته اند و با حضرت خواجه سالها مصاحب بوده اند از
 حالاتی که در ایام مصاحبت آنحضرت مشاهده کرده بوده بیان
 میفرموده و این رباعی میخوانده با هر که نشستی و نشد جمع دلت
 و ز تو نرمید زحمت آب و گلت زنهار بگرد صحبتش باز مگرد

Перевод:

«„За те мои десять динаров, которые ты извлек из этой обители [вариант: ‘участка земли’], там, где я живу, мне дадут двадцать динаров. Если уйдет в другое место, — я не соглашусь [букв. ‘не приму’]“. Царь засмеялся и сказал: „Не надо просить прощения, за пятьдесят динаров они согласятся“.

Их святейшество упомянутый Господин наш Мухаммад покинул этот мир в 891 г.х. (1486 г. н.э.). Могила Их святейшества находится на аллее Герата.

46H
20

241-10

۵۴

که بدو دنیا را ازین بقعه سپردن کردی آنجا که قسم می‌گیرم
 میدهند که بجای دیگر و در صورتی که من بکنم ملک بخندید و گفت
 زنهار پستانی که به چاه دنیا را راضی خوانند شد حضرت
 مولانا محمد شارالیه در تاریخ منتقد و نو و یک عالم
 زنده اند و قرآن حضرت در جابان مرآت است

صدرشین باکاه اینا خواجه عبداله
 منقولی مولانا شیخ ابوسعید مجله بوده اند که از ناگردان مولانا
 حاجی محمد پسر مردی عزیز بوده و خواجه عبداله را برادر طرف
 زنی گفته اند و با حضرت خواجه سالما صاحب برادر از
 حالاتی که در ایام مصاحبت آنحضرت مشاهده کرده بوده چنان

بامر که نشستی و نشد جمع است	در روز مبد رحمت آب و گلت
زنهار کرد و صحبتش باز کرد	

Илл. 7.
Лицевая сторона листа (E 28 4V)

Илл. 8.

Оборотная сторона листа (E 28 4R)

54 Почетный глава, чертог пророков Ходжа Абдаллах, родственник Господина нашего Абу Саида, в бытность свою переплетчиком был одним из любимых учеников Господина нашего Хаджи Мухаммада, который называл Ходжу Абдаллаха братом по своему *тариқату*⁹. Многие годы он был собеседником Их святейшества Ходжи [Абдаллаха]¹⁰. О состояниях мистического экстаза, которые он [Хаджи Мухаммад] наблюдал в дни духовной беседы с Их святейшеством, он давал пояснения и цитировал следующее четверостишие:

„Каждого, с кем ты беседовал [букв. ‘сидел’], и сердце твое
От этого не стало внимательным [букв. ‘не собралось’, ‘не сосредоточилось’],
И тебя при этом не испугали заботы о твоей природе,
Берегись, и беседы с ним более не возобновляй...“»

Е 28 4R (илл. 8)

Оборотная сторона включает миниатюру с текстом (в рамке) и кустоду под рамкой. Размеры рамки: ширина — 10,8/10,9 см; высота — 16 см; толщина — 0,4 см.

Над рамкой справа — цифра ٦٨ (68) тушью, в правом верхнем углу карандашом — латинская M.

Две трети пространства внутри рамки занимает миниатюра, изображающая молодого человека в переплетной лавке, который передает шейху книгу. Перед лавкой двое беседующих прохожих, всадник на коне и юноша в колпаке с тростью в руке. Над миниатюрой три строки персидского текста, продолжающего повествование, под миниатюрой — две завершающие строки.

Текст:

ور نه نکند خون عزیزان بجلت آن حضرت اکثر اوقات بدکان
صحافی می آمدند و می نشستند و با او بیہانہ کتاب دیدن سخن
می گفتند و کتبی کہ در آن دکان بوده یک بیک از آن نو جوان
مد حیین (?) می گرفتہ اند و در پہلوی خود می گذاشته اند و در وقت
رفتن ہمراہ می برده اند و روز دیگر مولانا حاجی محمود آن جوانرا

Перевод:

«...Иначе кровь твоих близких тебя не простит.

Большую часть времени Их святейшество проводили в переплетной мастерской, там сживали и под предлогом просмотра книг заводили разговор с переплетчиком. Книги, которые были в мастерской, они одну за другой брали у приветливого молодого человека, складывали возле себя, а при уходе уносили с собой. На другой день Господин наш Хаджи Махмуд того юношу [пригласил домой(?)]».

Слева у нижней кромки страницы — кустода منزل («дом»).

⁹ Т.е. мистическому пути постижения истины.

¹⁰ Судя по упоминанию родства Ходжи Абдаллаха с Абу Саидом Майхани, эти события имели место в XI в.

E 28 5R (илл. 9)

Размеры листа: ширина — 13,6 см; высота — 22 см.

Лицевая сторона содержит миниатюру и текст (в рамке).

Размеры рамки: ширина — 11,3 см; высота — 16 см; толщина — 0,4 см.

За рамкой в левом верхнем углу — две цифры (тушью): ۱۳۷ (137), и чуть ниже — ۵۳ (53). Верхняя цифра представляет общую пагинацию, нижняя, вероятно, указывает на порядковый номер рассказа.

Миниатюра изображает сцену борьбы, за исходом которой заинтересованно наблюдают всадник на коне и семеро пеших. Над миниатюрой — 6 строк персидского текста почерком *наста'лик*, под миниатюрой — 1 строка.

Текст:

احسان که با آن نمود و دل اورا و مادر پیرش بدست آورد
حضرت و اهب العظایا پرده حجاب از پیش دیده پهلوان
زمان برخاسته شد و تا پای عرش پروردگار معاینه
بدید و چون بر زمین نگریست تا پشت گاو و ماهی ملاحظه نمود
و بعد از آن پادشاه را میل شکار شده پهلوانرا همراه برده
و در عقب آمویی تاخته و بلری رسیده میخواست که از لر بجهد
پهلوان از اسب خود بزیر آمده و دو پای اسب پادشاه گرفته و نگاه داشته

Перевод:

«Проявленной им милостью [по отношению к побежденному] он покорил сердце его и его старой матери. Его Величество, приносящий щедрые дары, скрывался за занавесом. Витязь Заман встал и рассмотрел все до Престола Творца. А когда он посмотрел на землю, он стал наблюдать за скотом и рыбами. Затем падишаху пришло желание поохотиться, и он взял с собой витязя. Они скакали за Амударью и достигли протоки. [Падишах] собирался перепрыгнуть через протоку. А витязь спешил со своего коня, поднял [букв. „взял“] царского коня за две ноги и так держал».

E 28 5V (илл. 10)

На оборотной стороне расположены текст (в рамке) и кустода.

Размеры рамки: ширина — 8,5/8,2 см; высота — 16 см; толщина — 0,4 см.

Внутри рамки — почерком *наста'лик* три строки персидского прозаического текста и девять строк двустиший.

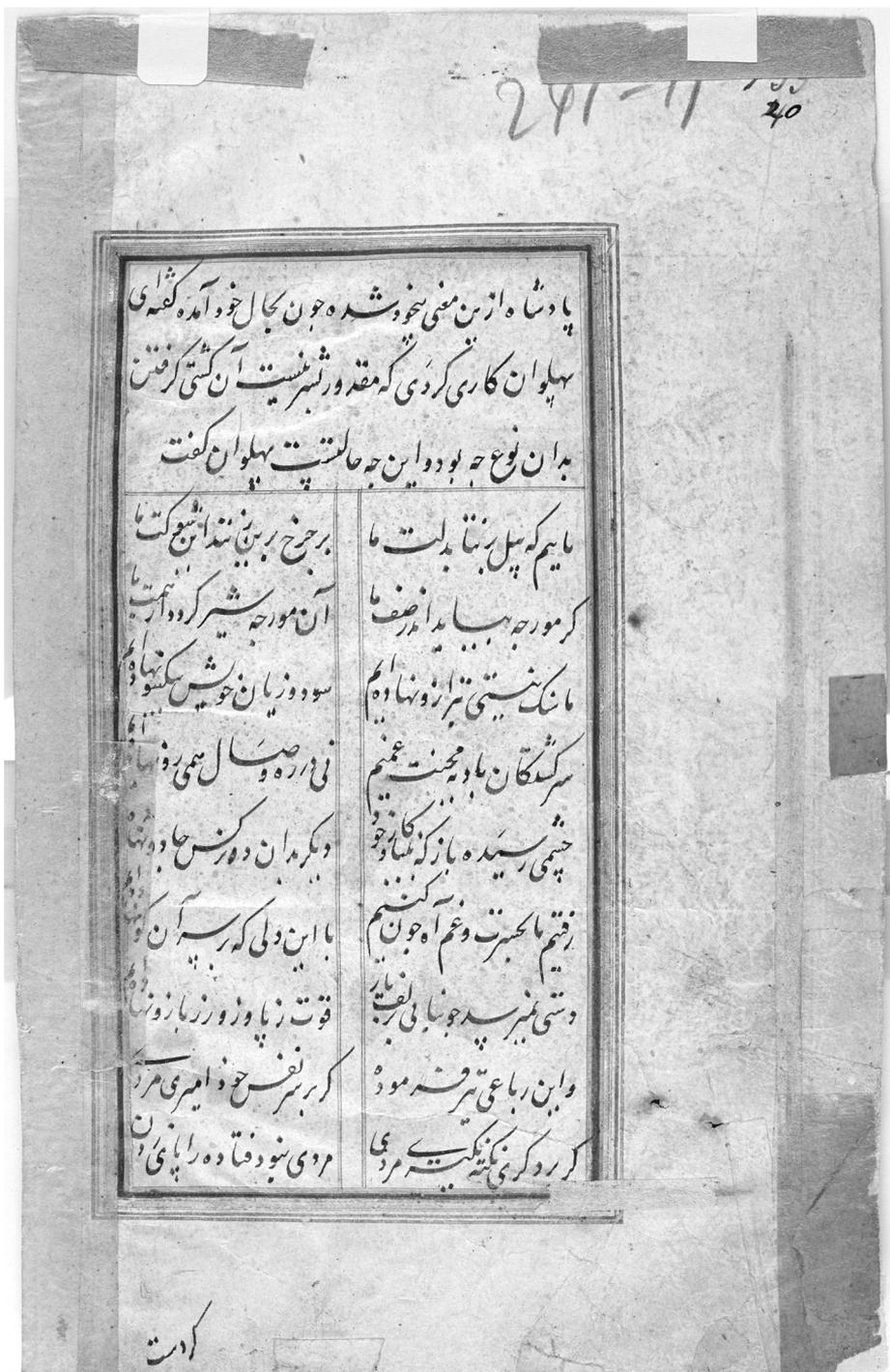
Тексты:

پادشاه ازین معنی بیخود شده و چون بحال خود آمده گفته ای
پهلوان کاری کردی که مقدر بشر نیست آن کشتی گرفتن
بدان نوع چه بود و این چه حالتست پهلوان گفت
ما نیم که سل بر نتابد لت ما بر جرخ برین زنند این شوکت ما
گر مورچه بیاید اندر صف ما آن مورچه شیر گردد از همت ما
ما سنگ نیستی بتر ازو نهاده ایم سود و زیان خویش بیکسو نهاده ایم
سرگشتگان بادیه محنت غمیم نی در ره وصال همی رو نهاده ایم

Илл. 9.

Лицевая сторона листа (E 28 5R)

Илл. 10.

Оборотная сторона листа (E 26 5V)

چشمی رسیده باز که نماید کار خود دیگر بدان ده بر کس جادو نهاده
رفتیم ما بحسرت و غم آه چون کشتیم با این دلی که بر سر آن کوه نهاده ایم
دستی نمیرسد جو نیایی بر زلف یار قوت ز پا و زور ز بازو نهاده ایم
و این رباعی تیر فرموده که بر سر نفس خود امیری مردی
گر بردگری نکته نکته نی مردی مردی نبود فتاده را پای اذن

Переводы:

«Падишах от всего этого буквально потерял сознание. А когда пришел в себя, спросил: „Эй, витязь! То, что ты совершил, — за пределами человеческих возможностей. И то, как ты боролся, и как произошло на этот раз“. Витязь ответил:

„Мы те, чей плот/корабль (*sal*)¹¹ не превратится в наши обломки,
Наши доблести достигают небосвода.
Если в наши ряды вступит муравей,
Этот муравей нашей милостью превратится во льва.
Мы камень небытия хуже него заложили,
Пользу свою и вред мы по одну сторону отложили.
Мы — блуждающие по пустыне забот и печали,
Устремлявшие взор не на пути соединения [с Богом].
Тот, кто пострадал от дурного глаза, более не вернется к своим занятиям,
Ибо свое дело он передал в то обиталище колдуну.
Шли мы в скорби и большой печали, когда бродили
С нашим сердцем, которое оставили на вершине той горы.
Станет недоступным [счастье], если не отыщешь в локоне друга,
Мы положили на это силу наших ног и мощь наших рук“.
И еще такое четверостишие (*рубa ‘u*) он сочинил экспромтом [букв. „выстрелил“]:
„Тот, кто управляет своими страстями, тот — муж.
Кто повелевает другими — он муж так себе.
Муж не будет просить позволения у падшего...“».

Четвертый стих отсутствует. Возможно, он перенесен на следующий лист, на что указывает кустада *گردست* (Если рука...).

Литература

- Адамова 2010 — *Адамова А.Т.* Персидские рукописи, живопись и рисунок XV — начала XX века. Каталог коллекции. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2010.
Бартольд 1966 — *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. VI: Работы по истории ислама и Арабского халифата. М.: Наука, 1966.
Бертельс 1965 — *Бертельс Е.Э.* Суфизм и суфийская литература. М.: Наука, 1965.
Гаффаров 1976 — *Гаффаров М.А.* Персидско-русский словарь. Т. I / Под ред. Ф.Е. Корша; Т. II / Под ред. Л.И. Жиркова. М.: Наука, 1976.
Кази Ахмад Куми (Акимушкин) 2016 — *Кази Ахмад б. Хусайн ал-Хусайни Куми.* Трактат о каллиграфах и художниках (Критический текст первой редакции на базе трех списков, перевод на русский язык, приложение, комментарии и примечания О.Ф. Акимушкина; подготовка к публикации, предисловие и указатели Б.В. Норика). М.: Садра, 2016.

¹¹ Гаффаров 1976: II, 469.

- О.А. 1991 — О.А. [О.Ф. Акимушкин]. Абу Са'ид Майхани // Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 10–11.
- Тримингэм 1989 — *Тримингэм Дж.С.* Суфийские ордены в исламе / Пер. с англ. А.А. Ставиской, под ред. и с предисл. О.Ф. Акимушкина. М.: Наука, 1989.
- Туманович 1981 — *Туманович Н.Н.* Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения АН СССР. Вып. 6: Фольклор (Занимательные рассказы и повести). М.: Наука, 1981.
- Шиммель 2012 — *Шиммель А.* Мир исламского мистицизма / Пер. с англ. Н.И. Пригариной и А.С. Рапопорт. 2-е изд. М.: Садра, 2012.
- Böwering 1983 — *Böwering G.* Abū Sa'īd Faẓlallāh b. Abī'l-Ḳayr // *Encyclopaedia Iranica* / Ed. by E. Yarshater. Vol. I. Fasc. 4. London; Boston; Melbourne; Henley: Routledge & Kegan Paul, 1983. P. 377–380.
- Muhammad Husayn Tabrizi (Mu'īn) 1963 — *Mohammad Hosayn ebn-e Khalaf de Tabriz.* Borhān-e Qāte'... Edition entièrement revue... par Moh. Mo'īn. Vol. 2. Teheran: Ebn-e Sīnā éditeur, 1963. P. 664–665.
- Рыпка 1959 — *Rypka J.* Iranische Literaturgeschichte. Unter Mitarbeit von O. Klima, V. Kubičková, J. Bečka, J. Ceipek, I. Hrbek. Leipzig: VEB Otto Harrassowitz, 1959.
- Yusofi 1990 — *Ġolām-Hosayn Yūsofi.* Calligraphy // *Encyclopaedia Iranica* / Ed. by Ehsan Yarshater. Vol. IV. Fasc. 7. London; New York: Routledge & Kegan Paul, 1990. P. 680–718.

References

- Adamova A. *Persidskie rukopisi, zhivopis' i risunok XV — nachala XX veka. Katalog kollektzii* [Persian Manuscripts, Paintings and Drawings of the 15th — early 20th Centuries. Catalogue of the Collections]. St. Petersburg: The State Hermitage Publishers, 2010 (in Russian).
- Bartol'd V.V. *Sochineniia. T. VI: Raboty po istorii islama i Arabskogo khalifata* [Collected Works, vol. VI: The Works on the History of Islam and on the Arab Kaliphate]. Moscow: Nauka, 1966 (in Russian).
- Bertel's Ye.E. *Sufizm i sufiiskaia literatura* [Sufism and Sufi Literature]. Moscow: Nauka, 1965 (in Russian).
- Böwering G. “Abū Sa'īd Faẓlallāh b. Abī'l-Ḳayr”. In: *Encyclopaedia Iranica*, ed. by E. Yarshater, vol. I, fasc. 4. London; Boston; Melbourne; Henley: Routledge & Kegan Paul, 1983, pp. 377–380 (in English).
- Gaffarov M.A. *Persidsko-Russkiy slovar'* [The Persian-Russian Dictionary in 2 volumes. Vol. I ed. by F.Ye. Korsh, vol. II ed. by L.I. Zhirkov]. Moscow: Nauka, 1976 (in Russian).
- Mohammad Hosayn ebn-e Khalaf de Tabriz. *Borhān-e Qāte'...* Edition entièrement revue... par Moh. Mo'īn, vol. 2. Teheran: Ebn-e Sīnā éditeur, 1963, pp. 664–665 (in Persian).
- O.A. (Akimushkin Oleg F.). “Abu Sa'id Maykhani”. In: *Islam. Encyclopedicheskii slovar'* [Islam. Encyclopaedical Dictionary]. Moscow: Nauka, 1991 (in Russian).
- Qazi Ahmad bin Husayn al-Husayni Qumi. *Traktat o kalligrafakh i khudozhnikakh (Kriticheskii tekst pervoi redaktsii na baze trekh spislov, perevod na russkii iazyk, prilozheniia, kommentarii i primechaniia O.F. Akimushkina; podgotovka k publikatsii, predislovie i ukazateli B.V. Norika)* [Treatise on Calligraphers and Painters. Critical text, translation from the Persian into Russian with notes and commentaries and Appendix to the book by Oleg F. Akimushkin, Preface, Indices and preparation for publication by Boris V. Norik]. Moscow: Sadra, 2016 (in Russian with Persian Appendix).
- Rypka J. *Iranische Literaturgeschichte.* Unter Mitarbeit von O. Klima, V. Kubičková, J. Bečka, J. Ceipek, I. Hrbek. Leipzig: VEB Otto Harrassowitz, 1959 (in English).
- Shimmel A. *Mir islamskogo mistitsizma* [The World of Islamic Mysticism. Transl. from English by N.I. Prigarina and A.S. Rapoport. 2nd ed.]. Moscow: Sadra, 2012 (in Russian).
- Trimingam J. Spenger. *Sufiiskie ordeny v islama* [The Sufi Orders in Islam. Transl. by A.A. Staviskaia under supervision and foreword by O.F. Akimushkin]. Moscow: Nauka, 1989 (in Russian).

- Tumanovich N.N. *Opisanie persidskikh i tadzhikskikh rukopisei Instituta vostokovedeniia AN SSSR, vyp. 6: Fol'klor (Zanimatel'nye rasskazy i povesti)* [Description of the Persian and Tadjik Manuscripts at the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences, USSR. Pt. 6: Folklore (Fascinating Stories and Narrations)]. Moscow: Nauka, 1981 (in Russian).
- Ġolām-Hosayn Yūsofī. "Calligraphy". In: *Encyclopaedia Iranica*, ed. by Ehsan Yarshater, vol. IV, fasc. 7. London; New York: Routledge & Kegan Paul, 1990, pp. 680–718 (in English).

Miniatures and Texts of Album E 28 in the Collection of the IOM, RAS

(Pis'mennye pamyatniki Vostoka, 2017, volume 14, no. 3 (issue 30), pp.5–27)
Received 21.01.2017.

Aliy I. Kolesnikov

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Album E 28 consists of five separate sheets of an unknown Persian manuscript, dated on the basis of circumstantial evidence to the 17th–18th centuries. The texts on these folios comprise mostly narrations concerning the acts of the *Sūfī* orders in Central Asia in the 11th–15th centuries. The five miniatures are illustrations of the events that were described in the narrations.

Key words: Abū Saʿīd Abī'l-Xayr, Herat, Khorezm, the Amudarya, shaykh, mysticism, boat.

About the author:

Aliy I. Kolesnikov, Dr. Sci. (History), Counselor of IOM RAS (ali.koles@mail.ru).

Южная Месопотамия при последних царях династии Хаммурапи: «moving around Babylon»*

Н.В. Козырева

Институт восточных рукописей РАН

Время правления последних царей I вавилонской династии, или династии Хаммурапи, как ее иногда называют (ок. 1711 — 1595 г. до н.э.), остается пока малоизученным периодом истории древней Месопотамии. Нет достаточно четкого ответа на вопросы о том, что вызвало резкое ослабление мощного государства, некогда созданного царем Хаммурапи, и привело династию к падению и кто на самом деле разрушил город Вавилон в 1595 г. до н.э. В своей статье автор приводит обзор новых источников, появившихся в последние десятилетия, и публикаций, сделанных на их основе. Эти данные позволили по-новому оценить роль таких факторов, как изменения экологии и массовые миграции населения, и их влияние на демографическую и политическую ситуацию, сложившуюся к началу XVI в. до н.э. в Вавилонском государстве.

Ключевые слова: I вавилонская династия, экология, миграция, деурбанизация, наемное войско.

Статья поступила в редакцию 27.01.2017.

Козырева Нэлли Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Древнего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (orinst@mail.ru).

© Козырева Н.В., 2017

I вавилонская династия (1894–1595 гг. до н.э.), шестым представителем которой был царь Хаммурапи, — одна из самых продолжительных царских династий древней Месопотамии, чье правление составило важную эпоху в истории месопотамской цивилизации. Именно в это время город Вавилон впервые занял позицию важнейшего политического и культового центра Южной Месопотамии, которую он сохранял в последующем на протяжении многих веков¹.

* «...„moving around Babylon“ стоит понимать не только в географически-историческом смысле... в этот ключевой исторический период город Вавилон превращался в политическую цель или вождельный приз, символ превосходства, становился политическим и административным „центром мира“ не столько для коренного городского (населения), сколько для представителей различных этнокультурных групп, постепенно, по крайней мере с конца III тыс. до н.э., заполнявших территории между городами» (Fales 2011).

¹ Впервые в клинописных текстах город Вавилон упоминается в табличке, датированной правлением аккадского царя Саргона (XXIV в. до н.э.). В конце III тыс. до н.э., когда вся Южная Месопотамия была объединена под властью царей Ура, Вавилон был небольшим провинциальным центром, в котором сидел царский наместник, собиравший подати. После распада государства III династии Ура в начале XIX в. до н.э. к власти в Вавилоне пришли представители одной из крупных аморейских групп, основавшие здесь свою династию, которую условно называют I вавилонской династией. После падения I вавилонской династии судьба города Вавилона и политической структуры, центром которой он стал при аморейских царях, скла-

Вавилон при Хаммурапи. Реально лидерство города Вавилона началось со времени, когда здесь правил царь Хаммурапи (1792–1750). Последние 14 лет жизни этого знаменитого царя были заполнены успешными военными походами против соседей: Ашшура, Эшнунны, Элама, Ларсы, Мари. По мере развития его военных успехов столица государства Хаммурапи, город Вавилон, превращалась в тот центр, вокруг которого концентрировалось движение самых разных политических сил, действовавших на территории Месопотамии и соседних регионов.

Политическая структура, созданная Хаммурапи, объединила всю Центральную и Южную Месопотамию и достигала на западе Евфрата до Мари и Терки, а на северо-востоке — района Диялы. Таким образом, в составе вавилонского государства оказалась значительная часть важнейших торговых путей, соединявших Месопотамию через Евфрат с Сирией и Восточным Средиземноморьем. Укрепление государственного контроля за торговыми путями в правление Хаммурапи способствовало заметному расцвету международной торговли в годы его правления. Мощное государство Хаммурапи практически не имело соперников на Ближнем Востоке. Только в Западной и Юго-Западной Сирии такие государства, как Ямхад² и Катна³, оставались вне зоны его влияния и контроля.

Однако в этих территориальных рамках вавилонское государство просуществовало всего 12 лет. Это были последние четыре года правления Хаммурапи и первые восемь лет правления его сына и преемника Самсуилуны (1749–1711). В 1742 г. до н.э. вследствие целой серии политических и экономических проблем произошло восстание городов южной части Вавилонии, и к концу правления Самсуилуны юг был им полностью потерян (Козырева 2016: 510 сл.). Значительное сокращение территории вавилонского государства продолжалось и позднее (см. ниже). Тем не менее четыре преемника Самсуилуны (Аби-эшух, Аммититана, Аммицадука и Самсудитана) царствовали в Вавилоне еще почти 120 лет (1711–1595).

В современной историографии правление преемников Самсуилуны обычно очень кратко описывают как длительный период возрастания нестабильности, в ходе которого Вавилонское царство постепенно «ослабевало», и в конце концов в 1595 г. до н.э. при военном набеге хеттов город Вавилон был разрушен, а последний царь I вавилонской династии свергнут. Во многом такое краткое и схематичное описание этого периода связано с отсутствием достаточного количества источников. Большая часть

дывалась очень непросто, тем не менее политическая история Южной Месопотамии (и в значительной степени и Северной) на протяжении более полутора тысяч лет выстраивалась исключительно вокруг него. Многие крупные города Южной Месопотамии могли сравниться с Вавилоном по площади, количеству населения, удобному местоположению, но именно Вавилон все это время оставался центром притяжения всех амбициозных политических лидеров Месопотамии, а коронация на царство в Вавилоне была высшей точкой их политической карьеры.

² Располагавшееся к северо-западу от Мари (Северо-Западная Сирия) аморейское царство Ямхад с центром в городе Алеппо (Халеб) контролировало западную часть важнейших на территории Ближнего Востока торговых путей (от правого берега Евфрата до Средиземного моря). Именно через Алеппо товары, привезенные морем, шли дальше или в верховья Тигра, или в Вавилонию. Караваны и путешественники, которые шли из Вавилонии в Сирию и Палестину, обязательно проходили по территориям, принадлежавшим Ямхаду, если они хотели избежать опасностей путешествия по пустыне через Пальмиру.

³ Город-государство Катна был расположен южнее Ямхада в центре района, где процветало зерновое сельское хозяйство, в изобилии росли виноград и оливковые деревья. К востоку от города находился пояс пастбищных земель, населенный многочисленными группами овецодов. Город занимал ключевое положение на пересечении важных караванных путей: на запад к Средиземному морю и на восток через Пальмиру до Евфрата.

текстов и археологических свидетельств, сохранившихся от времени правления I вавилонской династии, относится к царствованию Хаммурапи и его сына.

Пока нет достаточно информации, чтобы аргументированно ответить на вопросы о том, что вызвало такое ослабление вавилонского государства и привело династию к падению, кто на самом деле разрушил Вавилон в 1595 г. до н.э., каким образом примерно через 100–150 лет после этой катастрофы город снова вернулся к роли столицы сильного государства, которым правила уже чужеземная (касситская) династия.

Сведения о политической истории того или иного периода существования месопотамской цивилизации исследователи обычно извлекают либо из синхронных данному периоду текстов, прежде всего царских надписей и датировочных формул (официального обозначения каждого года правления того или иного царя), либо из историографических хроник, как правило, составлявшихся через много столетий после описываемых в них событий (Glassner 2004). Для рассматриваемого периода такого рода источники дают очень мало материала.

Хроники. Месопотамские историографы I тыс. до н.э. как будто не слишком интересовались этим этапом своего прошлого, и историографические тексты содержат крайне мало информации относительно политической истории этого периода. I вавилонская династия упоминается в двух очень кратких историографических сочинениях, сохранившихся только фрагментарно в поздних копиях. В тексте, который условно называется «Вавилонская царская хроника», перечисляются имена 11 царей I вавилонской династии от Сумуабума до Самсудитаны с указанием при имени каждого царя количества лет, которое он правил (Grayson 2004: 126–135). В другом историографическом тексте — «Хроника древних царей» — упоминаются имена только четырех царей I вавилонской династии и их деяния: Хаммурапи, завоевавший города Ур и Ларсу, Самсуилуна, подавивший восстание Рим-Сина и разбивший войско царя Приморья Илима-илу, и Аби-эшух, расширивший течение реки Тигр (вероятно, прокопавший канал) и не сумевший поймать мятежного Илима-илу. Заканчивается фрагмент фразой: «в правление Самсудитаны хетты ходили походом на Аккад» (Glassner 2004: 271–272; Richardson 2005). Возможно, это же событие, т.е. военный поход хеттов на Вавилон, упоминается в знаменитом указе о престолонаследии хеттского царя Телепинуса (ок. XV в. до н.э.). Перечисляя дела своих предшественников — прежних хеттских царей, он упоминает, что Мурсилис, который правил, по видимому, примерно за сто лет до него, ходил походом на Вавилон, разрушил его и привез в свою столицу «пленных и имущество города Вавилона». В современной историографии считается, что результатом этого похода хеттов было не только разрушение Вавилона, но и конец правления царя Самсудитаны и вместе с ним всей I вавилонской династии, хотя в древних источниках эти два события нигде прямо не связаны.

В последние десятилетия появилось несколько важных публикаций ранее неизвестных синхронных клинописных источников, а также данные археологических исследований, которые расширили возможности изучения повседневной жизни и политической истории вавилонского государства в последние сто лет правления династии Хаммурапи. Это позволило исследователям выявить некоторые характерные детали и особенности исторической ситуации, сложившейся в Южной Месопотамии в середине II тыс. до н.э., и проследить влияние на происходившие здесь политические события таких факторов, как **изменения экологии и массовые миграции населения.**

Экология. Передвижение русел двух великих рек, по берегам и протокам которых располагались города Южной Месопотамии, постепенное отступление на юг вод Персидского залива в сочетании с общим уменьшением количества осадков понемногу делало климат Южной Месопотамии все более жарким и сухим и увеличивало зависимость населения от стабильности водных ресурсов. Изменениям водного режима способствовала и активная хозяйственная деятельность городского населения юга аллювиальной долины (в частности, расширение сети каналов), где сельское хозяйство было полностью основано на ирригации. Эти процессы, которые продолжались многие сотни лет, особенно усилились в начале II тыс. до н.э.

Самыми серьезными последствиями этих изменений были сокращение площадей, пригодных для зернового хозяйства, снижение урожайности зерновых культур и, как следствие, подорожание ячменя⁴ и миграция городского населения. Процесс деурбанизации Южной Месопотамии постепенно развивался с начала II тыс. до н.э. в направлении с юга на север и особенно усилился в правление сына Хаммурапи, Самсуилуны.

Прежде всего изменения экологии затронули жителей самого юга аллювия, представлявшего собой совершенно плоскую и понижавшуюся в сторону Залива равнину. Городское население начало покидать эту территорию уже со второй половины XVIII в. до н.э., перемещаясь в более комфортную для жизни северную часть региона. Эти процессы значительно активизировались после подавления войсками Самсуилуны восстания южных городов против Вавилона (1741–1737). В ходе военных действий, возможно, были повреждены какие-то фрагменты городских систем водоснабжения, что подтолкнуло наступление давно назревавшего экологического кризиса и привело, по-видимому, к полному развалу ирригационных систем южных городов. Примерно к 1730 г. до н.э. многие города юга (Куталла, Гирсу, Лагаш, Урук, Ларса, Вад-Тибера, Ур) были, по всей вероятности, покинуты жителями и постепенно пришли в полное запустение. Часть городского населения нашла убежище в крупных северных городах: Кише, Вавилоне, Дильбате (Charpin 1992). Несколько позднее экологический фактор сказался и на городах центральной и северо-восточной части Южной Месопотамии. Еще к 1730 г. до н.э. значительно обмелел проток Евфрата, который снабжал этот регион водой, и города Ниппур и Исин (а позднее и Киш) также были покинуты большей частью населения.

Меньше всего эти процессы затронули северо-западную часть аллювия, в том числе территорию вдоль канала Арахтум, протока Евфрата, который тек через Вавилон. Полоса аллювиальной долины к северу и югу от Вавилона в этот период была самым богатым, плодородным и плотно населенным регионом Южной Месопотамии, и именно здесь вдоль канала Арахтум продолжались интенсивное земледелие и городская жизнь до конца правления I вавилонской династии. Сюда устремлялось население заброшенных центров юга, центра и северо-востока аллювиальной долины. В стенах Вавилона, по-видимому, нашла убежище значительная часть городской элиты Южной Месопотамии: высокопоставленные администраторы, торговцы, писцы,

⁴ Основой питания населения Месопотамии был ячмень, стоимость которого имела решающее значение для всей экономики. Формально соотношение стоимости ячменя и серебра — 1 сикль (ок. 8 г) серебра на 1 гур (300 л) зерна — сохранялось неизменным на протяжении всего исторического периода. Однако объем меры гур со временем менялся: от 300 л в XXV в. до н.э. до 180 л в VI в. до н.э., т.е. существовала устойчивая тенденция к увеличению стоимости зерна. Особенно резкие изменения в стоимости зерна происходили в периоды кризисов (засуха, эпидемии, войны), когда возникала острая нехватка продуктов (Klein 2014).

представители религиозных институтов и школ разрушенных и оставленных населением центров. Все это способствовало росту и процветанию города, который постепенно превращался не только в политический, но и культурный и идеологический центр Южной Месопотамии.

Само государство Вавилона (Вавилония) при последних царях I вавилонской династии занимало сравнительно небольшую площадь около 5000 кв. км, объединявшую земли от Вавилона до низовий Диялы с запада на восток и от Дильбата до Сиппара и его окрестностей с юга на север. В рассматриваемый период здесь располагались несколько крупных городов, в том числе Вавилон, Сиппар⁵, Дильбат и Киш, заселенных преимущественно аккадоязычным населением. Территорию, которая находилась за пределами 15–20 км полосы культурных орошаемых земель, окружавших города, в текстах называли *libbi mātim* (букв. «середина/сердце страны»), что условно переводят термином «провинция» (Richardson 2005: 279). Эта часть государства была, по-видимому, в основном заселена этнически неоднородным населением.

Города Вавилонии, даже самый «молодой» из них — Вавилон, к середине II тыс. до н.э. имели за своими плечами многовековую историю. Политическое устройство месопотамского города изначально было основано на системе разделения горожан на отдельные более или менее равные по своему статусу группы, каждая из которых не только занимала свою часть городского пространства, территориального и хозяйственного, но и имела свое представительство в муниципальном управлении. Со временем на эту систему наложился изначально чуждый ей институт царской власти. Царь и его администрация должны были прежде всего обеспечивать безопасность города и непрерывность хозяйственной деятельности горожан. Взамен они в той или иной степени, в зависимости от своих возможностей, контролировали местное хозяйство и отбирали у города значительную часть производимых им ресурсов. При этом цари были заинтересованы в сохранении традиционной хозяйственной структуры города, которая подразумевала определенный уровень внутреннего самоуправления.

Провинция находилась, по-видимому, под полным контролем царской администрации. Маргинальное (по отношению к городскому) население этой территории, первоначально, вероятно, достаточно малочисленное, постепенно росло. Особенно заметным увеличением численности населения провинции стало с середины III тыс. до н.э., когда в Южную Месопотамию начало активно переселяться западносемитское население среднего Евфрата, занимая приграничные и межгородские земли. Чужеземцев, приходивших с соседних западных территорий, местное население называло амореями⁶. К концу III тыс. до н.э. амореи составляли важную часть государственного войска, а в начале II тыс. до н.э. аморейские лидеры основали свои династии в ряде городов Южной Месопотамии, в том числе в Вавилоне. Со временем термин «амореи», по-видимому, постепенно терял этнический оттенок, приобретая определенную военную коннотацию, и стал преимущественно обозначать представителей политической и военной элиты и сельскую часть населения, которая поставляла значительную

⁵ В рассматриваемый период существовали два города, в название которых входило слово Сиппар: Сиппар-яхрурум (совр. Abu-Habbah) и Сиппар-амнанум (совр. Tell ed-Der). Оба Сиппара располагались неподалеку друг от друга на разных берегах одного протока Евфрата (Charpin 1988).

⁶ Жителей этого региона, так же как и саму территорию, в клинописных текстах из Южной Месопотамии называли термином *mar.tu/amurru* (букв. «западный»). В первой половине III тыс. до н.э. население этой территории видимо говорило в основном на языке западносемитской группы.

часть воинов для царского войска. К началу II тыс. до н.э. амореи и их потомки составляли, вероятно, основную часть сельского населения Южной Месопотамии, находившегося под юрисдикцией царской администрации.

Предположительно со времени Хаммурапи в официальной терминологии для обозначения городского и сельского населения государства стали использовать выражение «аккадцы и амореи» — вероятно, оно было включено в первый указ об отмене долгов, выпущенный Хаммурапи (Коррен 2007: 212ff.). Такое словосочетание отражало, по-видимому, сложившееся к тому времени представление о том, что население государства состояло из двух основных групп: горожан, преимущественно аккадцев по происхождению, и жителей провинции, сельского населения (во многом потомков мигрантов), основных поставщиков воинов в царское войско. При этом горожане («аккадцы») в определенной степени находились под юрисдикцией города, сохранявшего некоторую автономию, а население провинции («амореи»), по-видимому, полностью контролировалось царской администрацией. Такая же терминология использовалась и преемниками Хаммурапи. В указе царя Аммицадуки, предпоследнего царя I вавилонской династии, население страны по-прежнему описывается как «аккадцы и амореи», несмотря на то что этнический состав населения провинции к этому времени претерпел серьезные изменения⁷.

Серьезное ухудшение экологии в первую половину II тыс. происходило не только на территории Южной Месопотамии, но и на всей территории Ближнего Востока и соседних регионов. Это приводило к борьбе между находившимися здесь политическими структурами и государствами за сокращающиеся ресурсы и к массовым передвижениям населения, в том числе и на территорию Южной Месопотамии, в поисках безопасности и лучших условий жизни. Однако этническое происхождение этих групп, постепенно оседавших в рассматриваемый период на приграничных и межгородских территориях вавилонского государства, существенно изменилось по сравнению с началом тысячелетия.

Одним из самых главных направлений движения населения в этот период был путь с гор Загроса на северо-запад в долину Хабура и далее на средний Евфрат, и на запад — в долину Южной Месопотамии. Массовости этих миграций способствовали постоянные военные конфликты между вождями внутри Загроса, боровшимися за политическое лидерство и сокращавшиеся в связи с серьезным ухудшением экологии ресурсы. В текстах последних лет правления Хаммурапи постоянно сообщается о военных походах против населения Загроса, которые, вероятно, проводились в ответ на волны этнического движения в долину с гор. Последствием этих военных кампаний Хаммурапи была депортация оттуда больших групп пленных, которых селили в Вавилонии (Charpin 1992).

Население, перемещавшееся в сторону Южной Месопотамии, могло задержаться на приграничных территориях, где периодически возникали автономные политические структуры из групп различного этнического и социального происхождения. Особенно много их было по району среднего Евфрата и в регионе Диялы, т.е. на северо-западных и северо-восточных границах Южной Месопотамии. Однако значительная часть мигрантов оказывалась непосредственно на территории Вавилонии. Такие переселенцы либо искали прибежища на маргинальных, отдаленных от контроля администрации территориях, либо могли добровольно отдать себя под власть

⁷ Со временем термин «амореи» исчез из официальной номенклатуры; в царских надписях средневавилонского периода для описания населения страны стали использовать словосочетание «касситы и аккадцы».

вавилонского государства и добывать средства к существованию как наемные работники или наемные воины⁸.

Наемное войско. Очень важной для понимания исторической ситуации, сложившейся в Южной Месопотамии в рассматриваемый период, представляется правильная оценка той роли, которую к этому времени в жизни вавилонского государства стало играть наемное войско, формировавшееся из числа беженцев, переселенцев, депортированных пленных и их потомков.

Царская администрация Вавилонии была заинтересована в увеличении числа податного населения, находящегося, в отличие от горожан, под ее полным контролем, и в расширении площадей обрабатываемой земли. В государстве постоянно ощущалась нехватка рабочей силы, особенно в сезон уборки урожая, при проведении крупных строительных проектов. Военные походы за пределы государства в правление последних царей династии проводились все реже, но постоянной защиты требовали приграничные территории, и силами ополченцев обеспечить это было невозможно, тем более что к этому времени население самых крупных и богатых городов, возможно, уже получило ряд привилегий, в том числе освобождение от военной службы. Сформированные из чужеземцев военные отряды были, без сомнения, значительно сильнее и мобильнее, чем группы непрофессиональных рекрутов, призывавшихся периодически на короткий срок по случаю проведения каких-либо военных экспедиций.

Административные тексты этого времени упоминают воинов, принадлежащих к разным этническим группам: рабабу, сутии, яхруру, амурру, ахламу, касситы, также в войске служили люди из Элама, Эмара, Халаба, Эмутбала, Ханы и других мест (Graef 2002). Наиболее часто в этом контексте упоминается этноним «кашшу» (*kaššū*). Есть предположение, что он происходит от топонима, обозначавшего некую местность в горах Загроса. В рассматриваемый период термин «кашшу» скорее мог использоваться в широком смысле (как ранее термин «амореи») для обозначения чужеземных воинов горного происхождения, чем для обозначения людей определенной этнолингвистической группы. Таким образом, провинция вавилонского государства в рассматриваемый период была в основном заселена этнически неоднородным населением, значительную часть которого составляли беженцы, переселенцы и депортированные пленные и их потомки, постепенно превратившиеся в главный источник военной силы слабеющих царей Вавилона.

Со времени Хаммурапи количество такого рода воинов постоянно увеличивалось, а при последних царях династии большинство воинских отрядов, составлявших основу царского войска, были, по-видимому, чужеземного происхождения, так что к этому времени практика опоры на наемное войско, размещенное на территории государства, была, вероятно, вполне устоявшейся⁹. Последние цари вавилонской ди-

⁸ Уже у аккадских царей (XXIV–XXIII вв. до н.э.) было, по-видимому, свое профессиональное войско, а не только ополчение (и не просто охрана или стража). В этом отношении они не зависели от городов. В одной из своих надписей Саргон упоминает о 5400 воинов, которых он «кормил» каждый день. Это были, вероятно, профессиональные воины, которым царь предоставлял земельные наделы за службу.

⁹ Впервые упоминание о «касситских войнах» появляется в датировочной формуле 9-го года Самсуилуны: «год, когда Самсуилуна, царь, разгромил до основания (букв. „вырвал корни“) касситское войско (возле) города Кикалла». Город Кикалла располагался в окрестностях Киша и был известен тем, что держателями полей в нем были воины; есть предположение, что события, упоминаемые в этой датировке, были связаны с подавлением выступления наемных воинов, поселенных в северо-восточной части вавилонского государства (Korpen 2007: 215).

настии довольно редко предпринимали военные кампании (см. ниже), и в реальности их власть была слабой. В то же время наемное войско росло, его содержание становилось, вероятно, все более затруднительным для администрации, и из главной опоры государства оно постепенно превращалось в его подрывную силу.

Отрядами наемников администрация заселяла многочисленные военные крепости, возводившиеся на границах государства и около крупных городов. Во многих случаях в одной крепости служили солдаты из разных мест, т.е. неоднородные этнически. В обмен на службу чужеземные воины получали содержание (зерновые рационы) или земельные наделы, в свою очередь, они должны были обеспечивать безопасность государства и царя. В ЗХ, составленных в самом конце правления Хаммурапи, с особым вниманием и тщательностью разбираются ситуации со служебным имуществом и земельными наделами воинов. Воины не были собственниками наделов. Такие наделы не могли отчуждаться, но могли переходить по наследству взрослым сыновьям, которые продолжали службу отца. Если воину приходилось переезжать для службы в другое место, администрация передавала надел его преемнику. Вместе с наемными чужеземными специалистами в вавилонское войско пришли и новые военные технологии, в частности использование легкой воинской колесницы, запряженной лошадьми, что произошло при преемниках Хаммурапи (Korpen 2007: 216).

В последние десятилетия существования I вавилонской династии на территории вавилонского государства размещалось не менее 30 действующих военных крепостей-поселений (Graef 2002). Воины, составлявшие персонал этих крепостей, жили в них многие десятилетия. Для этих солдат их городки были не просто местом постоя, а скорее домом, в котором они и их семьи жили на протяжении поколений. Большие военные отряды были размещены на северных границах вавилонского государства к северо-северо-западу от Сиппар-амнанума в поселениях Куллизум, Садди и Царбатум. Сохранился документ, в котором приведен список служебных наделов одного воинского отряда, располагавшихся на пахотной земле этих поселений (*tuppi eqlētim... šibit bā'iri* МНЕТ II 6 894 i 1–2; Graef 2002). Документ, составленный в середине 1649 г. до н.э. (34-й год правления Аммититаны), представлял собой, вероятно, «страничку» из большого архива, содержавшего сведения о распределении и перераспределении служебных наделов в приграничном северном регионе вавилонского государства. Бенефициарами этих наделов, судя по тексту, были люди, которых называли баирумы (букв. «рыбаки/охотники»; шум. *šu.ha.meš*; акк. *bā'irum*), в переносном смысле — лицо, несущее постоянную военную службу и получающее поле в качестве компенсации (CAD II 32). Некоторые исследователи предлагают в контексте исследуемого периода переводить этот термин как «элитные воины». Отряд состоял из 54 воинов под командованием «генерала» (РА.РА) Ибби-илабрата, который, по-видимому, не только командовал солдатами, но и распределял наделы, и управлял подведомственной территорией. Каждый воин получил земельный надел площадью примерно 12 ику (ок. 4,3 га), располагавшийся на хорошо орошаемой возделываемой территории. При этом в тексте указано, что некоторые наделы передаются от прежних пользователей, вероятно, отправленных в другие гарнизоны или умерших. Всего отряд получил 618 1/10 ику = 222,5 га обрабатываемой земли.

Важность охраны северных границ и, в частности, решающая роль в этой связи крепости Куллизум, которая упомянута в вышеприведенном документе, отражена и в текстах, дошедших от времени правления следующего (предпоследнего) царя I вавилонской династии — Аммицадуки (1646–1626).

Царские письма. Во второй половине 1631 г. до н.э. Аммицадука послал своим чиновникам в Сиппаре целую группу писем, содержание которых дает некоторое представление о том, насколько сложной была в это время ситуация в стране (AbB 7 47–50, Richardson 2005: 279ff.). В письмах царь подробно описывал характер возникшей в данный момент угрозы, предупреждал об опасности нахождения в провинции и на водных путях, передавал специальные инструкции относительно передвижения и безопасности войск, работников, скота и барж/лодок. Интересно, что информацию о ситуации в стране царь получал не от своих чиновников, а от агентов из крепостей в провинции, в том числе и из приграничной крепости Куллизум, о которой уже упоминалось выше. Где-то в ее окрестностях были замечены войска и колесницы чужеземцев. Враги уже находились на территории провинции (*libbi mātim*), но еще оставалась возможность перевести скот на безопасные пастбища и принять меры для охраны Сиппар-яхруума.

«...Городские ворота не должны открывать, пока солнце не взойдет... Скот и овец, которые пасутся на земле Сиппар-яхруум и на берегу Евфрата, надо немедленно переправить в глубь страны. Далее, лодки, которые в... и на берегу Евфрата, вы должны завести в гавань в Сиппар-яхруум. Воины врага не должны захватить их. Будьте на страже, не пренебрегайте своими обязанностями по охране ворот города» (AbB 7 47 от 18 июля 1641 г. до н.э.).

Судя по этим письмам, на протяжении всей второй половины 1631 г. до н.э. северные районы вавилонского государства подвергались постоянным набегам врагов. Сообщения об опасности приходили царю из крепостей с северо-западных и с северо-восточных границ. При этом синхронные документы из Сиппара показывают, что эти эпизоды, вероятно, не были длительными и как будто мало отражались на повседневной жизни населения: в то же самое время, когда посылались эти письма, несколько кораблей с товарами спокойно плыли из Сиппара в Вавилон, составлялись договоры о найме работников для уборки урожая.

Тем не менее всего через три года после написания процитированного выше письма, в 1628 г. до н.э. (18-й год Аммицадуки), неизвестными врагами были почти полностью разрушены два важнейших города вавилонского государства — Сиппар (Сиппар-амнанум)¹⁰ и Дильбат, и в том же году, вероятно, вавилоняне оставили свою военную крепость на среднем Евфрате, Харрадум (Korpen 2004: 21). Однако Аммицадука смог противостоять этому вторжению и продолжал править еще три года.

Самсудитана. Преемником царя Аммицадуки и последним царем I вавилонской династии был Самсудитана (1625–1595). Судя по вавилонскому царскому списку В, Самсудитана провел на престоле 31 год. Однако от времени его правления источников дошло совсем мало, практически неизвестны документы, датированные первыми шестью годами его правления, и отсутствуют документы, датированные последними его годами, т.е. позднее 1600 г. до н.э. (Richardson 2005: 285, n. 57). Неизвестны

¹⁰ Это подтверждается археологическими свидетельствами. Раскопки дома, принадлежавшего высокопоставленному горожанину по имени Ур-Уту, показали, что здание было разрушено, а затем сгорело, а его обитатели, вероятно, бежали, оставив большую часть имущества. В архиве Ур-Уту, найденном в одной из комнат этого дома, последние по времени документы были датированы 26 мая 1628 г. до н.э. Изучение ботанических находок подтвердило, что дом был сожжен летом, и даже дало возможность уточнить дату разрушения: 4 июня 1628 г. до н.э. Эту датировку подтверждают и другие документы из Сиппар-амнанум, найденные в конце XIX в. и сейчас хранящиеся в Британском музее. Военный набег, в ходе которого был разрушен дом Ур-Уту, затронул большую часть города. Сиппар-амнанум так и не вернулся позднее к своему статусу и после этого в текстах упоминается очень редко (Korpen 2004: 21, n. 71).

и царские надписи, составленные от его имени¹¹. Еще один важный для исследователя источник информации о том, что происходило в вавилонском государстве в последние 30 лет его существования, — датировочные формулы — не содержит никаких сведений о политических событиях.

Большинство административных и частно-правовых документов того времени содержали указание на дату составления текста. Метод датировок при царях I вавилонской династии продолжал предшествующую традицию и был полностью единообразен на всей территории государства (Козырева 2010). Каждый год получал свое официальное название (датировку/датировочную формулу) по какому-либо важному событию общегосударственного значения, случившемуся в предшествующем году¹². Среди главных общегосударственных событий, которые могли стать темой датировочной формулы, были:

1) деяния царя, касавшиеся внутренней жизни государства (в том числе издание царских указов об «освобождении» от задолженностей, сообщения о проведении каналов, строительстве и реконструкции стен и крепостей),

2) военные походы и победы, одержанные царем, и

3) приношения богатых даров в храмы. В числе таких даров упоминаются драгоценные украшения для храмов (эмблемы, диски, троны из меди, золота и серебра), но чаще всего такими дарами были статуи, изображавшие самого царя.

Приводимая ниже таблица дает некоторое представление о тематике датировочных формул в правление последних четырех царей I вавилонской династии и показывает, как менялся характер и объем информации, отраженной в них.

Имя царя (число лет правления)	Абиэшух (28)	Аммидитана (37)	Аммицадука (21)	Самсудитана (31)
Всего сохранилось полных вариантов датировочных формул	29	38	16	23
Внутригосударственные дела	9	14	5	2
Военные походы	3	4	—	—
Приношение votивных даров (статуй)	17 (9)	20 (13)	11 (6)	21 (14)

Масштабы приношения даров, прежде всего статуй самого царя, практически не меняются, зато заметно сокращается количество общегосударственных проектов, а военные походы в правление двух последних царей вообще не упоминаются в датировках.

¹¹ Если от времени правления Хаммурапи и его сына Самсуилуны сохранилось множество царских надписей, часто очень пространных и двуязычных, т.е. составленных на шумерском и аккадском языках (RIME 4 332–403), то от четырех преемников Самсуилуны сохранилось только несколько небольших и малоинформативных фрагментов такого рода надписей, в основном они дошли до нас в копиях нововавилонского времени (RIME 4 404–438); от последнего правителя династии, Самсудитаны, никаких надписей вообще не дошло.

¹² Большинство клинописных документов этого периода датированы. В конце каждого документа, как административного, так и частно-правового, обычно указывали месяц и день его составления, и далее шло название года, так называемая «датировочная формула». Кроме того, писцы периодически составляли списки датировочных формул предшествующих правлений. Эти списки хранились в архивах, время от времени переписывались и обновлялись и в настоящее время являются одним из важнейших источников по истории Южной Месопотамии первой половины II тыс. до н.э. (RIA 2).

От времени Самсудитаны дошло довольно много датировочных формул (23 варианта полных и несколько вариантов фрагментов¹³), однако информация, которая содержится в них, как видно из приведенной таблицы, очень скудная. В начале своего правления Самсудитана, следуя традиции своих предшественников, издал указ о «справедливости», т.е. об отмене долгов. Этому событию посвящены датировки первых двух лет.

Больше в датировках нет никаких упоминаний об общественно значимых мирных и военных деяниях царя: о проведении или ремонте каналов, строительстве и реставрации храмов, военных походах против враждебных соседей. Все остальные сохранившиеся датировочные формулы посвящены описанию даров, которые в тот или иной год Самсудитана приносил в главные храмы государства (храмы Вавилона и Сиппара). Что же это за дары? В двух случаях речь идет о: 1) драгоценном оружии для главного бога Вавилона Мардука в храм Эсагила и 2) драгоценных дарах для бога Шамаша, главного бога второго крупного города его царства — Сиппара. Это солнечные диски, изготовленные из агата и украшенные лазуритом, красным золотом и серебром.

Остальные датировки (их более 20) главным событием предшествующего года называют установку статуи самого царя. Судя по датировкам, каждый год в правление Самсудитаны в одном из главных храмов государства в Вавилоне или Сиппаре устанавливали его драгоценную статую. Эти статуи изображали правителя в разных позах: в виде воина; сидящим на драгоценном троне; идущим; идущим в виде вождя впереди своей армии; стоящим; стоящим, держа в руках золотой скипетр, держа в руках жертвенного ягненка, держа в руках ветвь как эмблему справедливости.

Вероятно, не случайно ни одна из датировок Самсудитаны не отражала реальной деятельности царя и его администрации по разрешению насущных экономических и политических проблем. О том, какие важные внутригосударственные события происходили в этот период, почти ничего не известно, но по косвенным свидетельствам можно предположить, что правление последнего царя I вавилонской династии было временем серьезного экономического кризиса и постоянных военных угроз. Сохранившиеся письма царя Самсудитаны по своему содержанию во многом переключаются с письмами его предшественника Аммицадуки, о которых упоминалось выше. Те проблемы, которые стояли перед Аммицадукой, никуда не исчезли, они беспокоили и Самсудитану, но, возможно, еще в большей степени.

Один из царских чиновников сообщил царю, что зерно на полях Сиппар-яхрурум созрело и его надо срочно перевезти в город, поскольку враги могут появиться в любой момент (*ina pani erén lú kúr*). Затруднение состояло в том, что нельзя было открыть главные городские ворота («ворота Шамаша»), через которые доставляли зерно в город, без царского приказа, вероятно, из-за постоянной опасности проникновения в город врагов. В ответ Самсудитана посылает распоряжение: «как только зерно на городских полях (*mereš ālim*) созреет, откройте городские ворота, и пока зерно будут собирать (и переносить в город), судьи пусть сидят (в воротах и наблюдают). Ворота должны хорошо охранять» (AbV 14 8).

Судя по содержанию царского письма, враги все время находятся где-то рядом с Сиппаром. Городские ворота постоянно закрыты и охраняются днем и ночью. Горожане в случае нападения могут отсидеться за городскими стенами. Если зерно успеют перевезти, то и голода, скорее всего, не будет. Однако такая напряженная ситуация не могла продолжаться бесконечно. Письмо было написано, вероятно, до 1606 г. до н.э., когда Сиппар был разрушен и покинут большей частью своих жителей.

О том, что происходило в правление Самсудитаны с четырьмя крупнейшими городами государства — Вавилоном, Сиппаром, Дильбатом, Кишем, можно судить только по косвенным сведениям. Пока город был жив, его жители занимались хозяйственной деятельностью, отдельные этапы которой обязательно фиксировались письменно. Обрыв в какой-то момент этого непрерывного потока документов — один из важнейших маркеров, отмечающих прекращение в городе деловой активности и отсутствие в нем контроля со стороны центральной власти. Обычно это обстоятельство сопутствует следам произведенных в городе разрушений, над которыми располагаются «пустые» слои, свидетельствующие о том, что население покинуло город¹⁴.

Последние по времени документы, датированные правлением Самсудитаны, в Дильбате и Кише были составлены в 1611 г. до н.э. (14-й год Самсудитаны), а в Сиппаре — в 1606 г. до н.э. (19-й год Самсудитаны). После этого города были, вероятно, покинуты большей частью населения. Таким образом, в последние годы своего правления Самсудитана, скорее всего, контролировал только сам город Вавилон и окружающую его территорию. Достаточно было одного удара, чтобы окончательно разрушить дышавшее на ладан вавилонское государство и свергнуть саму династию. В современной историографии считается, что такой удар нанесли по Вавилону хетты. Предполагается, что царь хеттов Мурсилис I, отвоевывая важнейшие торговые пути, захватил и разрушил город Алеппо, а затем двинулся на Вавилон, чтобы полностью перехватить торговлю по Евфрату. Возможно, его союзниками были войска тех самых политических структур на границах Вавилонии, которые постоянно нападали на вавилонское государство. Для окончательного подтверждения или отклонения этой гипотезы в настоящее время достаточных аргументов нет. Выше уже приводились туманные и противоречивые сведения на этот счет месопотамских хроник.

Сохранившиеся от времени Самсудитаны документы полностью обрываются где-то ок. 1598 г. до н.э. (на 26/27 году его правления). Поскольку Самсудитана вступил на престол в 1625 г. до н.э. и, судя по вавилонскому царскому списку В, правил 31 год, то последним годом его правления считается 1595 г. до н.э. Данные археологии дают основания предположить, что примерно в это же время город Вавилон серьезно пострадал в ходе масштабного военного конфликта и большая часть жителей покинула его на несколько десятилетий. Что именно произошло в 1595 г. до н.э. и какова была судьба царя Самсудитаны, остается неизвестным.

Мы не знаем и о том, что происходило с населением вавилонского государства в последние десятилетия правления Самсудитаны. Если какие-то сведения о горожанах можно извлечь, анализируя отдельные царские письма и малочисленные хозяйственные документы того времени из Вавилона и Сиппара, то вопрос о том, какова была участь жителей небольших поселений и крепостей, которыми была усыпана территория провинции, остается без ответа. Как они жили в условиях постоянных военных конфликтов, оставались ли лояльными центральной власти, которая, очевидно, не имела ни сил, ни намерений защищать еще и их, или бежали в поисках безопасности и присоединялись к нападавшим?

¹⁴ В правление далекого предшественника Самсудитаны, его прапрадеда Самсуилуны, южные города были покинуты населением. Самые поздние по дате документы, найденные археологами в том или ином городе, позволили достаточно точно датировать, когда данный город был оставлен большей частью жителей, что подтвердилось и археологическими свидетельствами. Самые поздние тексты в таких городах, как Адаб, Куталла, Гирсу, Лагаш, Урук, Ларса, Вад-Тибера, Ур, Кисурра, были записаны в 1739–1737 гг. до н.э. Исин и Ниппур на несколько лет пережили этот период, но в 1721–1720 гг. и они, судя по прекращению писцовой деятельности, были заброшены (Козырева 2016: 518).

Вооруженные и опасные уже в силу своей профессии военные гарнизоны, которые должны были противостоять внешнему врагу, были в основном не вавилонскими по происхождению. У них не было тесных родственных связей или общего культа с горожанами. Система вознаграждения за службу, которая должна была прочно связывать их с царской администрацией, в условиях общего экономического кризиса неизбежно ослабевала и разрушалась, и им приходилось, вероятно, самим организовывать жизнь и снабжение себя и своих семей. По-новому оценить ту роль, которую сыграли в политической истории и разрушении государства I вавилонской династии обитатели военных поселений, первоначально формировавшиеся из числа беженцев, переселенцев, депортированных пленных и их потомков, позволил письменный материал, ставший не так давно доступным исследователям (Richardson 2016). В нем содержатся два варианта трактовки событий конца правления Самсудитаны.

В одном случае это литературный текст конца II тыс. до н.э. из Ниппура (пока не опубликованный), условно называемый «Эпос о Самсудитане», в нем описывается унижающее поражение неудачливого царя Самсудитаны от царя Приморья Гулкишара, получившего временный контроль над Вавилоном.

В другом случае упоминания о событиях в Вавилоне и действиях Самсудитаны содержит группа текстов из Ниппура (оракулы-предсказания в копиях новоассирийского времени). С. Ричардсон суммирует их содержание следующим образом: в конфликте участвовали три стороны: восставшие военные наемники, сельское население и царь Самсудитана, который в этом случае выступает в роли несчастной жертвы. Как следует из текстов, против Мардука (Вавилона) и царя Самсудитаны выступили прежде всего не чужие захватчики, но мятежные военные отряды, действовавшие в соглашении с чужеземным войском¹⁵. Хетты в этих текстах не упоминаются.

Если принять такое описание событий, то из этого следует, что в конце правления Самсудитаны в стране вспыхнуло восстание военных поселенцев и наемников, к которым примкнула и часть сельского населения, и которое поддержала, вероятно, городская элита Вавилона, несмотря на возражения основной массы горожан. Страна оказалась в состоянии хаоса, чем воспользовались и воинственные соседи. Город Вавилон был захвачен и частично разрушен. Население, оставшееся в живых, бежало. Отдельные детали, упоминающиеся в текстах, по мнению С. Ричардсона, позволяют говорить об определенной историчности этого описания.

¹⁵ В тексте, как считает С. Ричардсон, фактически описываются солдатское восстание и гражданская война (Richardson 2016: 116ff.). Территория конфликта явно та же, что описана в царских письмах о беспорядках в провинции. Страна разделена на провинцию, заполненную врагами и опасностью, и города, которые находятся в осаде. Города и крепости вавилонского государства изображены как маленькие островки безопасности, кое-где раскиданные по океану врагов. Движение вне городов ограничено, животные и собственность подвергаются риску, враги нападают и грабят, ворота и мосты, которые ведут в город, должны тщательно охраняться, а часовые — дежурить днем и ночью. В текстах как будто нет обвинений, направленных против какой-то определенной группы. Враги — обыкновенные люди, такие же, как и все, но они распространяют лживые речи, действуют хитростью и уловками, крадут животных, день и ночь устраивают засады, прячутся в развалинах, переманивают на свою сторону чиновников и подтачивают лояльность населения. Удивительно, как изображено «Падение Вавилона». Судя по этим текстам, горожане, жители Вавилона, не поддерживали изгнание царя, предупреждая чиновников: «...не говорите с врагами, не открывайте заслоны Главных ворот, не изгоняйте гарнизон бога Мардука и царя Самсудитаны, сына Аммицадуки, царя Вавилона, не разрешайте врагу войти в город...». Однако катастрофа все-таки произошла, т.е. чиновники, не прислушиваясь к предостережениям горожан, вероятно, продолжали общаться и сотрудничать с неназванными врагами. Подробности, приведенные в тексте, позволяют предположить явную историческую подлинность некоторых эпизодов.

Сравнительно недавно появились письменные подтверждения тому, что город Вавилон был в это время действительно заброшен и затем, вероятно через несколько десятилетий, вновь заселен. В ходе раскопок в местности Телль Мухаммад, в пригороде Багдада, были найдены остатки небольшого поселения, существовавшего в середине II тыс. до н.э. на восточных окраинах вавилонского государства в долине реки Диялы неподалеку от слияния ее с Тигром (Gentili 2011). Помимо строений и керамики в одном из домов археологи обнаружили около 30 клинописных документов, составлявших, вероятно, архив одной из живших здесь семей. Документы датированы, как это было принято в ту эпоху, и характер этих датировок представляет большой интерес. В самых ранних документах датировочные формулы фиксируют события местного значения, т.е. в это время поселение находилось, по-видимому, под властью какого-то местного правителя. Позднее писцы перешли к новой системе датировок, в которой отмечали номера годов со времени «заселения Вавилона» (например: год 36-й [после того, как] Вавилон был [вновь] заселен: *mu 36.kam.ma ša KÁ.DINGIR.RA.ki uš-bu*). Появление новой системы датировок, связанной с Вавилоном, позволяет предположить, что с этого времени регион нижней Диялы, где располагалось поселение вновь оказался под контролем Вавилона, где правила уже новая касситская династия.

Возможно, после падения I вавилонской династии, когда большие города, в том числе и сам Вавилон, были разрушены и заброшены, в отдельных крепостях или военных поселениях, которые оставались достаточно приспособленными для жизни их обитателей, к власти пришли лидеры прежде наемных военных отрядов (главы военных гарнизонов?). Так могло произойти в поселении Телль Мухаммад, располагавшемся на северо-восточной окраине вавилонского государства. Однако через одно-два поколения Вавилон был вновь заселен и по-прежнему оставался столицей территории. Новые правители Вавилона, возможно также из числа лидеров наемных военных отрядов, начали расширять сократившиеся территории вавилонского государства, сначала подчинив себе северо-восточные территории, в том числе регион Диялы, а затем двинувшись на юг. В начале XV в. до н.э. ими было завоевано Приморье, и их власть признали в Дильмуне. Южная Месопотамия вновь была объединена. Началась новая эпоха в истории месопотамской цивилизации — касситское царство Кардуниаш — и «moving around Babylon» продолжилось.

Сокращения

ZX — законы Хаммурапи

AbB — *Altbabylonische Briefe in Umschrift und Übersetzung*. Leiden, 1964ff.

CAD — *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*

RIA — *Reallexicon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*. Berlin; Leipzig; New York

Литература

Козырева 2010 — *Козырева Н.В.* Практика датирования документов в Южной Месопотамии старовавилонского периода (2000–1600 гг. до н.э.) // *Вестник СПбГУ*. 2010. 4(13). С. 50–60.

Козырева 2016 — *Козырева Н.В.* Очерки истории Южной Месопотамии периода ранней древности. СПб.: Контраст, 2016.

BP 2007 — *Babylonian Period // The Babylonian World*. New York; London: Routledge, G. Leick (ed.), 2007. P. 210–223.

- Charpin 1988 — *Charpin D.* Sippar: deux villes jumelles // *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale*. Berlin, 1988. Vol. 82. P. 13–32.
- Charpin D. 1992. Immigrés, réfugiés et déportés en Babylonie sous Hammu-rabi et ses successeurs // *La circulation des biens, des personnes et des idées dans le Proche-Orient ancien*. Actes de la XXXVIIIe Rencontre Assyriologique Internationale (Paris, 8–10 July 1991). D. Charpin and F. Joannès (eds). Paris: Editions Recherche sur les Civilizations, 1992. P. 207–218.
- Fales 2011 — *Fales F.M.* Moving around Babylon: On the Aramean and Chaldean Presence in Southern Mesopotamia // Cancik-Kirschbaum E., Ess M. van, Marzahn J. (eds). *Babylon: Wissenskultur in Orient und Okzident*. Berlin: de Gruyter 2011. P. 91–112.
- Gentili 2011 — *Gentili P.* Wandering through Time: The Chronology of Tell Mohammed // *Studi Classici e Orientali*. Pisa: Pisa University Press, 2011. Vol. 57. P. 39–55.
- Glassner 2004 — *Glassner J.-J.* Mesopotamian Chronicles. Writings from the Ancient World. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2004.
- Graef 2002 — *Graef Katrien De.* An Account of the Redistribution of Land to Soldiers in Late Old Babylonian Sippar-Amnānum // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Leiden: Brill, 2002. Vol. 45. No. 2. P. 141–178.
- Klein 2014 — *Klein J.* From Agade to Samaria. The Inflationary Price of Barley in Situations of Famine. *Studies in Economic and Social History of the Ancient Near East in Memory of Péter Vargyas* // *Ancient Near Eastern and Mediterranean Studies 2*. Department of Ancient History. Budapest: The University of Pécs, l'Harmattan, 2014. P. 167–180.
- Koppen 2004 — *Koppen Van F.* The Geography of the Slave Trade and Northern Mesopotamia in the Late Old Babylonian Period // Hunger H., Pruzsinszky R. (eds.). *Mesopotamian Dark Age Revisited*. Vienna: Eisenbrauns. 2004. P. 9–33.
- Koppen 2007 — *Koppen Van F.* Aspects of Society and Economy in the Later Old Babylonian Period // Leick G.(ed.). *The Babylonian World*. New York; London: Routledge, 2007. P. 210–223.
- Koppen 2010 — *Koppen Van F.* The Old to Middle Babylonian Transition History and Chronology of the Mesopotamian Dark Age // *Egypt and the Levant. International Journal for Egyptian Archaeology and Related Disciplines*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2010. Vol. 20. P. 453–463.
- Mesopotamia... — Mesopotamia in the Late Old Babylonian Period // *Mesopotamian Dark Age Revisited*. H. Hunger and R. Pruzsinszky (eds). Vienna: Eisenbrauns. C. 9–33.
- Presence... — Presence in Southern Mesopotamia. *Babylon: Wissenskultur in Orient und Okzident*. E. Cancik-Kirschbaum, M. van Ess, & J. Marzahn (eds). Berlin: de Gruyter, 2011. C. 91–112.
- Richardson 2005 — *Richardson S.* Trouble in the Countryside *ana tarši Samsuditana*: Militarism, Kassites and the Fall of Babylon I // *Ethnicity in Ancient Mesopotamia. Papers Read at the 48th Rencontre Assyriologique Internationale, Leiden, 1–4 July 2002*. Ed. W.H. Soldt. Leiden: The Netherlands Institute for the Near East, 2005. P. 274–288.
- Richardson 2016 — *Richardson S.* The Many Falls of Babylon and the Shape of Forgetting // *Envisioning the Past through Memories: How Memory Shaped Ancient Near East Societies*. London; N.Y.: Bloomsbury, 2016. P. 101–142.

References

- Charpin D. “Sippar: deux villes jumelles”. *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale*, vol. 82. Berlin, 1988, pp. 13–32 (in French).
- Charpin D. “Immigrés, réfugiés et déportés en Babylonie sous Hammu-rabi et ses successeurs”. In: *La circulation des biens, des personnes et des idées dans le Proche-Orient ancien*. Actes de la XXXVIIIe Rencontre Assyriologique Internationale (Paris, 8–10 July 1991). D. Charpin and F. Joannès (eds). Paris: Editions Recherche sur les Civilizations, 1992, pp. 207–218 (in French).
- Fales F.M. “Moving around Babylon: On the Aramean and Chaldean Presence in Southern Mesopotamia”. In: *Babylon: Wissenskultur in Orient und Okzident*. E. Cancik-Kirschbaum, M. van Ess, & J. Marzahn (eds). Berlin: de Gruyter 2011, pp. 91–112 (in English).
- Gentili P. “Wandering through Time: The Chronology of Tell Mohammed”. *Studi Classici e Orientali*, vol. 57, Pisa: Pisa University Press, 2011, pp. 39–55 (in English).

- Glassner J.-J. *Mesopotamian Chronicles*. Writings from the Ancient World. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2004 (in English).
- Graef Katrien De. "An Account of the Redistribution of Land to Soldiers in Late Old Babylonian Sippar-Amnānum". *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, vol. 45, no. 2. Leiden: Brill, 2002, pp. 141–178 (in English).
- Klein J. "From Agade to Samaria. The Inflationary Price of Barley in Situations of Famine. Studies in Economic and Social History of the Ancient Near East in Memory of Péter Vargyas". *Ancient Near Eastern and Mediterranean Studies 2*. Department of Ancient History. Budapest: The University of Pécs, l'Harmattan, 2014, pp. 167–180 (in English).
- Koppen Van F. "The Geography of the Slave Trade and Northern Mesopotamia in the Late Old Babylonian Period". In: *Mesopotamian Dark Age Revisited*. H. Hunger and R. Pruzsinszky (eds). Vienna: Eisenbrauns, 2004, pp. 9–33 (in English).
- Koppen Van F. "Aspects of Society and Economy in the Later Old Babylonian Period". In: G. Leick (ed.). *The Babylonian World*. New York–London: Routledge, 2007, pp. 210–223 (in English).
- Koppen Van F. "The Old to Middle Babylonian Transition History and Chronology of the Mesopotamian Dark Age. Egypt and the Levant". *International Journal for Egyptian Archaeology and Related Disciplines*, vol. 20. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2010, pp. 453–463 (in English).
- Kozyreva N.V. "Documents Dating in Southern Mesopotamia in the First Half of the Second Millennium BC". *Vestnik SPbGU*, 4(13), 2010, pp. 50–60 (in Russian).
- Kozyreva N.V. *Studies in the History of Southern Mesopotamia in Early Antiquity (from the 7th to the Middle of the 2nd Millennium BC)*. St. Petersburg: Contrast, 2016 (in Russian).
- Richardson S. "The Many Falls of Babylon and the Shape of Forgetting". In: *Envisioning the Past through Memories: How Memory Shaped Ancient Near East Societies*. London–N.Y.: Bloomsbury, 2016, pp. 101–142 (in English).
- Richardson S. "Trouble in the Countryside *ana tarṣi Samsuditana*: Militarism, Kassites and the Fall of Babylon I". In: *Ethnicity in Ancient Mesopotamia. Papers Read at the 48th Rencontre Assyriologique Internationale*, Leiden, 1–4 July 2002. Ed. W.H. Soldt. Leiden: The Netherlands Institute for the Near East, 2005, pp. 274–288 (in English).

South Mesopotamia under the Last Kings of Hammurapi Dynasty: "Moving Around Babylon"

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2017, volume 14, no. 3 (issue 30), pp. 28–43)
Received 27.01.2017.

Nelly V. Kozyreva

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The later history of the 1st Babylonian Dynasty (about 1711–1595 BC) remains yet one of the poorly studied periods of the Ancient Mesopotamian history. There is no clear answer to the question of what caused the collapse of the Old Babylonian state, once established by the famous Hammurapi, and the overthrow of his dynasty, and who was the actual enemy that destroyed the city of Babylon in 1595 BC. Recent publications of cuneiform records and archaeological data shed some light on the problems and allow us to re-evaluate the role of climate and environmental changes and migration movements in political and demographic processes in South Mesopotamia in the middle of the 2nd millennium BC.

Key words: the 1st Babylonian Dynasty, climate and environmental changes, de-urbanization, migration movements, mercenary army.

About the author:

Nelly V. Kozyreva, Dr. Sci. (History), Leading Researcher of the Department of Ancient Eastern Studies, IOM RAS (orinst@mail.ru).

Продолженное время с глаголом «иметь» как особенность западноиранских диалектов на территории Ирана

Ю.А. Иоаннесян

Институт восточных рукописей РАН

В статье рассматриваются глагольные формы в персидских и иранских диалектах на территории Ирана с глаголом «иметь», выражающие действие, протекающее в данный момент времени в настоящем или в определенный момент времени в прошлом. На широком материале персидского и других западноиранских языков и диалектов автор доказывает, что эти формы представляют собой исключительную особенность массива персидских и некоторых других западноиранских диалектов, распространение которых ограничено территорией современного Ирана. Они явились следствием естественной эволюции лексических и грамматических средств выражения самого персидского языка, и их возникновение не может быть объяснено «влиянием иностранных языков», как предполагают некоторые исследователи.

Ключевые слова: персидский язык, персидская диалектология, иранская диалектология.

Статья поступила в редакцию 26.02.2017.

Иоаннесян Юлий Аркадьевич, канд. филологических наук, старший научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (youli19@gmail.com).

© Иоаннесян Ю.А., 2016

Многим западноиранским языкам и диалектам присущи глагольные формы, выражающие действие, протекающее в данный момент времени в настоящем или в определенный момент времени в прошлом. Формы эти получили различные названия в иранистической литературе, в которой они нередко выделяются в два особых времени: «настоящее продолженное (определенное) время» и «прошедшее продолженное (определенное) время» или «настоящее определенное/прогрессивное» и «прошедшее определенное/прогрессивное» (см. Основы иранского языкознания 1982: 181, 433). Поскольку по сравнению с настоящим-будущим и прошедшим длительными временами их отличает особый упор на выражение действия в *процессе* его совершения, то правомерным, по нашему мнению, также было бы называть эти формы «настоящим процессуальным» и «прошедшим процессуальным» временами¹. В данной же статье мы будем использовать для них термины «настоящее длительное процессуальное время»

¹ Так, прошедшее длительное время в персидском языке может передавать кроме собственно длительного и многократно повторявшееся действие.

и «прошедшее длительное процессуальное время» или (при обобщенной характеристике) — «длительные процессуальные формы». Следует подчеркнуть, что формы эти в западноиранских языках и диалектах рассматриваются в иранистической литературе как «инновационные» (Там же: 181–183), о чем еще будет сказано ниже.

Длительные процессуальные формы имеют широкое распространение в языках персидском, дари и таджикском, включая их диалекты. В персидском и дари они особенно характерны для неформальной речи и практически не встречаются в официальном стиле. В таджикском эти времена образуются от неизменяемого по лицам и числам причастия смыслового глагола и личной формы перфекта или преждепрошедшего времени вспомогательного глагола *istodan* «стоять, пребывать»: *karda istodaam u karda istoda budam* — 1 л. ед.ч. настоящего и прошедшего длительного процессуального времен глагола «делать» и т.п. (Там же: 181–182)².

В современном дари для выражения того же значения используются формы, также образованные от неизменяемого по лицам и числам причастия смыслового глагола. Но, в отличие от таджикского языка, вспомогательным глаголом здесь служит не *istodan*, а *raftan* — «идти», изменяющийся по лицам и числам. Последний может выступать в форме настояще-будущего и прошедшего времени в зависимости от того, относится ли выражаемое им действие к настоящему моменту или к определенному моменту в прошлом: *čerâ larzida mēri?* — «почему ты дрожишь?»³, *tamâm-e šaw Šânâma xânda raftom...* — « всю ночь я читал Шах-наме...» (Фархади 1974: 129–130). При этом в дари существует и менее распространенная альтернативная длительная процессуальная форма с использованием вместо глагола *raftan* сложно-именного глагола *râyi* (лит. *râhi*) *budan* с тем же значением: *dida mērên = dida râyi'sten*⁴ «вы видите» (Там же: 125). Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на то что в языках дари и таджикском употребляются разные вспомогательные глаголы, их объединяет и общая черта — смысловой глагол в обоих выступает в виде причастия.

На территории Ирана в персидских и близкородственных им иранских диалектах также широко распространены длительные процессуальные формы для настоящего и будущего времен. Отличие последних от вышеописанных состоит в том, что для их образования используются глагол *dâštân* («иметь») соответствующего времени (настояще-будущего или простого прошедшего), лица и числа и личная форма (а не причастие) смыслового глагола, ср., например, в тегеранском диалекте: *mân dârâm mixorâm* — «я ем», *to dâšši (<dâšti) mixundi (<mixândi)* — «ты читал» (Пейсиков 1960: 76–77)⁵.

Едва ли не первым из европейских исследователей, кто обратил внимание на эти формы в персидских диалектах, был В.А. Жуковский. Так, в 80-х годах XIX в. он писал: «В персидском разговорном языке, как в некоторых современных персидских наречиях, глагол داشتن кроме обыкновенного значения „иметь“... имеет особенное значение, которого в литературном языке... у него нет» (Жуковский 1888: 376). Исследователь выделил две функции у этих временных форм: 1) сочетание аориста глагола *dâštân*, стоящего перед смысловым глаголом настояще-будущего времени, «придает последнему значение такого будущего времени, которое должно совершиться

² Транскрипция изменена.

³ Здесь и ниже примеры из языка дари приводятся по книге Р. Фархади в слегка измененной транскрипции.

⁴ *Râyi'sten < râyi + (h)astên.*

⁵ Здесь и ниже транскрипция автора слегка изменена.

немедленно; стало быть... напоминает во французском языке настоящее время от *aller...*); 2) глагол *dâštân* в прошедшем времени «перед Praeteritum'ом... другого глагола, придает последнему значение такого прошедшего, которое только что свершилось — во французском настоящее от *venir de...*» (Там же: 376). Исследователь приводит примеры из обыденной речи: *دارم میام* — «сейчас приду!», *داشت رفت بازار* — «он сейчас (только что, вот-вот) ушел на базар» и образец народной поэзии (сатиры):

اینها همه دُرُس شد حاکم طهران اُروس شد
 گُلونل آمد از راه اُمسه پولیس ساز میزنه داره میرقصه

Все это пришло в порядок:

Губернатор[ом] Тегерана стал русский,

Колонел (полковник) пришел из Неметчины (т.е. Австрии. — Ю.А.),

Полиция играет на музыке (sic), вот-вот запляшет.

(Жуковский 1888: 376–377; Жуковский 1902: 250).

Признавая несомненную заслугу Валентина Алексеевича в том, что он обратил внимание на данные глагольные формы на заре исследований в области персидской диалектологии, отметим, что их грамматическое значение было определено им неверно, на что справедливо указала, в частности, А.З. Розенфельд, которая писала: «...и примеры, приводимые В.А. Жуковским в вышеупомянутой статье, следует переводить не будущим, а настоящим временем... не „сейчас приду“, а „иду“. Так же и в следующем примере из народной базарной сатиры... „пляшет (сейчас)“, т.е. „полиция играет и пляшет“» (Розенфельд 1948: 308).

С А.З. Розенфельд солидаризовался и Л.С. Пейсиков. В своей монографии о тегеранском диалекте он писал: «В.А. Жуковский отмечал... что сочетания с *داشتن* имеют значение ближайшего будущего времени... Вывод В.А. Жуковского слишком „широк“, хотя оттенок ближайшего будущего иногда имеет место... Так, на призыв „Иди сюда“ можно ответить „*Dârâm miyâm*“... „Сейчас приду“, однако в другой ситуации... „*Dârâm miyâm dige!*“ [будет означать] „Я ведь иду!“...» (Пейсиков 1960: 77). Пример *dâre miraxse*..., справедливо указывает Л.С. Пейсиков, истолкован у В.А. Жуковского не совсем верно: не «вот-вот запляшет», а «(он) приплясывает». Упомянутый автор делает следующий общий вывод: «Отмеченная В.А. Жуковским особенность глагола *dâštân*, соответствующая, по его мнению, французскому „ближнее“ — прошедшему времени от *venir de* с инфинитивом спрягаемого глагола, записанными мною разговорными примерами, а также многочисленными примерами из современной литературы не подтверждается. Пример В.А. Жуковского (*داشت رفت بازار*) не ясен, так как *dâštân* вообще не может стоять перед прошедшей совершенной формой спрягаемого глагола. В связи с этим не удалось также обнаружить оттенка, соответствующего французскому *Passé antérieur*» (Там же: 78). Общее значение этой глагольной формы в настоящем времени Л.С. Пейсиков определяет как соответствующее английскому *Present Continuous* (Там же: 76).

Описанные выше глагольные формы привлекли внимание и иранских лингвистов. Так, автор основательного исследования по бирджанскому говору (одному из южно-хорасанских диалектов персидского) Дж. Резаи (J. Rezaee) не только отказывает им в законном праве на существование в этом говоре, но и полагает их возникшими в персидском «недавно» и под влиянием европейских (!) языков, а появление их в речи

носителей данного диалекта объясняет желанием «соответствовать нормам современного персидского языка»⁶. Такой взгляд на ситуацию вызывает недоумение. Во-первых, как справедливо отмечает Н. Нематоллахи в своей статье на данную тему, ни в одном из известных иранцам иностранных языков, включая английский, французский, немецкий и русский, такого времени не существует. Отвергая идею заимствования этих конструкций, она исходит из того, что их отсутствие в указанных языках исключает возможность их появления в персидском под влиянием извне (Nematollahi 2015: 104). Во-вторых, данные временные формы стали фиксироваться исследователями в конце XIX — начале XX в. не только во многих персидских, т.е. диалектах юго-западного типа, но и в северо-западных иранских диалектах, и в так называемых «диалектах Центрального Ирана», объединяющихся с северо-западными рядом общих признаков. При этом исследователи, отмечавшие эти формы на стыке XIX–XX вв., собирали свои материалы среди преимущественно неграмотного и малограмотного населения тогдашней Персии, едва ли подверженного влиянию европейских языков. Так, подобные конструкции отмечены у В.А. Жуковского, чьи полевые исследования по различным диалектам относятся к 80-м годам XIX в.⁷, и у В.А. Иванова (W. Ivanow) и Д.Л. Лоримера (D.L. Lorimer) в говорах зороастрийцев Йезда и Кермана (см. ниже). Крайне знаменательно употребление данного времени в мазандеранском языке. Тезис о появлении этих глагольных форм «под влиянием переводов с европейских языков» выглядит еще менее убедительным на фоне ранней фиксации их употребления в северо-западных иранских диалектах и в тесно связанных с ними так называемых «диалектах Центрального Ирана». Поскольку подробное рассмотрение примеров выходит за рамки настоящей работы, ограничимся ниже лишь некоторыми.

Помимо приведенных В.А. Жуковским и процитированных нами выше образцов персидской разговорной речи и народного творчества, в которых фигурируют интересующие нас глагольные формы, этот исследователь в той же статье отмечает аналогичную конструкцию в переделке *gazali* Хафиза на наречии деревни Кафрон недалеко от Исфахана. В ней словам поэта *فرباد رسی می آید* — «помощник вот-вот придет» соответствует: *feriyōd-rés-ī dōrū-yūe*⁸ (Жуковский 1888: 377). Подобные же формы имеются в говоре деревни Седе, расположенной также поблизости от Исфахана, ср.: *dātom-o šaame* — «я шел (в какой-то определенный момент времени)» (Основы иранского языкознания 1997: 320), — и в диалектах евреев Исфахана, если судить по текстам, опубликованным Р. Абрамяном (R. Abrahamian): *Tu fekr dārbo, bišti ye ra'yet dāru ālef činive* — «Il était dans ses pensées quand il vit un peysan moissonner son champ» [«он погрузился в свои мысли, когда увидел какого-то крестьянина, который собирает траву»] (Abrahamian 1936: 73, 104). Аналогичное время с диалектным вариантом глагола «иметь» — *dūrtwun* представлено в говорах зороастрийцев Йезда и Кермана:

⁶ Буквально данный автор пишет следующее: «بیگمان ... داشتتم مرگم» ... «اگر اکنون کسی چنین فعلی به کار ببرد و مثلاً بگوید "داشتم مرگم" ... در خود زبان فارسی نیز چنین کاربردی تازگی دارد و یقین از زیر تأثیر زبان فارسی کنونی چنین کارواژه ای بر زبان خواهد راند، با آن که ... در خود زبان فارسی نیز چنین کاربردی تازگی دارد و یقین از طریق ترجمه از زبانهای اروپایی به این زبان راه یافته است» (Rezaee 1998: 279) — «Если сегодня кто-то употребит такую глагольную [форму], например, скажет: *dāstom maraftom...*, то, несомненно, сделает это под влиянием современного персидского языка, несмотря на то... что и в самом [нормативном] персидском языке она представляет собой новшество, которое, безусловно, попало в этот язык под влиянием переводов с европейских языков» (пер. наш).

⁷ Ученый собирал материалы в 1883–1886 гг.

⁸ Транскрипция заменена на латинскую с сохранением принципа транскрибирования автора, за исключением постановки ударения.

me 'dûre 'rase — соответствует литературному персидскому: *man dâram miräsäm, ta' dûri 'rasi* — *to dâri miräsi* и т.п. Ср. соответствующие формы прошедшего времени: *me 'dûrte 'rasüde, ta 'dûrti 'rasüdi* и т.п. (Ivanow 1940, 80–81)⁹. В мазандеранском языке также имеются настоящее и прошедшее длительные процессуальные времена с тем же вспомогательным глаголом: *dôrme neviseme* — «я пишу (сейчас)», *dorni neviseni* — «ты пишешь», *dôšti nevéšti* — «ты писал (в данное время)», *dôšte nevéšte* — «он писал» и т.п. (Основы иранского языкознания 1982: 538–539)¹⁰. Особо подчеркнем, что приведенные выше примеры иллюстрируют употребление этих форм не в диалектах юго-западного типа, а в северо-западных (включая так называемые «диалекты Центрального Ирана»).

Спорным выглядит и утверждение Резаи о том, что современные носители южно-хорасанских (а может, и вообще хорасанских) говоров на территории Ирана употребляют данные конструкции «исключительно под влиянием современного персидского языка». Так, описывая особенности персидских диалектов Хорасана на заре XX столетия, В.А. Иванов писал: «Общей чертой разговорной речи по всей Персии выступает использование глагола *dâshtan* в настоящем времени для выражения действия в процессе его совершения: *dârâ muknâ* — он сейчас делает» (Ivanow 1925: 253)¹¹. Правда, в самих хорасанских текстах, опубликованных В.А. Ивановым, данных форм нам обнаружить не удалось, но последнее должно объясняться особенностью самих текстов — сказаний и четверостиший, тогда как употребление интересующих нас конструкций более характерно для текстов бытового содержания, не представленных в хорасанских материалах В.А. Иванова. Однако и сама констатация факта этим выдающимся исследователем и знатоком диалектов Хорасана, хотя и проиллюстрированного им единичным примером, есть важное свидетельство использования длительных процессуальных форм в данных диалектах по крайней мере уже на стыке XIX–XX вв.

По нашим наблюдениям, в современном говоре г. Мешхеда — центра иранской провинции Хорасан формы типа *derân merân* («они сейчас идут/уходят») являются часто употребляемыми. Они широко представлены и в рассказах бытового содержания на этом говоре, записанных с использованием арабской графики: *یره میره* — «он идет», *داشت بیاده مُشَد* — «он выходил из машины/автобуса», *مؤ که چشمام داشت از حدقه*, *مِرَد بیرون* — «мои глаза [от удивления] вылезали из орбит», *داشتم خفه مُشَدَم* — «я задышался [от жары]»¹².

Знаменательно то обстоятельство, что эти формы, употребительные в многочисленных юго-западных и других иранских диалектах на территории современного Ирана, отсутствуют в диалектах, близкородственных персидским, за пределами данной страны. Даже в тех, что распространены в Северо-Западном Афганистане, таких как гератский, которые представляют собой продолжение единого хорасанского массива персидских диалектов, они отсутствуют. Не отмечены эти конструкции и в го-

⁹ Полная парадигма данных форм в говорах зороастрийцев представлена в книге: Основы иранского языкознания 1997: 320.

¹⁰ Транскрипция слегка изменена.

¹¹ Ср.: “Common to colloquial speech all over Persia is the use of the verb *dâshtan*, in the Present tense for an action in progress: *dârâ muknâ* — he is now doing”. Обращает на себя внимание, что В.А. Иванов отмечает лишь формы настоящего времени.

¹² Рассказы, из которых почерпнуты эти примеры, представлены на интернет-сайте: <http://www.bechemashad.blogfa.com/category/2/>.

ворах татов Кавказа. Таким образом, можно заключить, что использование данных глагольных времен с глаголом *dāštān* «иметь» (в разных фонетических вариантах) представляет собой *исключительную* черту ареала персидских и других западноиранских диалектов, бытующих именно на территории современного Ирана, т.е. изоглоссу, *выделяющую* эти диалекты из более широкого массива иранских языков и диалектов, в том числе из континуума диалектов близкородственных языков юго-западной подгруппы — персидского, дари и таджикского.

Формы эти, как уже отмечалось, рассматриваются в соответствующей литературе как *инновационные*. Такое определение представляется оправданным, если под «инновацией» в данном случае понимать то обстоятельство, что они появились в персидском языке и в его диалектах позже других употребительных в них ныне времен, хотя на сегодняшний день невозможно установить, насколько «поздно» они стали использоваться в языке по сравнению с настояще-будущим и прошедшим длительным временами с глагольным префиксом *mī-* (<*hamē*), которые также не представлены в языке классической персидской литературы. В последнем для выражения настоящего действия употреблялись формы без этого префикса, за которыми в современном языке закрепились функции сослагательного наклонения. То обстоятельство, что времена с *dāštān* не были зафиксированы на письме до конца XIX — начала XX в., не может служить аргументом в пользу их отсутствия, если учесть крайний консерватизм литературного и официального персидского языка в средние века и в эпоху Каджаров, никак не отражавшего тенденций разговорной речи, до робких попыток «демократизации» персидской словесности в первой половине XX в. С другой стороны, тот факт, что формы эти зафиксированы в материалах европейских исследователей с начала 80-х годов XIX в. (т.е. на заре диалектологических изысканий) в самых разных диалектах, свидетельствует о том, что они существовали в языке и ранее этого времени. В противном случае они не смогли бы получить такого быстрого распространения и укорениться в речи столь широких слоев населения, говоривших на разных социальных и территориальных диалектах, особенно в условиях Персии XIX в., где преобладало неграмотное население.

Иными словами, вполне логично допустить, что на момент их письменной фиксации данные формы могли существовать в разговорном языке уже не одно столетие. При этом нельзя отрицать и того обстоятельства, что их распространению (но не изначальному возникновению) могли в определенной мере поспособствовать и взаимовлияние диалектов, и некий общий наддиалектный разговорный стандарт (койне), наслаивающийся в каждом регионе на местный говор и приобретающий локальные диалектные черты. Влияние такого стандарта особенно заметно в городах и центрах областей. Возможно, этим и объясняется тот факт, что интересующие нас формы более свойственны говорам городов (от Тегерана до Кермана и от Шираза до Мешхеда), чем сельских населенных пунктов, хотя и в последних они тоже зафиксированы. Но, как уже отмечалось выше, ошибочно было бы объяснять появление какой-либо грамматической формы или категории в речи носителей диалекта исключительно их желанием «подражать» кому-либо или какому-либо стандарту. Взаимодействие между наддиалектным стандартом и местными говорами есть значительно более сложный и органичный процесс, включающий в себя взаимообогащение и усвоение территориальными диалектами каких-то общих, присущих всей совокупности диалектов ареала черт, которые, попадая на почву отдельного говора, становятся его неотъемлемой частью.

Формы эти или аналогичные им должны были возникнуть в языке в любом случае, так как они занимают важную нишу в системе глагола — средства выражения теку-

шего действия на момент речи в настоящем или в определенный момент времени в прошлом, и тем восполняют очевидный пробел в наборе грамматических возможностей выражения этого вида действия. То, что без них этот пробел бы сохранялся, подтверждается не только появлением соответствующих по значению форм в дари и таджикском (см. выше), но и возникновением альтернативных способов выражения такого действия в некоторых иранских языках и диалектах на территории Ирана, например, в гилянском, ларском и бандари, что отражает объективную общую потребность в их существовании.

В гилянском языке длительные процессуальные формы образуются сочетанием инфинитива смыслового глагола с личной формой недостаточного глагола «находиться, пребывать», внешне очень схожего с глаголом «иметь»: *nivištān dārām* — «я пишу», *nivištān dāri* — «ты пишешь», *nivištān dārā* — «он, она пишет» и т.п. При этом прошедшее время представлено двумя разновидностями: *nivištān dārā bum/nivištān dubum* — «я писал», *nivištān dārā bim/nivištān dibim* — «мы писали», *nivištān dārā bid/nivištān dibid* — «вы писали» и т.п. (см.: Основы иранского языкознания 1982: 538).

В ларском языке/диалекте формы с тем же значением образуются от инфинитива удлинением конечного гласного а, превербом *a-* и личными окончаниями: *a-dedā-y* — «он видит», *a-gotā-en ke* — «говорят, что...» и т.п. (Там же: 433)¹³. М.С. Пелевин фиксирует аналогичные конструкции, образуемые от причастия прошедшего времени посредством префикса *a-* и личных окончаний, и в диалекте бандари Южного Ирана: *me kār akerdum* — «я сейчас работаю» (Пелевин 1998: 116).

Отметив, что попытки обнаружить источник подобных конструкций с глаголом «иметь» в древне- и среднеиранских, равно как и в иностранных, языках оказались неудачными, Н. Нематоллахи выдвигает в своей статье гипотезу их возможного происхождения на почве собственно персидского языка. И хотя гипотеза эта не лишена изъянов и может вызывать вопросы (см. ниже), лежащая в ее основе идея о том, что данные временные формы явились следствием естественной эволюции лексических и грамматических средств самого персидского языка и дальнейшего раскрытия их потенциала, представляет собой определенное достижение.

Н. Нематоллахи обращает внимание на то, что отличительной чертой этих конструкций, помимо использования конкретного вспомогательного глагола («иметь»), выступает употребление личных (т.е. изменяемых по лицам и числам) форм как вспомогательного, так и смыслового глагола. Эта особенность, считает данный автор, отличает их от результативных (т.е. перфектных) времен, при образовании которых спрягается лишь вспомогательный глагол¹⁴ либо предикативная связка, и от конструкций с усеченным инфинитивом (Nematollahi 2015: 110).

Н. Нематоллахи выдвигает гипотезу о возможной связи между интересующими нас формами и так называемыми «серийными глагольными конструкциями» (Serial Verb Constructions), в которых представлена последовательность из двух или более глаголов, функционирующих как единый предикат и описывающих единое событие, а конкретно, сочетаниями глагола *bār-dāštān* с другим, из которых первый выражает нечто вроде приступа к действию, аналогично сочетаниям с глаголом «взять» в русском языке: «Я взял и сказал...» и т.п. Н. Нематоллахи приводит примеры из персид-

¹³ Ср. также: Ромаскевич 1945: 50.

¹⁴ В этом же, как отмечали мы в начале статьи, состоит отличие конструкций с глаголом «иметь» в персидском языке и от аналогичных по грамматическому значению длительных процессуальных форм в дари и таджикском.

ского языка: *bär-dârim berävîm...* — «давайте пойдём...», *in bud ke ânâhâ... bär-dâštând telegrâf kârdând* — «тогда они... взяли и телеграфировали», *be fâringihâ nâguyid ke bär-dârând... benevisând* — «не говорите иностранцам, а то они возьмут... и напишут» и т.п. (Там же: 111–112)¹⁵. Н. Нематоллахи предполагает, что в процессе грамматикализации этой сериальной глагольной конструкции с *bär-dâštân* последний мог утратить преверб *bär-*, приняв сокращенный вид: *dâštân*. К изначальной его семантике — указание на предстоящее действие — могла прибавиться другая, впоследствии закрепившаяся за данными формами в качестве основной их функции, — выражение действия в процессе его совершения (Nematollahi 2015: 112).

К числу изъянов описанной выше теории, которая, несомненно, имеет право на существование в качестве гипотезы, особенно за неимением альтернативных, более убедительных, можно, по нашему мнению, отнести два обстоятельства. Если формы с *dâštân* восходят к сериальной глагольной конструкции с *bär-dâštân*, то как объяснить их употребление в тех иранских языках или диалектах (например, северо-западных, см. выше), в которых глагол *bär-dâštân* отсутствует или не имеет значения приступа к действию? Среди приведенных Н. Нематоллахи персидских примеров преобладают фразы с глаголом *bär-dâštân* в повелительном и сослагательном наклонениях: *bär-dârim berävîm...*, *bär-dârând... benevisând*. Как объяснить в свете выдвинутой ею гипотезы, что длительные процессуальные формы с *dâštân* употребляются исключительно в изъявительном наклонении?

В заключение подведем итог рассмотренным выше положениям. Использование интересующих нас времен (конструкций) с глаголом *dâštân* («иметь») в разных диалектных и фонетических вариантах представляет собой исключительную особенность массива персидских и некоторых других западноиранских диалектов, распространение которых ограничено территорией современного Ирана. Данные временные формы явились следствием естественной эволюции лексических и грамматических средств выражения самого персидского языка, и их возникновение не может быть объяснено «влиянием иностранных языков». Как неотъемлемая и органичная часть персидской глагольной системы указанные конструкции заполняют важную грамматическую нишу — средства выражения действия, протекающего в данный момент времени в настоящем или в определенный момент времени в прошлом. Эти формы распространены внутри всего географического ареала персидских и других западноиранских диалектов Северного, Центрального, Южного и Восточного Ирана¹⁶.

Литература

- Жуковский 1888 — Жуковский В.А. Особенное значение глагола داشتن в персидском разговорном языке // ЗВОРАО. Т. 3. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. Наук, 1888. С. 376–377.
 Жуковский 1902 — Жуковский В.А. Образцы персидского народного творчества. СПб.: Типолит. И. Бораганского и К°, 1902.

¹⁵ Транскрипция изменена, перевод наш.

¹⁶ Мы не упоминаем здесь Западный Иран, так как на большей его части преобладают тюркские, курдский и арабский языки. В курдском, как любезно сообщила нам ведущий российский курдовед-лингвист — З.А. Юсупова, подобные формы отсутствуют. Говоря о «Восточном» Иране, следовало бы прежде всего указать северо-восточную его часть — провинцию Хорасан, так как данными по систанскому диалекту, бытующему южнее хорасанских говоров, мы не располагаем. В белуджском же языке, распространенном на юго-востоке Ирана, указанные формы исследователями не отмечены.

- Основы иранского языкознания 1982 — Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М.: Наука, 1982.
- Основы иранского языкознания 1997 — Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: северо-западная группа II. М.: Восточная литература, 1997.
- Пейсиков 1960 — *Пейсиков Л.С.* Тегеранский диалект. М.: Издательство ИМО, 1960.
- Пелевин 1998 — *Пелевин М.С.* Диалект бандари Южного Ирана // Страны и народы Востока. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. Вып. XXX. С. 305–310.
- Розенфельд 1948 — *Розенфельд А.З.* Вспомогательная функция глагола *dāštan* в персидском языке // Советское востоковедение. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. Т. 5. С. 305–312.
- Ромаскевич 1945 — *Ромаскевич А.А.* Лар и его диалект // Иранские языки, № I. М.; Л.: Издательство Академии наук, 1945. С. 31–86.
- Фархади 1974 — *Фархади [А.]Р.* Разговорный фарси в Афганистане / Пер. Б.Я. Островского. М.: Наука, 1974.
- Abrahamian 1936 — *Abrahamian R.* Dialectes des Israélites de Hamadan et d'Ispahan et dialecte de Baba Tahir. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, 1936.
- Ivanow 1935 — *Ivanow W.* The Gabri Dialect Spoken by the Zoroastrians of Persia // *Rivista degli studi orientali*. Roma: Tipografo della R. Accademia d'Italia, 1935. Vol. 16. P. 31–97.
- Ivanow 1925 — *Ivanow W.* Rustic Poetry in the Dialect of Khorasan // *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal*. N.S. 21. Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1925. P. 233–313.
- Nematollahi 2015 — *Nematollahi N.* Development of the Progressive Construction in Modern Persian // *Proceedings of the 1st Conference on Central Asian Languages and Linguistics (ConCALL)*. 2015. Vol. 1. P. 102–113.
- Rezaee 1998 — *Rezaee J.* Barresi-ye Guyesh-e Birjand: Vâjshenâsi-Dastur. Be Ehtemâm-e M. Rafi'i. [Tehran]: Hirmand, 1998.

References

- Abrahamian, Rouben. *Dialectes des Israélites de Hamadan et d'Ispahan et dialecte de Baba Tahir*. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, 1936 (in French).
- Farhadi A.R. *Razgovornyi farsi v Afganistane* [Colloquial Persian as Spoken in Afghanistan]. Translated from the French by B.Y. Ostrovskii. Moscow: Nauka, 1974 (in Russian).
- Ivanow, Vladimir. "Rustic Poetry in the Dialect of Khorasan". *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal*, N.S. 21. Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1925, pp. 233–313 (in English).
- Ivanow, Vladimir. "The Gabri Dialect Spoken by the Zoroastrians of Persia". *Rivista degli studi orientali*, vol. 16. Roma: Tipografo della R. Accademia d'Italia, 1935, pp. 31–97 (in English).
- Nematollahi N. "Development of the Progressive Construction in Modern Persian". *Proceedings of the 1st Conference on Central Asian Languages and Linguistics (ConCALL)*, vol. 1, 2015, pp. 102–113 (in English).
- Osnovy iranskogo iazykoznaniiia. Novoiranskii iazyki: Severo-zapadnaia grupa II* [The Basics of Iranian Linguistics. New Iranian languages II. North-Western Group]. Moscow: Vostochnaia Literatura, 1997 (in Russian).
- Osnovy iranskogo iazykoznaniiia. Novoiranskii iazyki: Zapadnaia grupa* [The Basics of Iranian Linguistics. New Iranian Languages. Western Group]. Moscow: Nauka, 1982, pp. 231–286 (in Russian).
- Peisikov L.S. *Tegeranskii Dialect* [The Tehrani Dialect]. Moscow: IMO, 1960 (in Russian).
- Pelevin M.S. "Dialect Bandari Yuzhnoho Irana" [The Bandari Dialect of Southern Iran]. *Strani i narody Vostoka*, vol. XXX. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1998, pp. 305–310 (in Russian).
- Rezaee J. *Barresi-ye Guyesh-e Birjand: Vâjshenâsi-Dastur* [A Study of the Dialect of Birjand: Phonology-Grammar]. Be Ehtemâm-e M. Rafi'i. [Tehran]: Hirmand, 1998 (in Persian).
- Romaskevitch A.A. "Lar i ego Dialect" [Lar and Its Dialect]. In: *Iranskii iazyki*, 1. Moscow-Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk, 1945, pp. 31–86 (in Russian).

- Rosenfeld A.Z. “Vspomogatelnaia funktsiia glagola dāštan v persidskom iazyke” [An Auxiliary Function of the Verb *dāštan* in Persian]. *Sovetskoe Vostokovedenie*, [vol.] 5. Moscow-Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1948, pp. 305–312 (in Russian).
- Zhukovskii V.A. *Obraztsi persidskogo narodnogo tvorchestva* [Samples of Persian Folk Art]. St. Petersburg: Tipographia I. Boraganskii & K^o, 1902 (in Russian).
- Zhukovskii V.A. Osobnoe znachenie glagola داشتن v Persidskom razgovornom iazyke [The Special Meaning of the Verb داشتن in Modern Persian]. *ZVORAO*, vol. 3. St. Petersburg: Tipografia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1888, pp. 376–377 (in Russian).

The Continuous Tense with the Verb “To Have” as a Peculiar and Exclusive Feature of Western Iranian Dialects Spoken in Modern Iran

(Pis'mennye pamyatniki Vostoka, 2017, volume 14, no. 3 (issue 30), pp. 44–53)
Received 26.02.2017.

Youli A. Ioannesyan

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The article considers the verb forms with the auxiliary verb “to have” used in Persian and other western Iranian dialects of modern Iran to express a continuous action taking place at the moment of speech in present or at a certain moment in the past. Drawing upon extensive material collected from a large number of dialects, the author proves that the geographic area within which these forms are found is limited to the territory of modern Iran, which makes them a distinguishing and exclusive feature of Western Iranian (Persian and non-Persian alike) dialects spoken in modern Iran. The author supports the idea that these verb forms are completely “native” to the linguistic area they are found in and, therefore, despite the viewpoint of some scholars, could not have originated under the influence of Western or any other foreign languages.

Key words: Persian language, Persian dialectology, Iranian dialectology.

About the author:

Youli A. Ioannesyan, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, IOM RAS (youli19@gmail.com).

Нормативная база обслуживания августейших особ в Танском Китае. Часть 1: Лечение, питание

В.М. Рыбаков

Институт восточных рукописей РАН

Весьма интересным примером проявления общей тенденции в конкретных условиях является нормативно-правовая база заботы об императоре и ближайших к нему членах его семьи, разработанная в традиционном Китае. В статье проанализирован перечень прогнозируемых непреднамеренных оплошностей, чреватых нанесением аналогичного вреда, вместе с перечнем карательных мер, призванных уменьшить вероятность таких оплошностей, а также то, какие бытовые посягательства на имущество августейших особ законодатели Китая времен династии Тан полагали вероятными и как предлагали с ними бороться.

Ключевые слова: традиционный Китай, государство и право, чиновничество, административное право, безопасность первых лиц государства, династия Тан.

Статья поступила в редакцию 26.04.2017.

Рыбаков Вячеслав Михайлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Дальнего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (ouyangtsev@mail.ru).

© Рыбаков В.М., 2017

Обеспечение безопасности и комфорта первых лиц государства во всех странах и во все времена является одной из основных задач правовой системы. Понятно, что для надлежащего выполнения своих обязанностей государственное руководство должно быть по возможности избавлено и от опасений за свою жизнь и здоровье, и от бытовых забот. Однако представления о безопасности и комфорте в высокой степени определяются как технологическим уровнем эпохи, так и культурными традициями страны. За рамками данной статьи остаются уже довольно хорошо известные правовые нормы, предназначенные для блокирования преступлений реально антигосударственного характера, состоящих в преднамеренных попытках нанести царствующим особам вред.

Лечение

Приступая к рассмотрению правовых норм, регулировавших обслуживание императорских особ и нарушения в этой сфере деятельности, следует прежде всего припомнить Шестое из десятки наиболее тяжких и наиболее сурово наказуемых престу-

плений — Десяти зол (*ши э* 十惡), а именно — Великую непочтительность (*да бу цзин* 大不敬). Если преступное действие попадало под рубрику какого-либо из зол, наказание не могло быть ни отменено амнистиями, ни уменьшено привилегиями, ни заменено щадящими наказаниями, предназначенными специально для облегчения участи чиновничества. Большинство нарушений и ошибок, допущенных при исполнении обязанностей по удовлетворению земных, приземленных, материальных нужд императорской семьи, относились именно к Великой непочтительности.

Шестое называется Великой непочтительностью. Имеется в виду... ошибочное составление державного лекарства (*юйяо* 御藥) несоответственно правильному способу (*у бу жу бэньфан* 誤不如本方) или ошибка в сопроводительном предписании (*фэнтэ* 封題誤), а также ошибочное нарушение кулинарных запретов (*у фань шицзинь* 誤犯食禁) при изготовлении державной пищи (*цзао юйшань* 造御膳), ошибочное изготовление непрочными (*у бу лаогу* 誤不牢固) державных судов счастья (*юйсин чжоучуань* 御幸舟船) (Тан люй. Ст. 6; Уголовные установления Тан 1999: 89)¹.

Следует обратить внимание вот на что. Относительно всех правонарушений данного перечня подразумевалось, что они были совершены по ошибке, по небрежности.

В большинстве обыденных ситуаций, если некий вред был нанесен в силу ошибочного действия, закон предписывал определять наказание путем уменьшения на определенное число степеней того наказания, что предписывалось законом за данное действие (нанесение данного вреда), совершенное преднамеренно. Например, тот, кто с высокого места преднамеренно разглядывал территорию внутри стен императорского Дворцового комплекса, должен был быть наказан 1 годом каторги; а вот тому, кто ровно с той же высоты глянул туда же по ошибке (*у* 誤), наказание следовало определять посредством уменьшения на 2 степени наказания, полагавшегося за преднамеренное разглядывание, что давало 90 ударов тяжелыми палками (Тан люй. Ст. 66; Уголовные установления Тан 1999: 310–311)².

В данном же контексте о подобной механике и речи нет.

Преднамеренное преступление, связанное с обслуживанием императора, проходило как покушение на императорскую особу со всеми вытекающими последствиями; оно относилось уже к Первому из зол, каралось с применением общесемейной ответ-

¹ Относительно применяемого по самым разным поводам термина *юй* 御, который я передаю как «державный» («державное лекарство», «державная пища», «державные суда»), в Кодексе предусмотрено разъяснение: «Всякий раз, когда указывается на Тога, кто в паланкине (*чэньюй* 乘輿), на Высочайший выезд (*цзюйцзя* 車駕) и на державное (*юй* 御). [эти указания] всегда равным образом [относятся помимо самого императора к] престарелой вдовствующей императрице, к вдовствующей императрице и к императрице... Например... статья: тот, кто самовольно вошел и достиг места, где пребывает державная [особа] (*юй цзай со* 御在所), наказывается обезглавливанием. Тот, кто достиг места, где пребывает [какая-либо из] трех императриц, также наказывается обезглавливанием» (Тан люй. Ст. 51; Уголовные установления Тан 1999: 269–270). Поэтому я избегаю переводить термин *юй* как просто «императорский», «императорские» и пр.

² Шкала основных наказаний по танскому праву включала: пять разновидностей наказания легкими палками (10, 20, 30, 40 и 50 ударов); пять разновидностей наказания тяжелыми палками (60, 70, 80, 90 и 100 ударов); пять разновидностей наказания каторгой (1 год, 1,5, 2, 2,5 и 3 года работ); три разновидности наказания ссылкой (ссылка на 2000, на 2500 и на 3000 *ли*, где *ли* — ок. 560 м); две разновидности наказания смертью (удавление и обезглавливание). Эти наказания группировались по степеням тяжести, которые в основном повторяли разбивку по разновидностям.

ственности и уж во всяком случае смертной казнью³. Но для ошибочных действий, способных поставить особу владыки в опасное положение, закон тоже предусматривал наказания специальным образом, в каждом отдельном случае называя их определенно. Кроме того, даже если такое преступление было совершено по ошибке или небрежности, это все равно была Великая непочтительность. И если наказание по основной шкале не достигало смертной казни, оно тем не менее являлось наказанием преступления, определяемого как одно из Десяти зол. Следовательно, тут не действовали ни амнистии, ни привилегии, ни откуп или иные трансформации основного наказания, предназначенные для выведения кадровых чиновников из-под угрозы отправиться на реальную каторгу или в реальную ссылку.

Нам ли не знать, насколько и вообще-то беззащитный перед ударами судьбы человек становится беззащитнее, когда нуждается в помощи. Например, когда он болен. Когда попадает в полную зависимость от компетентности и добросовестности медиков. Однако вряд ли наш современник в состоянии представить, какое напряжение возникало при дворе, когда нечто подобное происходило с Сыном Неба. С тем, кто воспринимает веления свыше и претворяет их в мире людей в конкретных распоряжениях. От его персоны зависели процветание Поднебесной, изобильные урожаи и социальный покой, благоприятная погода и отсутствие стихийных бедствий — и в то же время его собственное-то здоровье вдруг оказывалось в зависимости от его обычных подданных. И они, пигмеи по сравнению с этой титанической фигурой, обязаны были избавить его от хвори и вернуть на подобающее ему место в трехмерном континууме Небо–Земля–Человек.

Это определенно был чудовищный форс-мажор. Мир буквально выворачивался наизнанку.

А ведь дело заключалось не просто в нарушении вселенской субординации, не в извращении космического распределения полномочий. Вряд ли можно было найти более удобный, чем болезнь владыки, момент для реализации предельно злокозненных замыслов, когда под предлогом, самым благовидным из всех возможных, внутри брэнного императорского тела, подверженного всем превратностям органических процессов, можно было ввести что-либо необычное, чужеродное, сугубо химическое. Не выросший на ветке естественным образом румяный невинный плод, не кусочек только что бодро бегавшей или плававшей птицы или рыбы, но нечто непостижимое для непосвященных, искусственно изготовленное из странных ингредиентов, не имеющих ни малейшего отношения к вкусной и здоровой пище.

Даже отсутствие злого умысла, даже самая честная попытка облегчить участь больного, если она подразумевала проглатывание необычных веществ и снадобий, являлись экстраординарным событием, чреватым многими неопределенностями.

Закон, как умел, старался свести эти неопределенности к минимуму — попутно устраивая для дворцового персонала изрядный переполох.

³ «Повелитель людей силой Дэ своей подобен Небу и Земле, а сиянием своим сходен с Солнцем и Лунной. Вверху он благоговейно [восприимлет] Драгоценный Мандат [Неба], внизу он присматривает за Землей и руководит ею. Если же объявляются вероломные служащие и злобные подданные, умыслившие повредить Алтарям Земли и Зерна и начавшие строить безрассудные планы, то, даже если их дело еще не осуществилось, их обязательно следует истребить, как если бы они уже на самом деле восстали против... Когда указывается на „умысел“, [это означает] 2 человек и более, а когда дело понятно и ясно, то, хотя бы [это был] 1 человек, он подпадает под [действие] закона, [предусмотренного] для 2 человек» (Тан луй. Ст. 248; Уголовные установления Тан 2005: 12).

Вообще говоря, оказанием медицинской помощи августейшим особам ведала высшая служба врачевания (*шанъяоцзюй* 尚藥局), являвшаяся подразделением Надзора Дворцового обеспечения (*дяньчжуншэн* 殿中省)⁴. Первыми лицами службы были двое подносителей в державное употребление (*фэньюй* 奉御). В штат службы входили профессиональные медики: лекари-служители при державной особе (*шюйи* 侍御醫), лекари (*сыи* 司醫) и подсобные лекари (*ицзо* 醫佐). Все эти служащие были ранговыми чиновниками.

Во вспомогательный штат службы входили помимо обычных писцов, кладовщиков и прочих те служащие, что выполняли конкретные лечебные или фармацевтические процедуры и операции, например, умельцы массажа (*аньмоши* 按摩師), умельцы по заклинаниям, отводящим порчу (*чжоуцзиньши* 咒禁師), фармацевтики-фармацевты (*чжюяо* 主藥) и их помощники-служки (*яотун* 藥童), мастера-составители губных мазей (*хэкоучжицзян* 合口脂匠) и т.д.

В «Синь Тан шу» и «Тан лю дьянь» с небольшими вариациями описываются процедуры надзора со стороны высших должностных лиц за изготовлением и поднесением императору предназначенных для него лекарств. Легкие расхождения в описаниях не влияют на содержание принципиально. Суть процедуры была в том, что, когда надлежало изготовить лекарство для императора, от Привратного надзора (*мэньсяшэн* 門下省) и Надзора Срединных документов (*чжуншюшэн* 中書省) выделяли по одному старшему чиновнику (вариант: от всех подразделений этих надзоров по одному старшему чиновнику), от находящихся в данный момент на дежурстве гвардий также отряжался один из главнокомандующих (*да цзянцзюнь* 大將軍) и один из командующих (*цзянцзюнь* 將軍) (вариант: только один из главнокомандующих), к ним присоединялись управитель (*цзянь* 監) Надзора Дворцового обеспечения и подноситель в державное употребление из самой службы врачевания. Эта компания наблюдала за процессом изготовления лекарства. Когда лекарство было готово, то задействованные персоны, начиная с подсобных лекарей службы врачевания и далее по восходящей, это лекарство пробовали. Затем составлялся и опечатывался сопровождающий изготовленное снадобье документ, где, по всей видимости, описывался способ изготовления или использования (в «Синь Тан шу» коротко сказано: *шу бэньфан* 疏本方)⁵, фиксировались год, месяц и день изготовления, и все, присматривавшие за процессом, ставили свои подписи. Затем подавался доклад императору; в нем, надо полагать, содержались все эти данные. В день приема лекарства его также пробовали: сначала подноситель в державное употребление, затем управитель Надзора Дворцового обеспечения, затем наследник престола. После этого лекарство подносилось Сыну Неба (Синь Тан шу 1975: 1218–1219; Ниида Нобору 1964: 722; Тан лю дьянь. Цз. 11, разд. Шанъяоцзюй).

Вкратце та же процедура описана и в соответствующей статье Кодекса, зато в ней существенно дополнена информация о том, какие сведения должен был содержать сопроводительный документ.

По завершении изготовления лекарства [на его упаковке] надписывается сопроводительное предписание (*ти фэн* 題封), где объясняется, медленное оно

⁴ Подробнее об этих учреждениях см. (Рыбаков 2009: 264, 269). Там же в данном «Новой историей Тан» варианте описан процесс надзора за приготовлением и поднесением лекарства.

⁵ Возможно, описывался состав лекарства. Де Ротур переводит термин *фан* как “composition”, но сам оговаривает, что термин неясен (Rotours 1947–1948: 228). Впрочем, в понятие способа использования лекарства описание состава и предписания по приему вполне укладываются.

или быстрое (*чиши* 遲駛), холодное или горячее (*лэнжэ* 冷熱) и [другие вещи] такого рода (Тан люй. Ст. 102; Уголовные установления Тан 2001: 32).

Несколько разъясняет эту фразу сделанное в Кодексе в статье о *ши* э иное пояснение, уточняющее понятие «ошибки в предписании».

[Например], пилюля была обозначена как порошок (*и вань вэй сань* 以丸為散), или то, чему полагается быть холодным, названо горячим (*ин лэн янь жэ* 應冷言熱), или [другие ошибки] такого рода (Тан люй. Ст. 6; Уголовные установления Тан 1999: 90).

Скорее всего, понимать это следует так, что в сопроводительном предписании помимо сведений о составе лекарства содержались указания относительно способов приема: в виде пилюли должно употребляться лекарство, или в виде порошка, горячим или холодным следовало его принимать, проглатывать жидкую микстуру быстро либо отдельными глотками с расстановкой, и так далее. Возможно, что предписание вдобавок еще и фиксировало, в каком виде лекарство существует непосредственно после изготовления, чтобы не возникло сомнений в момент приема. Например, в сопроводительном письме значилось, что снадобье представляет собой пилюлю, а на проверку оно оказалось порошком; тогда сразу становилось ясно, что возникла какая-то путаница и принимать лекарство нельзя.

В самом общем виде наказуемое деяние, кару за которое предусматривает статья, характеризуется так:

При составлении державного лекарства необходимо прежде всего избрать способ и [затем] составить [лекарство] согласно способу. Нельзя отклоняться и ошибаться (*будэ чау* 不得差誤). Если из-за отклонения или ошибки [лекарство было составлено] несоответственно правильному способу — имеются в виду [ситуации] такого рода, как [ошибка в] дозировках составляющих (*фэньлян до-шао* 分兩多少) (Тан люй. Ст. 102; Уголовные установления Тан 2001: 32).

Уважаемая Н.П. Свистунова раскритиковала мой перевод, и ее критика во многом справедлива (ЗВДМ 2012: 208–209).

Фрагмент китайской фразы, по поводу которого мы разошлись, выглядит так: *хэхэ юйяо сюй сянь чу фан и фан хэхэ...* 合和御藥須先處方依方合和... У меня она переведена, как видно из приведенной цитаты, следующим образом: «При составлении державного лекарства необходимо прежде всего избрать способ и [затем] составить [лекарство] согласно способу». У Н.П. Свистуновой: «Составлять/приготавливать императорское лекарство необходимо прежде всего в соответствии с рецептом/предписанием врача» (Там же). Кстати, у У. Джонсона: “In preparing medicine for the emperor, it is necessary first of all to follow the prescription...” («Приготавливая лекарство для императора, необходимо прежде всего следовать предписанию...») (The T’ang Code 1997: 71). Видно, что перевод Свистуновой близок переводу Джонсона, а на момент моей работы над данным разделом Кодекса последний был уже доступен, так что сходная с версией Свистуновой интерпретация китайской фразы была мне, в общем, знакома.

Расхождения вызваны, во-первых, моим упорным и, возможно, порой чрезмерным нежеланием пользоваться в переводе иностранными словами (даже такими, как «рецепт»), поскольку оно вдобавок вносит в перевод изрядный элемент модернизации;

современный человек при слове «рецепт» представляет себе просто бумажку с названием, а не инструкцию по смешиванию ингредиентов).

Во-вторых, могу сказать следующее.

Иероглиф *чу* 處 имеет значения «устраивать, приговаривать [к наказанию], справляться, распоряжаться, решать» (БКРС 1983–1984: IV, 28). Иероглиф *фан* 方 значит «способ, средство, метод, путь, правило, образец, пример, рецепт, врачевание, врачебное искусство» (Там же: III, 414). Вместе они в современном языке действительно означают «рецепт» (Там же: IV, 29). В выражении *суй сянь чу фан* и *фан хэхэ* видно, что в первом случае иероглиф *фан* употреблен в сочетании с иероглифом *чу*, и буквально сразу затем он же употреблен изолированно. И перевод У. Джонсона, и перевод Н.П. Свистуновой игнорируют этот повтор.

Напрашивается мысль: в первой части фразы говорится о том, что надо совершить некое действие *чу* в отношении некоего объекта *фан*, а уж потом осуществить действие *хэхэ* в соответствии с этим *фан*. Мне представляется, что рецепт, по которому следовало изготавливать лекарство, не мог же взяться ниоткуда. Врачи обязаны были в первую очередь определить болезнь, затем подобрать предусмотренную для данной болезни методику лечения, а уже как элемент такой методики — соответствующее лекарство, и при этом строго придерживаться исходных (*бэнь* 本) наставлений, содержащихся в медицинских трактатах. Их неуместная инициативность могла дорого стоить августейшим персонам. Даже современные биологи пробуют новые снадобья сначала на мышах, а уж потом на людях; если бы танский лекарь решил опробовать несанкционированное медицинской литературой снадобье сразу на императоре, это вряд ли показалось бы правоохранительным органам той эпохи чем-то нормальным. Было бы, по-моему, странным, если бы танские юристы оставили первичные действия врачей целиком на их совести, верили бы их исключительно личному опыту медиков, их личным пристрастиям и полету их фантазии, а врачебные ошибки не были наказуемы. В своей версии перевода я постарался учесть оба этапа назначения лечения: определение способа оказания медицинской помощи, основной составляющей которого являлось избрание предписанного медицинской литературой лечебного состава, и уж тогда — изготовление этого состава. *Чу фан* — это, на мой взгляд, определение (избрание) способа лечения, заключавшееся, в частности, в избрании лекарства определенного состава. Затем следовало осуществить *хэхэ*, т.е. изготовить лекарство, лечением предусмотренное.

Кроме того, назначать лекарство и изготавливать его могли, не исключено, разные должностные лица. Повторю: в штате Высшей службы врачевания наряду с медиками и в помощь им имелись и фармацевты. В «Тан лю дянь» относительно их функций и функций их помощников сказано: *гуа сяо дао шай* 刮削捣筛, т.е. «очищают, скоблят, измельчают и просеивают» (Тан лю дянь. Цз. 11, разд. Шанъяоцзюй). Стало быть, их функции заключались в предварительной подготовке ингредиентов для будущего лекарства. Но вот составители губных мазей, например, как явствует из самого названия этой должности, лишь выполняли инструкции врачей, смешивая надлежащий состав сами. Нельзя исключить ситуации, когда врач, сверяясь с классическими лечебниками, писал инструкцию лекарственнику, а тот, сверяясь уже с этой прописью, изготавливал требуемый медикамент.

Действовать по инструкции, каждый по своей и на своем уровне, обязаны были и тот, кто избирал лекарство определенного состава и способа изготовления, и тот, кто его составлял/изготавливал. Если это был один и тот же человек, он отвечал за

соответствие своих действий предписаниям на любом из этапов; теоретически он ведь мог ошибиться, не только уже взясь с ингредиентами, но еще и на стадии подбора этих ингредиентов по медицинской литературе. Если это были разные люди, любой из них, кто отступил от первоисточника, подлежал означенному в данной статье наказанию.

Возможно, слово «способ» и впрямь звучит здесь не слишком-то органично (куда современнее звучало бы «лечебная методика»), и Н.П. Свистунова совершенно справедливо обратила на это внимание, но мне не удалось найти более общего обозначения для единого процесса действий, включающего как этап избрания метода лечения и назначения лекарства, так и этап изготовления предписанного лекарства.

В целом же:

Всякий раз, когда составление державного лекарства ошибочно совершено несоответственно правильному способу (*бэньфан* 本方) или допущена ошибка в сопроводительном предписании, врач (*и* 醫) наказывается удушением (Тан люй. Ст. 102; Уголовные установления Тан 2001: 32)⁶.

Изготовлению лекарства, которое в Кодексе упорно называют *хэхэ* 合和, т.е. «гармоничное смешивание», «составление в надлежащих пропорциях», неизбежно предшествовал процесс приготовления ингредиентов, которые затем уже непосредственно медицинскими работниками использовались для изготовления того самого целебного состава, что надлежало употреблять внутрь. А этому процессу, в свою очередь, предшествовал элементарный отбор исходных материалов. Понятно, что халатность при осуществлении предварительных операций также была недопустима и не могла остаться вне поля зрения уголовного права. Однако результат этих операций не имел шансов достигнуть особы императора напрямую, и потому требования к квалификации и аккуратности тех, кто был задействован, не были столь беспощадны, как требования к медикам.

Кодекс разъясняет:

Приготовление — имеется в виду, что полагается вываривать, соскабливать, промывать или вымачивать. Отбор — имеется в виду, что удаляют негодное и оставляют хорошее. Все [действия] такого рода необходимо делать тщательно и аккуратно (Тан люй. Ст. 102; Уголовные установления Тан 2001: 33).

Допущенную в ходе приготовления или отбора небрежность, заключающуюся в некоем *бу цзин* 不精 — т.е. в том, что среди продуктов, готовых для процедуры изготовления собственно лекарства, оказалось нечто либо нечистое, некачественное, либо несовершенное, не максимально экстрагированное, надлежало наказывать 1 годом каторги.

Как Великая непочтительность такая небрежность не рассматривалась.

Если нарушение в изготовлении лекарства (а возможно, и в определении, какое именно, из чего именно состоящее лекарство следует назначить при данном недомогании) выявилось еще до того, как лекарство было подано державной особе, наказание уменьшалось на 1 степень. Значит, за ошибку при изготовлении лекарства или в сопроводительном предписании вместо удушения полагалась ссылка на 3000 *ли*.

⁶ В тексте статьи термин «врач» пояснен так: «...Тот, кто составлял данное лекарство (*дан хэхэ яо* 當合和藥)».

За небрежность при изготовлении или отборе ингредиентов — не 1 год каторги, но 100 ударов тяжелыми палками.

Это очень любопытно. Ведь конечный результат и того и другого выявления не-правильности был один и тот же — опасное снадобье в организм державной особы не попало. Однако общий принцип районирования пространства в зависимости от близости к царственным особам соблюдался неукоснительно; степень правозащищенности вмещающей императора области Вселенной всегда, по любым параметрам должна была оставаться более высокой, нежели степень правозащищенности области, в данный момент этого счастья лишенной. Да и чисто прагматически потенциальная опасность невыявления на предварительной стадии, когда лекарство еще не оказалось в непосредственной близости от августейшей особы, и невыявления на стадии конечной, когда до особы этой было рукой подать, мыслились различными. Ведь до попадания к императору на пути снадобья еще были многие фильтры, многие уровни контроля, а вот после — уже немногие.

Наказанию подлежали не только непосредственные исполнители тех или иных операций, но и контролирующее эти операции начальство — *цзаньдан гуаньсы* 監當官司, т.е. надзирающие ответственные чиновники. Например, вся цепочка начальников, перечисленных выше при описании процесса приготовления и снятия пробы с лекарства, подаваемого в державное употребление, состояла из них; чтобы ни у кого не оставалось сомнений, Кодекс заботливо подчеркивает:

За исключением лекаря (*и* 醫), все [они] являются надзирающими ответственными чиновниками (Тан луй. Ст. 102; Уголовные установления Тан 2001: 34).

Смотря по ситуации, всем им также полагалось наказание при любой из перечисленных ошибок и небрежностей, но — уменьшенное еще на 1 степень. Стало быть, если лекарь совершил ошибку при изготовлении лекарства или при написании сопроводительного предписания и лекарство уже было подано императору (ничего не говорится относительно того, принял император его или еще не принял; важно, что ущербное снадобье замаячило в непосредственной близости от его персоны), означенные начальники поголовно подлежали наказанию ссылкой на 3000 *ли*, а если ошибка выявилась до подачи лекарства императору — 3 годами каторги (поскольку облегчение наказания до ссылки на 3000 *ли* полагалось медику)⁷. Чиновники, ответственные за контроль над процессами отбора и приготовления ингредиентов, если эти ингредиенты уже были использованы для изготовления лекарства и оно достигло императорской особы, получали 100 ударов тяжелыми палками, а если небрежность была выявлена раньше, то 100 ударов полагались тому, кто совершил данную небрежность, а надзирающим чиновникам — всего лишь 90 ударов.

При определении наказаний за преступления, связанные с изготовлением пищи и судов для императора, а также с вещами, относящимися к императорскому платью

⁷ Уменьшение смертной казни на 1 степень давало ссылку на 3000 *ли*. Уменьшение ссылки на 3000 *ли* на одну степень давало 3 года каторги. «Предположим, есть [некто], совершивший преступление, за которое должен быть наказан обезглавливанием. Сообщникам наказание уменьшается на 1 степень. Тогда оно доводится до ссылки на 3000 *ли*. Или же есть [некто], совершивший преступление, наказуемое ссылкой на 3000 *ли*, причем должно [действовать] по норме уменьшения наказания на 1 степень. Тогда приговор — 3 года каторги. Поэтому сказано: наказание смертью, [подразделенное] на 2 [разновидности], и наказание ссылкой, [подразделенное] на 3 [разновидности], при уменьшении сводятся в 1 степень каждое» (Тан луй. Ст. 56; Уголовные установления Тан 1999: 284–285).

и выезде, следовало придерживаться тех же правил. На 1 степень любое наказание уменьшалось, если вещь еще не была подана в державное употребление, и на 1 степень относительно исходного, полагающегося самому преступнику наказания уменьшалось наказание контролерам.

Питание

Болезнь императора и возникновение необходимости давать ему лекарство — это была все же ситуация экстраординарная. Ординарным же являлось то, что императора каждый день требовалось кормить и поить, а это тоже, понятное дело, таило в себе определенный риск даже при полной преданности обслуживающего персонала и полном отсутствии каких-либо злых помыслов.

Ответственным делом питания державных особ ведала Высшая служба кормления (*шаншицзюй* 尚食局) (подробнее см.: Рыбаков 2009: 266). В ее компетенции находилась, в частности, и императорская кухня — режимный объект повышенной значимости. В разделе Кодекса, посвященном дворцовой охране, говорится:

Державная кухня (*юйшань со* 御膳所) — имеется в виду место, где готовится пища, подносимая в державное [употребление]. Ее ворота также запретны. Если тот, кому не полагалось [в них] входить, вошел, он наказывается ссылкой на 3000 *ли* (Тан люй. Ст. 59; Уголовные установления Тан 1999: 298).

Непосредственно приготовлением пищи занимались *чжуши* 主食 и *чжушани* 主膳. *Чжуши* начальствовали над *чжушаньями* — это видно хотя бы из соотношения их численности (16 против 700 согласно «Тан лю дянь», 16 против 840 согласно «Синь Тан шу»). Кроме того, в «Тан лю дянь» прямо говорится:

Чжуши руководят *чжушаньями*, с тем чтобы те исполняли свои служебные обязанности (Тан лю дянь. Цз. 11, разд. Шаншицзюй).

Ши 食 значит «пища» и «питать, кормить» (БКРС 1983–1984: III, 914), *шань* 膳 значит «пища» и «стол, прием пищи» (Там же: II, 465). Поэтому *чжуши* у меня стали кормителями, *чжушани* — кушанниками⁸. Вторые занимались, по всей видимости, исключительно приготовлением пищи и работали, как указывается там же, в «Тан лю дянь», посменно, по 30 человек в смену. Первые, будучи, вероятно, кем-то вроде шеф-поваров, отвечали за конечный продукт и волей-неволей оказывались посредниками между кухней и императорским столом, т.е. кормили августейших особ.

Относительно приготовления пищи существовало не меньше правил и канонических требований, чем и в отношении лекарств. Часть из них мельком упомянута в Кодексе, чтобы вершителям правосудия было хоть сколько-то понятно, о чем идет речь:

Державная пища всегда готовится согласно кулинарным канонам. В канонах есть запреты... К сушеному мясу нельзя подавать просо и рис, а зелень нельзя мешать с мясом черепахи (Тан люй. Ст. 103; Уголовные установления Тан 2001: 35)⁹.

⁸ Эти термины я предложил в первом томе «Танской бюрократии» (Рыбаков 2009: 267). В переводе «Тан люй шу и», осуществлявшемся на много лет раньше, были предложены иные наименования, которые с течением времени стали казаться мне излишне претенциозными и притом менее точными.

⁹ Н.П. Свистунова с присущей ей дотошностью уточняет, что за конкретное просо и конкретная зелень могли тут на самом деле иметься в виду (ЗВДМ 2012: 209).

В «Тан лю дянь» сообщается:

Руководя приготовлением обычной пищи для Сына Неба, надлежит следовать запретам четырех сезонов и соблюдать соответствия пяти вкусов... Пять вкусов — это кислый, соленый, сладкий, горький и острый. Когда надо подавать еду, непременно сначала пробуют (Тан лю дянь. Цз. 11, разд. Шаншицзюй).

Любые нарушения всех этих многочисленных и сложных установок, безусловно, требовали адекватных мер со стороны уголовного закона. Естественно, чем более запрет был обусловлен объективно, сформирован под влиянием реального негативного опыта, тем большую опасность его несоблюдение представляло для здоровья. Чем больший вред нарушение запрета могло нанести — тем более суровое наказание следовало за такое нарушение предусмотреть.

Кулинарные запреты, стоящие в перечне преступлений этой группы на первом месте, возникли, конечно, не случайно и не были просто выдуманы. Сочетание несочетаемых ингредиентов или подача к столу чего-то не по сезону (некоторые виды животной и растительной пищи в определенное время года и впрямь не годятся в пищу) могли привести к вредоносному воздействию на здоровье владыки и императриц.

Всякий раз, когда при изготовлении державной пищи ошибочно был нарушен кулинарный запрет, кормитель (*чжуси* 主食) наказывается удушением. Если в пищу или питье [попали] сор или грязь — 2 годами каторги. Если была допущена небрежность в отборе, либо если [что-то] было подано в державное [употребление] несообразно времени, наказание уменьшается на 2 степени. Если не снята была проба — 100 ударов тяжелыми палками (Тан люй. Ст. 103; Уголовные установления Тан 2001: 34).

Значит, кушанники в круг подлежащих наказанию не включались. Ответственным был именно кормитель, под руководством которого оказалась состряпана некачественная еда.

Понятия небрежности в отборе и подаче еды несообразно времени Кодекс разъясняет:

...Если была допущена небрежность в отборе — имеется в виду, что рис, или овощи, [или другие предметы] такого рода были отобраны не наилучшие... Либо если [что-то] было подано в державное [употребление] несообразно времени — ...рисовые кушанья сообразно весне должны быть теплыми, а супы сообразно лету должны быть горячими... Или на протяжении дня, утром ли, вечером ли [пища] была поднесена с нарушением распорядка (*ши ду* 失度), или же она была несообразно времени холодной или горячей (Тан люй. Ст. 103; Уголовные установления Тан 2001: 35).

Относительно же снятия проб говорится:

Имеется в виду, что вкус кислоты, солености, горькости или терпкости не нормален (*вэй бу тинь* 味不品), а полагалось попробовать, но не попробовали (Там же).

Следовательно, здесь речь идет не о подозрении на халатность, чреватую возможностью отравления, но лишь о вкусовых качествах, и не более. Поэтому и наказание было столь легким.

С учетом того, что схема расчета наказаний для надзирающих чиновников, сформулированная применительно к изготовлению лекарств, распространялась на все преступления аналогичных групп — наказанию подлежали еще и те, кто был выше кормителей и по долгу службы присматривал за ними. Кара полагалась на 1 степень меньшая, чем за само совершение ошибки или небрежности. Если добросовестно применить данное предписание, получится, что надзирающим чиновникам полагалась ссылка на 3000 *ли* за необнаружение нарушения кулинарного запрета, 1,5 года каторги за необнаружение грязи, 100 ударов тяжелыми палками за необнаружение небрежности в отборе или подаче блюд несоответственно времени и 90 ударов тяжелыми палками, если не была снята проба.

Ну, и следует вспомнить, что, если нарушение выявилось до того, как пища была подана в державное употребление, наказания за любое из обозначенных деяний уменьшались на 1 степень, а раз так, то в свою очередь уменьшались на 1 степень и наказания, полагающиеся надзирателям. Скажем, за нарушение кулинарного запрета, если пища еще не была подана императору, кормителю полагалось не удушение, а ссылка на 3000 *ли*. Значит, надзирающему чиновнику — не ссылка на 3000 *ли*, а 3 года каторги и т.д.

Нарушение кулинарных запретов также включалось в группу преступлений, относящихся к Великой непочтительности.

Для служащих, кому по роду их службы были доступны связанные с приготовлением державной пищи режимные объекты, был сформулирован еще один специфический закон. Его текст специально называет среди таких служащих кормителей (*чжуши* 主食), а помимо них — всех надзирающих чиновников, в чьем ведении находилась цепочка передачи императорских яств от места их приготовления до места их потребления. Именно из статьи, в которой вводится данный закон, мы узнаём интересную деталь относительно служебных обязанностей кормителей. В статье процитирован короткий фрагмент из общеобязательного установления (*лин* 令), которое, как это нередко бывает, нигде, кроме как в тексте Кодекса, не сохранилось. Именно из данной статьи «Тан люй шу и» оно было взято Ниидой Нобору в его сборник сохранившихся общеобязательных установлений (Ниида Нобору 1964: 138). В Кодексе говорится:

При изготовленных на державной кухне кушаньях от [момента] приготовления и до [момента] подачи везде находятся надзирающие ответственные чиновники (*цзяньдан гуаньсы* 監當官司). Согласно общеобязательным установлениям, кормитель (*чжуши* 主食) поднимается по ступеням и подает пищу (*шэн цзе цзинь ши* 升階進食) (Тан люй. Ст. 107; Уголовные установления Тан 2001: 39–40).

То есть кормители не только руководили действиями непосредственных поваров, но и служили передаточным звеном между кухней и местом, где осуществлялся процесс державного питания. И, разумеется, весь путь державной пищи от кухонного стола до стола трапезного находился под бдительным оком соответствующих надзирателей.

Кодекс гласит:

Всякий надзирающий ответственный чиновник или кормитель, по ошибке принесший к месту расположения державных кушаний (*юйшань со* 御膳所) сложносоставное снадобье (*цзяо* 雜藥), наказывается удушением... Достаточ-

но того только, чтобы по ошибке принес к месту расположения державных кушаний составное (*хэхэ* 合和) снадобье, — и наказывается удушением (Там же).

В первую очередь имелась в виду, конечно, кухня. Термин *юйшань со* и употреблялся как эвфемизм для обозначения кухни. Но, думается, тот же режим действовал и во время перемещения блюд из кухни к месту трапезы. Ведь, строго говоря, термин *юйшань со*, означающий «место, где пребывает державная пища», во время приготовления пищи однозначно подразумевает кухню, но в момент подачи приготовленных блюд может относиться к любой дворцовой зале, галерее или лестнице. На всем пути от кухни к месту, где пребывают державные особы, действовал запрет: там, где в данный момент находится или перемещается державная пища, не должно быть никаких неучтенных медицинских препаратов.

Понятие «сложносоставного снадобья» довольно расплывчато. В Кодексе поясняется:

Сложносоставное снадобье — имеются в виду составленные [из различных веществ] снадобья, способные [оказать воздействие, если их] проглотить (*хэхэ вэй яо кань фуэр чжэ* 合和為藥勘服餌者). Если же оно имеет ядовитые свойства, то, хотя бы и не было сложносоставным, также рассматривается как сложносоставное снадобье (Тан люй. Ст. 107; Уголовные установления Тан 2001: 40).

Сама по себе фраза *хэхэ вэй яо кань фуэр чжэ* тоже не слишком понятна; в буквальной передаче она означает всего лишь нечто вроде «смешивания, давшего снадобье, пригодное для проглатывания». В то же время *фуэр* может обозначать не просто акт проглатывания, но ни много ни мало — эликсир бессмертия (БКРС 1983–1984: III, 979). Китайский же толковый словарь интерпретирует этот термин как «принимать с пищей чудодейственное лекарство, употреблять лечебную пищу» (*фуши дань-яо фуюн яозр* 服食丹藥服用藥餌) (Чжунвэнь да цыдянь 1976: IV, 1529). Согласно тому же словарю, *дань-яо* может значить и эликсир бессмертия, и просто некое чудодейственное средство, а *яозр* — добавок еще и пищу с целебными свойствами, лекарственные добавки к пище. Попытавшись абстрагироваться от всех этих медицинских сложностей, в результате мы получим приблизительно то же самое, что несколько ранее определялось как лекарство, которое со всеми предосторожностями надо было давать императору в случае его недуга, — то, что надо вываривать, выпаривать, скоблить и гармонично смешивать в надлежащих пропорциях.

Если же вредное действие принесенного вещества не вызывало сомнений, то и самый простой препарат мог быть квалифицирован как запретное сложное снадобье.

Ошибочность действий в данном случае Кодекс вновь подчеркивает неоднократно. Наличие злого умысла сразу переводило данное преступление в разряд антигосударственных.

В «Тан хуй яо» обнаруживается любопытный нюанс, придающий сухой норме права живой объем. Упоминается некий начальник Надзора Дворцового обеспечения — т.е. чиновник, достаточно высокопоставленный и влиятельный, принадлежащий, по сути дела, к высшей имперской бюрократии; должности управителя Надзора (*даньчжунцзянь* 殿中監) соответствовал 3-й ранг. И вот он явился на кухню службы кормления (*шаншичу* 尚食廚), имея при себе некое *сыяо* 私藥. К сожалению, и этот термин можно понять двояко: то ли это незаконно пронесенное с собой снадобье, то ли это просто было его личное лекарство, которое, скажем, чиновнику его врач про-

писал время от времени принимать в течение рабочего дня. Во всяком случае, халатного руководителя, видимо, поймали с поличным, и ответственные власти приговорили его к смерти — что и должны были сделать, следуя букве закона. Однако император помиловал растяпу, и единственным оправданием такого милосердия явилось признание того факта, что снадобье было принесено по ошибке, непреднамеренно (Тан хуй яо 1936–1939: 717).

Основные ограничения такого рода — разумеется, в ослабленном варианте, — действовали и в отношении приготовления пищи для чиновников. Слугам народа нередко требовалось питаться в официальной обстановке во время долгих церемоний жертвоприношений, дворцовых приемов, эскортирования императора и прочих сугубо важных для высшего имперского чиновничества государственных дел. За питание чиновников отвечал Отдел великих официальных церемоний (*тайгуаньшу* 太官署) — главное подразделение Пиршественного приказа (*гуанлуся* 光祿寺)¹⁰. Чтобы разом терминологически отделить питание чиновников от питания державных особ, второе называли внутренним питанием, внутренними кушаньями (*нэйшань* 內膳), тогда как чиновничий сектор — кушаньями внешними, питанием внешним (*вайшань* 外膳).

Разница между режимом внутренних и внешних кушаний была колоссальной. Даже если не принимать пока во внимание строгость наказаний как таковую, для внешних кушаний как само собой разумеющийся вариант совершения преступных действий предусматривались действия предумышленные. Это становится ясным из того, что завершающая часть соответствующей статьи Кодекса отмечает необходимость уменьшения наказаний за все упомянутые преступления в тех случаях, если они были совершены по ошибке. Применительно ко внутренним кушаньям вариант умышленного нарушения даже не упоминался — ясно, что он явился бы государственной изменой.

И даже умышленно совершенные неверные манипуляции с пищей для слуг народа подлежали на редкость мягким наказаниям.

Всякий раз, когда при изготовлении внешних кушаний был нарушен кулинарный запрет, податель кушаний (*гунишань* 供膳) наказывается 70 ударами тяжелыми палками. Если в пищу или питье [попали] сор или грязь, либо если отбор был не тщательным, наказание — 50 ударами легкими палками. Если [это произошло] по ошибке, соответственно каждому данному случаю наказание уменьшается на 2 степени (Тан люй. Ст. 108; Уголовные установления Тан 2001: 40).

Следовательно, странноватый поступок повара, заключавшийся, например, в преднамеренном засорении еды, предназначенной для участвующих в торжественном дворцовом мероприятии сановников, карался 50 ударами легкими палками. А если сор попал туда по недосмотру, виновному полагалось и вовсе лишь 30 ударов легкими палками. Правда, поскольку должность подателя кушаний не была ранговой, палки нерадивому, а то и злокозненному повару, скорее всего, предстояло ощутить реально.

В статье не упоминаются надзирающие чиновники, но дело, конечно, не обходилось без них. Просто согласно той статье Кодекса, где впервые, применительно к лечению державных особ, растолковывались все уровни служебного соучастия, уже было сказано, что все надзиратели, замешанные в сходных преступлениях, получают наказания, уменьшенные на 1 степень относительно наказания, полагающегося са-

¹⁰ Подробнее об этом учреждении и его штате см. (Рыбаков 2009: 306–309).

мому преступнику. Следовательно, в случае преднамеренного нарушения подателем кушаний кулинарных запретов надзирателям, не обнаружившим нарушения, полагалось 60 ударов тяжелыми палками, а за необнаружение подбрасывания в пищу чиновников сора — 40 ударов легкими палками.

Если данные преступления были совершены кем-либо из *гунишаней* по ошибке, наказания соответственно уменьшались в целом на 2 степени — до 50 и 30 ударов.

Надзирающие чиновники, не обнаружившие поварских небрежностей, получали тогда наказания, тоже уменьшенные на 1 степень по сравнению с самими *гунишанями*, т.е. соответственно 40 либо 20 ударов легкими палками.

Литература

- БКРС 1983–1984 — Большой китайско-русский словарь / Под ред. проф. И.М. Ошанина. Т. 1–4. М.: Наука, 1983–1984.
- ЗВДМ 2012 — Законы Великой династии Мин / Пер. с кит., введ., примеч. и приложения Н.П. Свистуновой. Ч. III. М.: Восточная литература, 2012.
- Рыбаков 2009 — *Рыбаков В.М.* Танская бюрократия. Генезис и структура. Ч. 1. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009.
- Уголовные установления Тан 1999 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Пер., введ. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 1–8. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999.
- Уголовные установления Тан 2001 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Пер. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 9–16. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001.
- Уголовные установления Тан 2005 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Пер. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 17–25. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005.
- Нида Нобору 1964 — *Нида Нобору* 仁井田陞. То рё сю и 唐令拾遺 (Собрание сохранившихся общеобязательных установлений Тан). Токио, 1964.
- Синь Тан шу 1975 — Синь Тан шу 新唐書 (Новая история Тан). Т. 1–20. Пекин, 1975.
- Тан лю дьянь — Тан лю дьянь 唐六典 (Шесть уложений Тан). [Электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E5%94%90%E5%85%AD%E5%85%B8>.
- Тан люй — Тан люй шу и 唐律疏議 (Уголовные установления Тан с разъяснениями). Шанхай, 1936–1939 (Цуншу цзичэн 叢書集成 (Библиотека-серия). Т. 775–780).
- Тан хуй яо 1936–1939 — Тан хуй яо 唐會要 (Важнейшие материалы Тан). Шанхай, 1936–1939 (Цуншу цзичэн 叢書集成 (Библиотека-серия). Т. 813–828).
- Чжунвэнь да цыдянь 1976 — Чжунвэнь да цыдянь 中文大词典 (Большой словарь китайского языка). Т. 1–10. Тайбэй, 1976.
- Rotours 1947–1948 — *Rotours R., des.* Traité des Fonctionnaires et traité de l'Armee. Leyde, 1947–1948. Vol. 1–2.
- The T'ang Code 1997 — The T'ang Code / Transl. with an introd. by Wallace Johnson. Vol. II: Specific Articles. Princeton, 1997.

References

- Bol'shoi kitaisko-russkii slovar'* [Comprehensive Chinese-Russian Dictionary]. Pod red. prof. I.M. Oshanina, vol. 1–4. Moscow: Nauka, 1983–1984 (in Russian and Chinese).
- Zakony Velikoi dinastii Min* [The Laws of the Great Ming Dynasty]. Perevod s kitajskogo, vvedenie, primechaniia i prilozheniia N.P. Svistunovoi. Chast' III. Moscow: Vostochnaia literatura, 2012 (in Russian).
- Rotours R., des. *Traité des Fonctionnaires et traité de l'Armée*. Leyde, 1947–1948. Vol. 1–2 (in French).

- Rybakov V.M. *Tanskaia biurokratiia. Genезis i struktura* [The T'ang Bureaucracy. Genesis and Structure]. Part 1. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2009 (in Russian).
- Ugolovnye ustanovleniia Tan s raz'iasneniiami (Tan liui shu i)* [The T'ang Criminal Norms with Explanations]. Per., vved. i komment. V.M. Rybakova. Tszuani 1–8. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999 (in Russian).
- Ugolovnye ustanovleniia Tan s raz'iasneniiami (Tan liui shu i)* [The T'ang Criminal Norms with Explanations]. Per., vved. i komment. V.M. Rybakova. Tszuani 9–16. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001 (in Russian).
- Ugolovnye ustanovleniia Tan s raz'iasneniiami (Tan liui shu i)* [The T'ang Criminal Norms with Explanations]. Per., vved. i komment. V.M. Rybakova. Tszuani 17–25. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2005 (in Russian).
- Chongwen da cidian* 中文大词典 [Chinese Dictionary], vol. 1–10. Taipei, 1976 (in Chinese).
- Niida Noboru 仁井田陞. *To re siu i* 唐令拾遺 [A Collection of the T'ang Dynasty Regulations]. Tokio, 1964 (in Japanese and Chinese).
- Sin' Tan shu* 新唐書 [New History of the T'ang Dynasty], t. 1–20. Pekin, 1975 (in Chinese).
- Tang hui yao* 唐會要 [The T'ang Dynasty Regulations]. *C'ongshu jicheng* 叢書集成, t. 813–828. Shanghai, 1936–1939 (in Chinese).
- Tan liu dian'* 唐六典 [Six Codes of the T'ang Dynasty]. URL: http://gsgy.fudan.edu.cn/daodu/tangliudian_content.htm (in Chinese).
- Tan liui shu i* 唐律疏議 [T'ang Dynasty Criminal Code with Explanations]. *C'ongshu jicheng* 叢書集成, t. 775–780. Shanghai, 1936–1939 (in Chinese).
- The T'ang Code*. Transl. with an introd. by Wallace Johnson, vol. II: Specific Articles. Princeton, 1997 (in English).

The Legal Regulation of Serving the Royal Family in the T'ang China. Part 1: Medical Treatment, Food

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2017, volume 14, no. 3 (issue 30), pp. 54–68)
Received 26.04.2017.

Viacheslav M. Rybakov

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The security and comfort of the first persons of the state are one of the main elements of the legal system in all countries and in all times. It is clear that for the proper realization of their duties these persons should be relieved of fears for their life and health, and of household chores. However, the notions of safety and comfort are to a high degree defined by the technological level of the era and cultural traditions of the country. A very interesting example of the general trend in specific conditions is the statutory framework for the care of the Emperor and his family, developed in traditional China. This essay analyzes the list of foreseeable unintentional missteps, which could cause this harm, along with a list of punitive measures designed to reduce the possibility of such missteps, and also which household encroachment on the property of the royal family the Tang China legislators considered possible and how they suggested to deal with them.

Key words: traditional China, the state and law, bureaucracy, administrative law, the safety of the first persons of the state, the T'ang dynasty.

About the author:

Viacheslav M. Rybakov, Dr. Sci. (History), Leading Researcher of the Department of Far Eastern Studies, IOM RAS (ouyangtsev@mail.ru).

Гимны Шанкары: проблема авторства, философские аспекты и религиозные практики

С.Л. Бурмистров

Институт восточных рукописей РАН

Религиозные гимны (*stotra*), приписываемые Шанкаре, адресованы не только Шиве, воплощением коего считается основатель адвайта-веданты, но и Вишну, Ганеше, Хануману и др., из чего видно, что ни одно из этих божеств последователями адвайты не выделялось как «основное» для этой религиозно-философской школы. В гимне кратко и емко фиксировались эпитеты божества и соответствующие мифологические сюжеты, что позволяло адепту охватить все связанные с данным божеством мифологемы в едином акте сознания. Это сближает гимн с индийской традиционной драмой, в которой сцена понималась как модель Вселенной. Целью гимна было изменение сознания адепта, который должен был воспринять божество во всей полноте его качеств, отождествляя себя с ним.

Ключевые слова: индуистские гимны, индийская драма, адвайта-веданта, Шанкара.

Статья поступила 30.01.2017

Бурмистров Сергей Леонидович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (s.burmistrov@hotmail.com).

© Бурмистров С.Л., 2017

Ведантистская гимнография до сих пор изучена слабо, и не только в отечественной, но даже и в зарубежной науке практически нет работ, посвященных этой проблематике. Тем не менее тема эта заслуживает внимания, ибо позволяет раскрыть ряд особенностей веданты, характеризующих ее как не просто философскую, но прежде всего религиозно-философскую систему.

В Индийском фонде Института восточных рукописей РАН имеется несколько десятков документов, содержащих индуистские религиозные гимны, обращенные к самым разным божествам — Вишну, Шиве (эти гимны особенно многочисленны), Ганеше, Даттатрее и др., и автором ряда этих гимнов в колофонах рукописей назван Шанкара (788–820). Разумеется, не все они составлены им самим, однако показательно, что ему приписывается авторство гимнов не только Шиве, воплощением которого считался Шанкара, или другим божествам, связанным с культом Шивы, но и таким богам, как Вишну, Ганеша, Хануман, из чего видно, что в действительности объектами поклонения для адептов адвайта-веданты были все основные индуистские божества и ни одно из них не выделялось как наиболее достойное поклонения — или, точнее, значение данного божества для адвайты не отличалось существенно от «ве-

са» его в индуистском культе в целом. Можно сказать, что адвайта как философская система, оказывая влияние на мировоззрение своих адептов (которое не следует преувеличивать, учитывая, что в индуизме, по замечанию М. Кормака, была важна не ортодоксия — правильное верование, — а ортопраксия — правильное, соответствующее предписаниям индуистской дхармы поведение; см.: Пименов 1998: 64), не влияла радикально на их религиозное поведение и восприятие фигур индуистского пантеона.

При анализе ведантистской гимнографии разумнее всего начать с гимнов, адресованных Шиве, хотя не все они достоверно принадлежат именно основателю адвайты. Это последнее обстоятельство не должно нас смущать: сам тот факт, что они приписаны Шанкаре, свидетельствует о том, что созданы они были в рамках адвайты кем-то из сторонников этой системы и отражают характерные именно для адвайты особенности религиозного сознания — в той, разумеется, степени, в которой адвайтистская религиозность отличается от религиозности иных направлений веданты или других философских школ Индии. Один из таких гимнов, рукопись которого хранится в Индийском фонде ИВР РАН, — гимн «Шива-намавали» (*Śivanāmāvalīstotra*), небольшой текст, состоящий всего из девяти стихов. Под названием «Шива-намавали-аштака» (*Śivanāmāvalyaṣṭaka*) он опубликован в полном собрании сочинений Шанкары (Śankara 1910a: 116–118). Уже по качеству бумаги и почерку видно, что рукопись эта была выполнена профессиональным переписчиком: почерк крупный (около 5 мм высотой), очень разборчивый, текст написан черными чернилами, а некоторые знаки (*dviḍaṇḍa* и часть акшар колофона) — киноварью.

Шанкара восхваляет Шиву, называя его «держателем копья» (*śūlarāṇi*) и «владыкой гор» (*girīśa*). Последний эпитет связан, видимо, с тем, что в индуистской мифологии обителью Шивы считается гора Кайлас в Гималаях (ныне — на территории Тибетского автономного района КНР), а в «Вишну-пуране» она отождествлена со священной горой Меру — *axis mundi* индуизма. Первый же эпитет следует понимать как усеченный *triśūlarāṇi* — «[державший] в руке трезубец», ибо общеизвестно, что одним из атрибутов Шивы был трезубец (*triśūla*), зубцы которого, по распространенному в индуистской традиции толкованию, символизируют три времени (прошлое, настоящее, будущее), три стадии эволюции мира (возникновение, поддержание и разрушение, причем последнее осуществляет сам Шива) и в принципе могут быть символом троичности как таковой. Начинает же Шанкара свой гимн с эпитета *sandraśūḍa* — «с луной на голове», имея в виду, что еще один обязательный атрибут внешнего облика Шивы — луна (обычно полумесяц) в волосах. Среди эпитетов также *madanāntaka* — «убивающий Мадану», т.е. бога любви Каму (*madana* — «страсть, любовь», одно из имен Камы). Эпитет отсылает к мифу из «Шива-пураны», в котором Шива убивает Каму за то, что тот осмелился пустить в него свою стрелу (The Śiva-Purāṇa 1977: II, 544–548). Далее Шива величается «повелителем [всех живых] существ», «устраняющим страх» и т.п. Интересен эпитет *śambhu* — «тот, кто существует для счастья и благополучия, дарующий счастье, благоволящий, способствующий (чему-то благу)». Он используется как эпитет не только Шивы, но и Брахмы, Вишну, Индры и одного из одиннадцати рудр (Monier-Williams 1899: 1055). Еще один эпитет — *vṛṣabhadhvaja*, «обладатель знамени могущества». Слово *vṛṣabha*, согласно словарю Моньер-Уильямса, означает “manly, mighty, vigorous, strong; a bull; the chief, most excellent or eminent, lord or best among” (Ibid.: 1012), так что названный эпитет можно перевести не только как «обладатель знамени могущества», но и как

«обладатель самого прославленного знамени» или «знамени с изображением быка», причем бык здесь — это вахана Шивы, белый бык Нанди (Nandī), символика которого тоже достаточно богата: он может символизировать мужество и могущество божества, чистоту индуистской дхармы (белый цвет) и т.п. Иначе говоря, здесь перед нами многоуровневая символика: образ Шивы отсылает к образу его ваханы Нанди, а тот, в свою очередь, символизирует определенные религиозно ценные свойства адепта.

В то же время называются и другие свойства Шивы. Во втором стихе он именуется *pramathēśasarva* — «повелитель всех *pramatha*», где *pramatha* (букв. «мучитель») — это класс демонических существ, входящих в свиту Шивы (Monier-Williams 1899: 685). В стихе 8 автор называет божество *viśveśaviśvabhavanāśitaviśvaṅpaviśvātmakatribhuvanaikagurobhavēśa* (в рукописи это строка 1 *verso*) — «повелитель всех, уничтожитель всего сущего, [обладающий] всеми формами, истинное Я всех [живых существ], наставник трех миров, господь бытия» (Śankara 1910a: 118). Шива изображается здесь как божество амбивалентное — он не только милостив, изгоняет страх и дарует спасение и сакральное знание живым существам, но и повелевает демоническими существами, вредящими человеку, и в конце концов разрушает Вселенную. Двойственность его проявляется и в другой, связанной с ним мифологической фигуре, — его сыне Ганеше. Относительно него высказывалась гипотеза о его аборигенном, неарийском происхождении (хотя до сих пор не найдено убедительных свидетельств существования у доарийского населения Индостана культа каких-либо божеств со слоновьей головой, и большинство специалистов склоняются к мнению, что фигура Ганеши была плодом собственного развития индуистской мифологии (Courtright 2001: 11), что роднит его с его отцом — Шивой: при раскопках в Мохенджо-Даро была обнаружена печать с изображением некоего рогатого божества, сидящего в позе лотоса (или, по крайней мере, очень похожей) и своим обликом напоминающего Шиву. Но оно не является вполне убедительным доказательством чисто доарийского происхождения Шивы, и культ этого божества следует все-таки считать результатом постепенного сращивания индоарийской религии и автохтонных культов (Пахомов 2009: 865–866). Сам Ганеша — божество пограничное, о чем свидетельствует даже его внешний облик — человек со слоновьей головой, и не случайно он в индуистской мифологии является богом препятствий, а значит, и тем, кто способен эти препятствия устранить. Пограничный характер проявляется, судя по тексту гимна, и у Шивы — бога, которого можно назвать «повелителем бедствий», а следовательно, и тем, кто может избавить от них человека. Кроме того, во фразе из стиха 8 обращают на себя внимание и эпитеты *viśvātma* и *viśvaṅra*, из которых первый описывает Шиву как подлинное Я всего сущего, что прямо отсылает нас к фундаментальным догмам адвайта-веданты, второй же заставляет вспомнить главу XI «Бхагавадгиты», где Кришна являет Арджуне свою «вселенскую форму» (*viśvaṅra*). «Как бы собранный вдруг воедино / целый мир, всех существ бесконечность / пред собою тогда увидел / в теле бога богов сын Панду» (Бхагавадгита 1999: 62), — так описывается в «Бхагавадгите» истинный облик божества. Заметим этот важный момент: в «Бхагавадгите» бог являет адепту в своем истинном облике весь мир целиком, и его можно обозреть, как Алеф у Борхеса, единым взглядом.

Шанкаре приписывается и еще один гимн — «Шива-панчавадана-стотра» (*Śivapañcavadanastotra*), две рукописи которого хранятся в Индийском фонде ИВР РАН. Здесь автор тоже называет Шиву «милостивым» (*śambhormukha* — букв.

«с ликом, [полным] милосердия»), превосходящим проявленные и непроявленные качества (*vyaktāvyaktaḡuṇottara*), полным тридцати шести благих сущностей (*ṣaṭtriṃśatattvādhika*) и т.д. (*Śivapañcavadanastotra*, л. 1а). Этот гимн представляет собой на первый взгляд простое перечисление свойств и внешних характеристик божества, причем эпитеты стоят в вокативе, т.е. брахман, совершающий ритуал, обращается к богу напрямую. В другом гимне — «Шива-панча-акшара-стотра» (*Śivapañcākṣarastotra*), опубликованном в полном собрании сочинений Шанкары (*Śaṅkara* 1910б: 119–120), божество именуется *ṅagendrahāra* — «хватающий повелителя змей» и *vilocana* — «заставляющий видеть». Перечисляются и другие черты Шивы: он покрыт пеплом (*bhasman*), обнажен (*digambara*, букв. «одет пространством»). Здесь тоже перед нами простое перечисление свойств божества, и разница только в том, что, в отличие от «Шива-панчавадана-стотры», эпитеты стоят здесь в дативе, т.е. возглашающий стотру обращается, возможно, уже не столько к богу, сколько к другим участникам ритуала, призывая их поклониться Шиве: каждая строфа гимна завершается словами *namaḡ śivāya* — «поклонение Шиве».

Следует обратить внимание и на стихотворные размеры, которыми написаны эти гимны. Так, «Шива-намавали-стотра» написана размером, близким к размеру *vasantatilakā*, хотя и несколько отличающимся от него. Сам этот размер представляет собой 4 пады по 14 слогов, причем чередование долгих и кратких слогов таково: — — v — v v v — v v — v — —, а в этом гимне чередуются строки этого размера и иного, в котором два последних слога краткие: — — v — v v v — v v — v v v. Приведем в качестве примера вторую паду гимна:

He Pārvaṭīhrdayavallabha candramaule bhūtādhipa pramathanātha girīśacāpa |
He Vāmadeva bhava Rudra pinākapāṇe saṃsāraduḡkhagahanājḡagadīśa rakṣa ||

Как видим, размер этого стиха отличается от «канонического» *vasantatilakā*, и, более того, даже во второй паде два последних слога — долгий и краткий (— v), так что метрика стиха соблюдена в этом гимне не очень строго. Размер «Шива-панча-акшара-стотры» близок к размеру *indravajrā*: — — v — — v v — v — — (4 пады по 11 слогов), но все же не тождествен ему — чередование слогов в стотре таково: — — v — — v — — v — v, причем седьмой слог может быть и кратким. В качестве примера приведем первую паду этого гимна:

Nāgendrahārāya vilocanāya bhasmāṅgarāḡāya maheśvarāya |
Nityāya śuddhāya digambarāya tasmai nakārāya namaḡ Śivāya ||

Эти размеры не встречаются, насколько известно, в ведийских гимнах — они более характерны для авторской поэзии I тысячелетия, в частности, в поэзии Бхартрихари — представителя индийской грамматической традиции, взгляды которого повлияли на становление веданты, и крупного поэта. Все это свидетельствует, скорее всего, о значительно большем влиянии на Шанкару (если он действительно был автором этих гимнов) современной ему и предшествовавшей индийской поэтической традиции, чем ведийской поэтики. На это указывают и сами эпитеты божества, отсылающие скорее к пуранической традиции, чем к ведийской *stricto sensu*. Шиву называют «имеющим лунный серп на голове», подразумевая его определенный иконографический образ, говорят об убийстве им бога Камы, что тоже представляет собой отсылку к мифологическим событиям пуран и свидетельствует о значительно боль-

шей близости мировоззрения составителя гимнов именно к пуранической традиции. При этом эпитеты просто перечисляются без раскрытия их сути. Не объясняется, почему луна находится в волосах Шивы и что означает этот символ, почему Шива убил Каму и как это произошло: предполагается, что участники ритуала сами это знают и ни в каких пояснениях не нуждаются.

Шиве посвящен и гимн «Кала-бхайрава-аштака» (*Kālabhairavāṣṭaka*), в котором божество описывается как повелитель г. Варанаси (*kāśīkāpurādhinātha*), дарующий и наслаждение, и освобождение (*bhuktimuktidāyaka*), т.е., как и в других гимнах, понимаемый как божество двойственное: с одной стороны, наслаждение есть то, что привязывает человека к эмпирическому миру, не позволяя ему подняться над мирскими интересами и целями, но с другой — наслаждение (*kāma*) — одна из целей, достижение коих предписывается человеку индуистской дхармой, а кроме того, Шива дарует еще и освобождение — прежде всего, естественно, освобождение от мирских привязанностей и наслаждений, которые с ними неизбежно связаны. Сам этот гимн написан размером, близким к *tūṇaka* (4 пады по 15 слогов, – v – v – v – v – v – v – v –), но не совпадающим с ним: здесь чередование долгих и кратких слогов не столь строго, и могут встречаться два кратких слога подряд. Пока еще нет полной ясности, какой смысл несет использование именно этих размеров в гимнах, и можно предположить, что тот или иной конкретный размер был связан с какими-то определенными ритуалами, в ходе которых полагалось его возглашать.

Гимны, приписываемые Шанкаре, обращены были, естественно, не только к Шиве. Известен, например, гимн «Ачьюта-аштака-стотра» (*Acyutāṣṭakastotra*), обращенный к Кришне как одной из форм Вишну. Автор называет его *acyuta* — «непреходящий», *keśava* — «косматый, с длинными волосами», *dāmodara* — «препоясанный веревкой», *mādhava* — «медовый», *śītīdhara* — «повелитель судеб», *gorikāvallabha* — «возлюбленный пастушек» (в мифологии Кришны его игры с пастушками составляют, наверное, одну из самых известных деталей). Здесь, как и в гимнах Шиве, Шанкара (если считать его автором) перечисляет эпитеты Кришны, упоминает мифологические сюжеты, связанные с ним (игры с пастушками, убийство Кансы и т.д.), причем один из эпитетов, прилагаемых к нему, — *Viśvaṃbhara* — «несущий все», одно из имен Вишну как бога, поддерживающего существование Вселенной, а кроме того, Кришну называют Лохитой, хотя *Lohitā* — одно из имен бога огня Агни или одного из семи его языков. Однако нельзя сказать, что Кришна, к которому обращается в стотре автор или участник ритуала, вбирает в себя всю полноту сакральности, свойственной другим божествам (Вишну, Агни), так как, например, в гимнах Шиве явственно прослеживается двойственность этой фигуры, ее пограничный статус, тогда как в гимнах Кришне или Вишну никакой двойственности заметить нельзя: здесь, напротив, мы видим божество скорее таким, каким оно предстает в процитированной выше главе «Бхагавадгиты», — полнотой совершенств, свойственных богу по определению.

Шанкаре приписываются гимны не только таким богам, как Шива, Деви, Кришна или Вишну, но и сравнительно малоизвестным божествам, не занимающим центрального места в индуистском пантеоне. Одно из них — Даттатрея, которого, впрочем, можно назвать сравнительно малоизвестным, только если речь идет об индуизме в целом. Если же говорить об индуистских религиозных практиках, имея в виду конкретные регионы Индии, то мы увидим, что божество это чрезвычайно популярно, например, в Махараштре: так, в Пуне изображения этого божества можно встретить едва ли не чаще, чем изображения любых других богов (Rigopoulos 1998: 235). В пу-

ранах он описывается как божество, воплотившееся в облике человека, мудреца и наставника йоги, и его культ и сам образ имеют множество черт, характерных не только для ортодоксального индуизма, но и сближающих Даттатрею с шиваитскими и шактистскими культами, и граница между образом Даттатреи как божества или аватары божества и Даттатреей как человеком очень нечетка. Ясна лишь связь его с небрахманистскими идеологическими течениями начала нашей эры. Так, в пуранах его называют учителем йоги и логики (*sutarka-vidyā*), а в одном из текстов говорится даже, что этот наставник принадлежал к школе санкхья (*Ibid.*: 33).

Эти черты божества хорошо видны по приписываемым Шанкаре гимнам Даттатрее, рукописи которых хранятся в Индийском фонде ИВР РАН. В «Датта-бхуджанга-стотре» Даттатрея называется «сияющим собственным светом» (*svayamjyotirgūṇaprasiddhah*) и «изначальным наставником, свободным от [ограничений, связанных с] пространством, временем и т.п.» (*adigdeśakālādirāhityamādyagurum; Dattabhujāṅgastotra*, л. 1a). Первый из эпитетов отсылает к известному адвайтистскому тезису, согласно которому истинное Я (*Ātman*) не нуждается для своего познания ни в чем другом и может быть познано самостоятельно. Атман не может быть объектом познания, так как он сам есть чистое знание — т.е. знание самоочевидное, такое, которое распознаётся как знание в самый момент его обретения. Это, иначе говоря, знание абсолютно несомненное и тем отличается от знания всевозможных эмпирических объектов: в последнем случае всегда есть место сомнению, такое знание никогда не может быть окончательным, и только познание Атмана, согласно адвайта-веданте, есть знание окончательное и совершенное. Второй же эпитет напоминает, что речь идет о божестве, воплотившемся в человека, чтобы дать наставления в истинной йоге своим последователям. Бог воспринимается здесь как наставник, причем наставник единственно подлинный, и отношение его к учителям — обычным людям можно проиллюстрировать платоновским учением об идеях: есть идея наставника, самосушая и совершенная, и есть множество реальных наставников, которые таковы только в силу причастности своей к этой идее. Впрочем, здесь, в философии веданты, все еще сложнее: все обычные учителя суть в большей или меньшей степени аватары этого единственного Наставника, который воплощается во всей полноте своих божественных качеств, чтобы восстановить индуистскую дхарму, а между полными воплощениями проявляет свою волю и поддерживает дхарму через обычных учителей.

Влияние санкхьи и веданты на образ Даттатреи видно и еще в одном эпитете, применяемом автором стотры к божеству, — *guṇātīta* («превосходящий гуны»; *Dattabhujāṅgastotra*, л. 1b). Во-первых, показателен тот факт, что автор гимна использует такой термин, как *guṇa*, более характерный именно для санкхьи и йоги. Гуны — элементы пракрити (*prakṛti*), бесформенной первоматерии санкхьяиков, которая разворачивает свою активность перед пурушей (*puṇḍra*) — истинным Я, представляющим собой чистое сознание, и освобождение, согласно санкхье, состоит в том, чтобы познать всю реальность, включая и все наши эмоциональные и волевые импульсы, как часть пракрити и отстраниться от них, растождествиться с ними; в этом и будет состоять освобождение (*kaivalya*). Во-вторых же, Даттатрея как *guṇātīta* фактически отождествляется с пурушей санкхьяиков — разумеется, тем пурушей, который уже свободен от омрачений, порожденных неведением и игрой пракрити, или изначально был свободен от них. Такой образ изначально свободного пуруши, никогда не бывшего закабаленным, присутствует в учении йоги (как философской системы), и такой пуруша называется *Īśvara* («господин, повелитель»), так

что не только санхья, но и йога повлияли на формирование образа этого божества. Влияние же веданты проявляется здесь в том, что речь идет о двух формах Брахмана — относительной (Saguṇa-Brahman, Брахман с качествами, именуемый также Īśvara) и подлинной, абсолютной (Nirguṇa-Brahman, Брахман без качеств, именуемый также Parabrahman, «высший Брахман»). Parabrahman, Брахман как таковой — выше всех качеств, у него нет ни свойств, ни облика, ему невозможно молиться и говорить о нем можно только апофатически — указывая, чем он *не* является.

При этом, однако, образ и мифология Даттатреи имеют признаки и шиваитского влияния: так, в «Шандилья-упанишаде» говорится, что из изначально бесформенного Брахмана возникли три формы — sakala («с частями»), niṣkala («без частей») и sakalanīṣkala («с частями и без частей»), причем sakalanīṣkala — это Шива, а sakala — это Даттатрея (Rigopoulos 1998: 61). Как видно, даже то, что эта стотра, скорее всего, не принадлежит самому Шанкаре, не отменяет того факта, что адвайта была, по существу, одной из форм шиваитской идеологии и адепты ее обращали свои гимны к божествам, так или иначе связанным с Шивой или с его культом.

Не принадлежит, скорее всего, авторству Шанкары и «Датта-махимнахья-стотра» (*Dattamahimnāhryastotra*), которая не упоминается ни в фундаментальной работе С. Дасгупты «История индийской философии», ни в «Энциклопедии индийских философий» Карла Поттера. В этом гимне влияние шиваизма еще более заметно. Даттатрея именуется здесь bhasmābhyamgaḥ — «покрытый пеплом», jaṭābhīḥ sulalita — «с завитыми или переплетенными волосами» (такую прическу носят в знак скорби, а кроме того, она — отличительный признак аскетов-шиваитов; Monier-Williams 1899: 409), dikṛaṭa — «облаченный пространством» (т.е. обнаженный), что со всей очевидностью демонстрирует нам образ, характерный скорее для Шивы, чем для какого-либо другого бога. В то же время в гимне бог именуется Мукундой (mukunda), а это уже одно из имен Вишну, так что в образе божества, прославляемого в гимне, сочетаются черты столь разных божеств, что Даттатрея воплощает в себе здесь, возможно, свойства всех основных богов индуизма, в нем концентрируется божественность как таковая — все то, что отличает бога от всего остального и, собственно, делает его богом. То же можно сказать и о других стотрах, где в образе одного божества сосредоточиваются черты самых различных божеств.

То, что одним из объектов поклонения среди последователей адвайты был также и Вишну (игравший центральную роль в религиозной философии вишиштадвайта- и двайта-веданты), видно и из другого гимна, приписываемого Шанкаре, — «Кришна-дивьястотры» (*Kṛṣṇadivyaṣtotra*). Никаких сведений о нем тоже не удалось найти ни у Дасгупты, ни у Поттера, ни в других источниках. Здесь божество именуется «подателем благ» (sudāyaka), «единственным возлюбленным стад, возлюбленным Кришной» (gaṇaikavallabhaṃnamāmīkṛṣṇadurlabhaṃ), «прекраснейшим из пастухов» (goraśobhanaṃnamāmi), что с полной очевидностью показывает кришнаитское происхождение этого гимна. Тем не менее автором его в колофоне назван Шанкара, что свидетельствует о высочайшем авторитете этого мыслителя даже среди адептов тех религиозно-философских школ, которые идеологически принципиально отличались от адвайта-веданты.

О кришнаитском влиянии свидетельствует и «Двадаша-панджарика-стотра» (*Dvādaśapañjarikāṣtotra*), включенная в ту же рукопись, что и «Ачьюта-аштака-стотра». Слово pañjara, от которого произведена часть названия стотры, означает, согласно словарю Моньер-Уильямса, “cage, aviary, dove-cot, net; a skeleton, the ribs;

name of particular prayers and formularies; the body; the Kali-yuga; a purificatory ceremony performed on cows” (Monier-Wiliams 1899: 575), так что раñjарика можно перевести и как «владыка Кали-юги», и как «тот, кому посвящены молитвы раñjара», и как «божество, которое очищает коров в ходе ритуала раñjара». О кришнаитском влиянии несомненно говорит повторяющаяся в гимне рефреном фраза bhajagovindam.

Более того, существует стотра, адресованная реке Гандак (или персонифицирующему ее божеству) — «Гандаки-бхуджанга-стотра» (*Gaṇḍakībhujāṅgastotra*), которая тоже, видимо, не принадлежит Шанкаре, хоть и приписана в колофоне ему. В тексте повторяется формула поклонения Индре или Вишну — namoṣiśvambhare. Божество именуется здесь dhyeya — «тот, о ком следует медитировать», śrīguru — «благой наставник» и т.д., а кроме того, в гимне постоянно повторяются обращения к различным божествам — Брахме, Вишну, Шиве-Махешваре и др. — как к наставникам: gururvrahmāgururviṣṇurgururevamaheśvaraḥ || gururevajagatsarvaṃtasmaīśrīguravenamaḥ, так что и в этой стотре одно божество — основной объект поклонения в ней — выступает как воплощение всех божественных качеств всех других божеств.

Река Гандак, берущая начало в Гималаях и впадающая в Ганг в районе современной Патны, одна из четырех крупнейших рек Непала, служит западной границей исторического региона Митхила (север нынешнего штата Бихар), известного своим своеобразным искусством, в котором нашла отражение, среди прочего, гендерная проблематика древней и средневековой индийской культуры. Брахманы Митхилы были одной из наиболее политически и экономически влиятельных страт индийского общества еще со времен упадка Могольской империи, а женщины-брахманки из Митхилы известны своим ритуальным искусством — рисунками на стенах, создаваемыми для брачных церемоний и обрядов упанаяна (Henning Brown 1996: 719). Иногда можно встретить мнение, что в нем отразилось сильное влияние тантризма, хотя, если посмотреть на это искусство непредвзято, мы не найдем там натуралистических изображений сексуальных практик: это искусство значительно более «холодное» и условное. Тем не менее, мифологической фигурой, которой адресованы изображения, создаваемые митхильскими брахманками, остается все же Деви, или Гаури (Devī, Gauṛī) — супруга Шивы (Ibid.: 733). Уже одно это позволяет судить о значении культа Шивы для религиозной стороны учения адвайта-веданты: гимн реке Гандак приписан Шанкаре, и независимо от того, действительно ли он написан этим мыслителем, показательно, что гимн обращен к божеству, которое, хотя и называется именами, характерными скорее для Вишну, повелевает в этой стотре рекой, связанной с регионом, в котором столь сильны были шиваитские религиозные традиции. Далеко не случайно, видимо, то, что полное название реки — Kālī Gaṇḍakī, а одним из объектов поклонения на ее берегах являются черные камни (śālagrām), которые в религиозных представлениях секты рамананди (rāmānandī), одной из крупнейших индуистских сект Индии и Непала, ассоциируются с фигурой Вишну Нараяны (Burghart 1983: 371). Об этом культе писал в свое время еще маратхский поэт Рамдас (1608–1681), укоряя своих современников за то, что они почитают черные камни на берегах Нармады или Гандака, но не ведают об истинном боге, свободном от всякой материальной формы (Belvalkar, Ranade 1933: 380). В верховьях реки Гандак находится долина Муктинатх с ее буддийскими и индуистскими храмовыми комплексами, к которым ежегодно стекается множество паломников (Messerschmidt, Sharma 1981: 571). Иными словами, эта река окружена почитанием и, конечно, уступает в этом отношении Гангу или южноиндийской Кавери, но все же важна как одно из священных для

индуистских культов мест, и неудивительно, что ее восхваление приписывается столь авторитетному мыслителю, как Шанкара.

Здесь следует заметить, что сам факт приписывания Шанкаре гимнов явно вишнуитского характера говорит еще и об исключительном значении творчества этого мыслителя уже для тогдашней индийской культуры. Вряд ли реальные авторы гимнов стали бы писать в колофоне имя Шанкары, если бы в их глазах он не был звездой первой величины на небосклоне индийской философской мысли — фигурой столь значительной, что его авторитет был непререкаем и для шиваитов, и для вишнуитов. Уже к XVIII в., когда составлялись рассмотренные рукописи (а скорее всего, и значительно раньше, хотя точно датировать составление самих гимнов, приписанных Шанкаре, но явно не принадлежащих ему, не представляется возможным), Шанкара воспринимался образованными индийцами как идеальный мыслитель, абсолютный авторитет. Но каков был характер этого авторитета — вопрос, требующий особого исследования. В средневековой Европе Аристотель воспринимался как Философ, в трудах которого заключено едва ли не все доступное человеку знание; очевидно, что Шанкара в истории индийской философии занимал иное место, будучи авторитетом лишь для представителей монистической веданты. Возможно, что приписывание ему гимнов вишнуитского характера было проявлением почтения как всего лишь своеобразной дани традиции, которая не требует глубокого и серьезного знакомства с трудами этого философа.

Рассмотрев ряд гимнов, написанных Шанкарой или приписанных ему, мы можем задаться вопросом: что объединяет их и что отличает их от, например, ведийской гимнографии? Можно ли сказать, что есть общего в ведийской и адвайтистской гимнографии, и проследить эволюцию феномена религиозного гимна от времен Ригvedы до средневековья, когда создавались эти гимны?

Разумеется, вопрос более чем сложен и требует гораздо более обширного исследования, но и в рамках журнальной статьи на эту тему можно кое-что сказать. Прежде всего для структуры Ригvedы характерен своеобразный параллелизм в построении мифологического текста, заключающийся в «последовательном кодировании различными языковыми сообщениями одних и тех же знаков мифологической системы, благодаря чему на уровне „речи“ мифа происходит их полное или частичное отождествление; прибегая к нашим терминам, можно было бы сказать, что различным элементам ведийской мифологии (божествам) приписываются одинаковые признаки. При этом элементы мифологии распределяются один относительно другого так, что порядок следования оказывается несущественным — в целом образуемый ими текст является некоторой вневременной последовательностью» (Огибенин 1968: 9). Отчасти это видно из того, какую роль играет особая форма глагола, встречающаяся часто в ведийских текстах и крайне редко в более поздних, — инъюнктив. Еще Луи Рену в статье, опубликованной в 1928 г., установил несистемный характер этой грамматической формы для языка Ригvedы: в разных контекстах инъюнктив может принимать значения и настоящего, и прошедшего, и будущего времени изъявительного наклонения, а также ряд модальных значений. К. Хофман установил, что эта грамматическая форма по сути своей имеет меморативный характер. «Все остальные граммы глагольных категорий, — пишет Т. Я. Елизаренкова, — под тем или иным углом зрения описывают глагольное действие, инъюнктив же только упоминает его без какой-либо временной или модальной дифференциации. Это объясняет, почему под влиянием разных контекстов инъюнктив способен подстраиваться под значения различ-

ных структурно четко охарактеризованных временных и модальных форм» (Елизаренкова 1993: 188). Иначе говоря, эта форма не указывает на конкретное время совершения действия, ибо само это время не важно — время циклично, и то, что совершается сейчас, совершалось и ранее, и будет совершаться в будущем, или, может быть, более точно, — оно происходит *всегда, постоянно*, в том числе и в настоящий момент.

В гимнах, рассмотренных выше, мы не встретим таких своеобразных и архаичных грамматических форм. Вообще глаголы, насколько можно заметить по исследованным стотрам, стоят там в основном в императиве, причем обращен он не к божеству, а к адепту, который должен поклониться божеству или помнить о нем. Ведийские гимны в сравнении со стотрами значительно сложнее в языковом отношении. Кроме того, сам язык воспринимался в ведийскую эпоху несколько иначе, чем в тот период, когда создавались индуистские гимны. Это видно из одного гимна Ригведы — RV I 146, обращенного к Речи (Vāc), персонифицированной как божество. Он завершается словами: «На четыре четверти размерена речь. / Их знают брахманы, которые мудры. / Три тайно сложенные (четверти) они не пускают в ход. / На четвертой (четверти) речи говорят люди» (Ригведа 1999: 205). Иными словами, существует обычная человеческая речь и речь тайная, не данная обычным людям. Различие «языка богов» и «языка людей» известно не только в ведийской Индии, но и, например, в Скандинавии. Когда Тор, встретившись со всезнающим карликом Альвисом (чье имя буквально означает «всемудрый»), спрашивает его, какими именами называется в разных мирах земля, карлик отвечает: «Землей — у людей и Долом — у асов, Путиями — у ванов, Зеленой — у турсов, Родящей — у альвов, у богов она — Влажная» (Старшая Эдда 2005: 147). Далее Тор спрашивает, как в этих мирах называются небо, месяц, солнце, дождь и т.д., и карлик отвечает ему до тех пор, пока не настает утро. Такое же различие можно встретить и в древнеирландских текстах (Елизаренкова 1993: 78). Существует гипотеза, согласно которой различие тайного и профанного языков свидетельствует о бытовании уже в ранневедийские времена двух языков — разговорного (профанного), который использовался для повседневного общения и, судя по некоторым словам и оборотам, проникшим из него в Ригведу, уже имел черты, роднившие его со среднеиндийскими языками (пали и т.п.), и сакрального, зафиксированного в Ведах и отличавшегося от разговорного и использовавшегося только для общения с богами (Там же: 84).

Однако в рассматриваемых гимнах нет речи ни об именах Шивы или иного божества, коими называют его другие боги или сверхъестественные существа, ни об уровнях языка (сакральный или профанный) — здесь просто перечисляются его эпитеты и упоминаются события из связанной с ним мифологии, что должно сформировать у слушателя и участника церемонии, в ходе которой возглашается стотра, целостный образ этого божества, причем краткость и емкость эпитетов, в предельно свернутом виде фиксирующих все свойства божества и все связанные с ним события, позволяют адепту удерживать все характеристики Шивы (или иного бога) в фокусе активного внимания, охватывая их единым актом памятования. В этом смысле рассматриваемые стотры существенно отличаются от ведийских гимнов, и различие здесь, насколько можно судить, функциональное: ведийские гимны, как известно, использовались в ходе жертвоприношения (yajña) и целью их было призвать и умиловить богов, стотра же — часть ритуала пуджа (pūjā, ритуал почитания бога в индуизме), за которым стоит представление о божестве, требующем уже не жертв, а поклонения,

познания и исполнения предписаний индуистской дхармы (и, возможно, различные стихотворные размеры в разных стотрах связаны с разными формами пуджи, в которых они использовались). Это видно, например, по «Вишну-сахасранама-стотре» (*Viṣṇu-sahasranāma-stotra*) из «Махабхараты». Этот гимн начинается с пояснения цели его составления — освобождения от страданий в колесе сансары: Бхишма, наставляя Юдхиштхиру, говорит, что «освобождение от страдания в круговороте рождений достигается повторением тысячи имен Вишну. По словам мудреца, все виды служения богу равно хороши при условии, что совершающий их адепт свободен от жажды вкушать плоды деяния. Однако восхваление, использующее только речь, легче жертвоприношений и телесных усилий. Словесное восхваление ясно всем людям и не требует в силу своей простоты чьей-либо помощи или затраты материальных средств. От адепта требуются лишь искренность и чистота помыслов» (Столярова 2013: 77). Однако эти искренность и чистота — не единственные необходимые условия понимания стотры — для него необходимо, естественно, знание всех тех мифологических сюжетов и имен, которые в ней упоминаются, причем автор стотры, разумеется, не разъясняет подробно сути всех мифологем — ему достаточно лишь упомянуть их предельно кратко, чтобы вызвать в сознании адептов соответствующие образы.

Суть стотры как жанра — и, в частности, стотр, приписываемых Шанкаре, — отчасти проясняется также сопоставлением их с индийской драмой. Сцену в индийском традиционном театре можно до известной степени представить как модель Вселенной. «Анализ предписаний Натяшастры показывает, что организация сцены строилась по типу создания на ней образа мира, ритуальной модели мироздания, переводившей сценическое пространство в иной, сакральный и космический масштаб» (Лидова 1992: 14). Конструирование сцены как модели Вселенной предполагает, что каждый элемент ее отсылает к определенным представлениям индуистской мифологической космологии — богам, уровням мироздания, мифологическим событиям и пр., — так что на сцене создается не просто модель, но — важно подчеркнуть это — модель, данная вся целиком зрителю в театральном представлении. Зрителю не приходится переходить от элемента к элементу постепенно, шаг за шагом, — он может охватить их все единым актом воображения. То же самое мы видим в практике рецитации стотры: воображению адепта божество дано *все целиком*, во всей полноте его свойств в одном представлении. В этом смысле стотра изоморфна, например, также и скульптурному или живописному изображению бога. «Все три типа воплощения небожителей: актером в драме, жрецом в пудже и скульптором в камне, дереве или металле — имеют единую символику и апеллируют к общей системе ритуальных представлений» (Там же: 114). Все они призваны сформировать в воображении адепта единый и целостный образ почитаемого божества, и разница состоит прежде всего в том, что стотра требует более активного участия воображения, так как божество здесь только описывается словесно, но не изображается.

В то же время между театральным представлением, изображением и стотрой есть, конечно, и известное различие: представление моделирует Вселенную в целом, включая и богов с их мирами, и низшие уровни мироздания, и наш профанный мир; изображение дает облик бога, в котором, однако, далеко не всегда можно представить *все* связанные с ним мифологемы; стотра кратко и максимально емко описывает само божество, сосредоточивая внимание адепта именно на нем и оставляя другие элементы Вселенной более или менее на периферии внимания, — центром здесь

служит именно божество, а указания на какие-то реалии профанного мира нужны лишь постольку, поскольку позволяют более полно раскрыть образ божества.

Стотра представляет собой инструмент не просто восхваления божества для получения от него каких-то благ (это характерно скорее для ведийских гимнов), но прежде всего — изменения состояния сознания самого адепта, который должен благодаря ей визуализировать образ бога перед своим мысленным взором — это и будет истинное и полное *знание* божества. Иными словами, функционально произнесение стотры выполняет примерно ту же роль, что и, например, рецитация «Бхагавадгиты». Как отмечает в своей классической работе В.С. Семенцов, адепт, перечисляя формы божества, должен иметь перед глазами его образ, и «продолжительное упражнение в такой рецитации приводит к тому, что человек, видимо, начинает распознавать в окружающем мире формы *Бхагавана* (и вспоминать соответствующие стихи *Гиты*). Можно думать, что рано или поздно это приводит к трансовым состояниям» (Семенцов 1999: 170). Адепт должен столь полно погрузиться в созерцание всех совершенств божества, его свойств, мифологических подвигов и внешних характеристик, чтобы перед своим мысленным взором воочию увидеть бога, которому адресована стотра. Еще в ведийском ритуале, как отмечал В.С. Семенцов, «производя определенное священнодействие, произнося при этом определенное священное слово, жрец (а очень часто и заказчик обряда) должен был вспомнить соответствующий образ, чаще всего эпизод борьбы богов и асуров, либо просто некоторое соответствие, числовое или словесное. Пока участник ритуального действия держит в уме нужный образ (мифологему, соответствие), он *знает*; после того как этот образ (и т.д.) выходит из сферы его активного внимания, он *не знает*. Чем обширнее тот образ, который следует удерживать в активном припоминании, тем, видимо, дольше сохраняется состояние знания и, добавим, тем больших усилий это требует от человека, стремящегося „знать“» (Там же: 161–162).

Но перечисление имен божеств или их качеств имеет не только чисто *психотехническое* значение — оно позволяет еще и в предельно сжатой форме удерживать в памяти все характеристики данного божества, служа еще и *мнемотехнической* формулой. Это видно, например, по «Вишну-сахасранама-стотре», в которой имена Вишну можно разделить на три группы: имена, выражающие основные качества бога и отражающие философский уровень религиозной системы; имена, отождествляющие бога с жертвоприношением; и имена, раскрывающие проявления бога в мире (Столярова 2014: 213). «Таким образом, мы видим, что индийская стотра выполняет ритуальную, дидактическую и мнемотехническую функции, то есть гимн-восхваление божества заключает в себе важную религиозно-философскую информацию и является дидактическим наставлением. Нама-стотры, в свою очередь, кроме ритуального значения представляют изложенную в краткой форме информацию о мифологии, связанной с божеством, его основных атрибутах и функциях. Они используются в индивидуальной медитативной и ритуальной практике, а также в процессе храмового богослужения. В ритуальной практике само перечисление божественных имен становится своеобразной формой почитания бога, которая провозглашается одним из наиболее доступных для адепта и достойных путей достижения освобождения» (Там же: 217).

Как видим, по стотрам, приписываемым Шанкаре, и по исследованной Е.В. Столяровой «Вишну-сахасранама-стотре» виден первый аспект роли религиозных гимнов в индуизме: создание и поддержание в сознании верующего образа божества, кото-

рый можно охватить целиком в одном акте внимания, что позволит верующему поистине *знать* божество в том смысле, который вкладывается в слово *jñāna* («знание») в индуистских религиозно-философских текстах. В этом состоит их основное отличие от ведийских гимнов как неотъемлемой части ведийского жертвоприношения.

Второй аспект — связанный, однако, с первым, — имеет уже скорее философский, чем религиозный характер. Как было сказано выше, божество описывается в стотре во всей полноте совершенства своих божественных качеств, что роднит гимн с театральным представлением, воссоздающим на сцене образ Вселенной. Божество должно явиться верующему в своей *viśvaṅūra* — «вселенской форме», ибо, согласно адвайта-веданте, существует поистине только Брахман, все же прочее есть лишь плод иллюзии (*māyā*), а в вишиштадвайта-веданте мир есть тело Брахмана, индивидуальные же души сравниваются в трудах представителей этой системы с искрами, летящими от костра (Брахмана), но в конце концов воссоединяющимися с ним. Благодаря слушанию и возгласению стотры верующий визуализирует не просто божество, но — если рассматривать стотру через призму учения монистической веданты — низшую форму Брахмана — *Saguṇa-Brahman* («Брахман, наделенный качествами»), чтобы затем через нее узреть и истинный Брахман, свободный от каких бы то ни было качеств, — *Nirguṇa-Brahman*. Здесь на место жертвоприношения приходит уже психотехника: адепт должен не столько *умилостивлять* бога, сколько *познавать* его, прорываясь к высшему, абсолютному знанию через завесу неведения (*avidyā*, *ajñāna*). Об абсолютной полноте божественного образа, включающего в себя все сущее, говорит и продемонстрированная выше двойственность образа Шивы в гимнах, в которых он показан и как податель всех благ, и как повелитель демонических существ (*pramatha*). Это же видно и по образу Кришны в «Бхагавадгите»: подлинный облик божества, явленный Арджуне, не только великолепен, но и внушает ужас — в тысячах пастей бога сверкают клыки, все три мира в ужасе трепещут при виде его, и все живое устремляется в пасти божества, чтобы погибнуть там (Бхагавадгита 1999: 63–65). Вполне соответствует догматике монистической веданты и эпитет «сияющий собственным светом» в «Датта-бхуджанга-стотре».

Вопрос же об авторстве гораздо более сложен. Можно допустить, что приписываемые Шинкаре гимны Шиве действительно составлены в большинстве своем именно основателем монистической веданты. Но он писал гимны также и другим божествам, хотя, судя по т. 17 полного собрания его сочинений, гимнов Шиве у него все же больше, чем гимнов другим богам, так что однозначно отрицать за Шанкарой авторство гимнов, адресованных, например, Кришне или Даттатрее, вряд ли будет разумно — можно лишь говорить о вероятности того, что тот или иной гимн составлен именно этим автором. Однако, как было сказано выше, сам тот факт, что эти гимны приписаны перу именно Шанкары, свидетельствует об особой роли этого автора в индийской религиозной культуре: его авторитет был достаточно высок, для того чтобы реальные составители гимнов называли его автором своих стотр.

Литература

- Acyutāṣṭakastotra* / Индийский фонд Института восточных рукописей РАН, шифр II, 115 (Ind. 60).
Dattabhujāṅgastotra / Индийский фонд Института восточных рукописей РАН, шифр II, 127 (Ind. 62).

- Dattamahimnākhyastotra* / Индийский фонд Института восточных рукописей РАН, шифр II, 128 (Ind. 61).
- Gaṇḍakībhujāngastotra* / Индийский фонд Института восточных рукописей РАН, шифр II, 133 (Ind. 64).
- Kālabhairavāṣṭaka* / Индийский фонд Института восточных рукописей РАН, шифр II, 120 (Ind. 59), л. 1а.
- Kṛṣṇādīvyastotra* / Индийский фонд Института восточных рукописей РАН, шифр II, 116 (Ind. 57).
- Śivanāmāvalīstotra* / Индийский фонд Института восточных рукописей РАН, шифр II, 124 (Ind. 58).
- Śvaraṇcavadānastotra* / Индийский фонд Института восточных рукописей РАН, шифр II, 2 (Ind. 70).
- Бхагавадгита 1999 — Бхагавадгита / Пер. с санскр., исслед. и примеч. В.С. Семенцова. 2-е изд. М.: Восточная литература, 1999.
- Елизаренкова 1993 — *Елизаренкова Т.Я.* Язык и стиль ведийских риши. М.: Наука; ГРВЛ, 1993.
- Лидова 1992 — *Лидова Н.Р.* Драма и ритуал в древней Индии. М.: Восточная литература, 1992.
- Огибенин 1968 — *Огибенин Б.Л.* Структура мифологических текстов «Ригведы». М.: Наука; ГРВЛ, 1968.
- Пахомов 2009 — *Пахомов С.В.* Шиваизм // Индийская философия: Энциклопедия / Отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. М.: Восточная литература; Академический проект; Гаудеамус, 2009. С. 865–866.
- Пименов 1998 — *Пименов А.В.* Возвращение к дхарме. М.: Наталис, 1998.
- Ригведа 1999 — Ригведа. Мандалы I–IV / Пер. с санскр. Т.Я. Елизаренковой. Изд. 2-е, испр. М.: Наука, 1999.
- Семенцов 1999 — *Семенцов В.С.* Бхагавадгита в традиции и в современной научной критике // Бхагавадгита / Пер. с санскр., исслед. и примеч. В.С. Семенцова. 2-е изд. М.: Восточная литература, 1999. С. 103–242.
- Старшая Эдда 2005 — Старшая Эдда / Пер. с древнеисл. А. Корсуна. СПб.: Азбука-Классика, 2005.
- Столярова 2013 — *Столярова Е.В.* История изучения культа Вишну в эпических источниках // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14(1). С. 69–80.
- Столярова 2014 — *Столярова Е.В.* Титулы эпического Вишну (анализ имен и практики их рецитации) // Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы / Ред.-сост. Т.В. Ермакова. СПб.: Издательство А. Голода, 2014. С. 211–218.
- Belvalkar, Ranade 1933 — *Belvalkar S.K., Ranade R.D.* History of Indian Philosophy. Vol. VII. Indian Mysticism: Mysticism in Maharashtra. Poona: Aryabhushan Press Office, 1933.
- Burghart 1983 — *Burghart R.* Wandering Ascetics of the Rāmānandī Sect // History of Religions. 1983. Vol. 22(4). P. 361–380.
- Courtright 2001 — *Courtright P.B.* Gaṇeśa: Lord of Obstacles, Lord of Beginnings. Delhi: Motilal Banarsidass, 2001.
- Henning Brown 1996 — *Henning Brown C.* Contested Meanings: Tantra and the Poetics of Mithila Art // American Ethnologist. 1996. Vol. 23(4). P. 717–737.
- Messerschmidt, Sharma 1981 — *Messerschmidt D.A., Sharma J.* Hindu Pilgrimage in the Nepal Himalayas // Current Anthropology. 1981. Vol. 22(5). P. 571–572.
- Monier-Williams 1899 — *Monier-Williams M.* A Sanskrit-English Dictionary, Etymologically and Philologically Arranged with Special Reference to Cognate Indo-European Languages. Delhi: Motilal Banarsidass, 1899.
- Rigopoulos 1998 — *Rigopoulos A.* Dattatreya: The Immortal Guru, Yogin, and Avatara: A Study of the Transformative and Inclusive Character of a Multi-faceted Hindu Deity. New York: State University of New York Press, 1998.
- Śankara 1910a — *Śankara.* Śivanāmāvalyaṣṭakam // Works of Sri Sankaracharya. Srirangam: Sri Vani Vilas Press, 1910. Vol. 17. P. 116–118.

Śankara 19106 — *Śankara. Śivapañcākṣarasottram // Works of Sri Sankaracharya. Srirangam: Sri Vani Vilas Press 1910. Vol. 17. P. 119–120.*

The Śiva-Purāṇa 1977 — *The Śiva-Purāṇa. Delhi; Varanasi; Patna: Motilal Banarsidass, 1977.*

References

- Acyutāṣṭakastotra* / Indiiskii fond Instituta vostochnykh rukopisei RAN, shifr II, 115 (Ind. 60) [Indian Collection of the Institute of Oriental Manuscripts, RAS, II, 115 (Ind. 60)] (in Sanskrit).
- Dattabhujāṅgastotra* / Indiiskii fond Instituta vostochnykh rukopisei RAN, shifr II, 127 (Ind. 62) [Indian Collection of the Institute of Oriental Manuscripts, RAS, II, 127 (Ind. 62)] (in Sanskrit).
- Dattamahimnākhyaṣṭakastotra* / Indiiskii fond Instituta vostochnykh rukopisei RAN, shifr II, 128 (Ind. 61) [Indian Collection of the Institute of Oriental Manuscripts, RAS, II, 128 (Ind. 61)] (in Sanskrit).
- Gaṇḍakībhujāṅgastotra* / Indiiskii fond Instituta vostochnykh rukopisei RAN, shifr II, 133 (Ind. 64) [Indian Collection of the Institute of Oriental Manuscripts, RAS, II, 133 (Ind. 64)] (in Sanskrit).
- Kālabhairavāṣṭaka* / Indiiskii fond Instituta vostochnykh rukopisei RAN, shifr II, 120 (Ind. 59), l. 1a [Indian Collection of the Institute of Oriental Manuscripts, RAS, II, 120 (Ind. 59), fol. 1a] (in Sanskrit).
- Kṛṣṇādivyastotra* / Indiiskii fond Instituta vostochnykh rukopisei RAN, shifr II, 116 (Ind. 57) [Indian Collection of the Institute of Oriental Manuscripts, RAS, II, 116 (Ind. 57)] (in Sanskrit).
- Śivanāmāvalistotra* / Indiiskii fond Instituta vostochnykh rukopisei RAN, shifr II, 124 (Ind. 58) [Indian Collection of the Institute of Oriental Manuscripts, RAS, II, 124 (Ind. 58)] (in Sanskrit).
- Śivapañcavadanastotra* / Indiiskii fond Instituta vostochnykh rukopisei RAN, shifr II, 2 (Ind. 70) [Indian Collection of the Institute of Oriental Manuscripts, RAS, II, 2 (Ind. 70)] (in Sanskrit).
- Belvalkar S.K., Ranade R.D. *History of Indian Philosophy. Vol. VII: Indian Mysticism: Mysticism in Maharashtra. Poona: Aryabhushan Press Office, 1933* (in English).
- Bhagavadgītā*. Per. s sanskr., issled. i primech. V.S. Sementsova. 2-e izd. [Bhagavadgītā. Transl., Study and Comments by V.S. Sementsov]. Moscow: Vostochnaia literatura, 1999 (in Russian).
- Burghart R. “Wandering Ascetics of the Rāmānandī Sect”. In: *History of Religions*, vol. 22(4), 1983, pp. 361–380 (in English).
- Courtright P.B. *Gaṇeśa: Lord of Obstacles, Lord of Beginnings*. Delhi: Motilal Banarsidass, 2001 (in English).
- Elizarenkova T.Ia. *Iazyk i stil’ vediiskikh rishi* [Language and Style of Vedic Ṛṣis]. Moscow: Nauka–GRVL, 1993 (in Russian).
- Henning Brown C. “Contested Meanings: Tantra and the Poetics of Mithila Art”. *American Ethnologist*, vol. 23(4), 1996, pp. 717–737 (in English).
- Lidova N.R. *Drama i ritual v drevnei Indii* [Drama and Ritual in Ancient India]. Moscow: Vostochnaia literatura, 1992 (in Russian).
- Messerschmidt D.A., Sharma J. “Hindu Pilgrimage in the Nepal Himalayas”. *Current Anthropology*, vol. 22(5), 1981, pp. 571–572 (in English).
- Monier-Williams M. *A Sanskrit-English Dictionary, Etymologically and Philologically Arranged with Special Reference to Cognate Indo-European Languages*. Delhi: Motilal Banarsidass, 1899 (in English).
- Ogibenin B.L. *Struktura mifologicheskikh tekstov “Rigvedy”* [The Structure of Ṛgvedic Mythological Texts]. Moscow: Nauka–GRVL, 1968 (in Russian).
- Pakhomov S.V. Shivaizm [Shivaism]. In: *Indiiskaia filosofii: Entsiklopediia* [Indian Philosophy: Encyclopedia]. Otv. red. M.T. Stepaniants; In-t filosofii RAN [Ed. by M.T. Stepaniants; the Institute of Philosophy, RAS]. Moscow: Vostochnaia literatura–Akademicheskii proekt–Gaudeamus, 2009, pp. 865–866 (in Russian).
- Pimenov A. V. *Vozvrashchenie k dharme* [Return to Dharma]. Moscow: Natalis, 1998 (in Russian).
- Rigopoulos A. *Dattatreya: The Immortal Guru, Yogin, and Avatara: A Study of the Transformative and Inclusive Character of a Multi-faceted Hindu Deity*. New York: State University of New York Press, 1998 (in English).

- Rigveda. Mandaly I–IV* [Ṛgveda: Maṇḍalas I–IV]. Per. s sanskr. T. Ia. Elizarenkovoi [Transl. by T. Ia. Elizarenkova]. Izd. 2-e, ispr. Moscow: Nauka, 1999 (in Russian).
- Śankara. “Śivanāmāvalyaṣṭakam”. In: *Works of Sri Sankaracharya*. Srirangam: Sri Vani Vilas Press, vol. 17, 1910, pp. 116–118 (in Sanskrit).
- Śankara. “Śivapañcāṣarastotram”. In: *Works of Sri Sankaracharya*. Srirangam: Sri Vani Vilas Press, vol. 17, 1910, p. 119–120 (in Sanskrit).
- Sementsov V.S. “Bhagavadgītā v traditsii i v sovremennoi nauchnoi kritike” [Bhagavadgītā in Tradition and in Modern Critique]. In: *Bhagavadgītā*. Per. s sanskr., issled. i primech. V.S. Sementsova. 2-e izd. [Bhagavadgītā. Transl., Study and Comments by V.S. Sementsov]. Moscow: Vostochnaia literatura, 1999, pp. 103–242 (in Russian).
- Starshaia Edda* [Poetic Edda]. Per. s drevneisl. A. Korsuna [Transl. by A. Korsun]. St. Petersburg: Azbuka-Klassika, 2005 (in Russian).
- Stoliarova E.V. “Istoriia izucheniia kul’ta Viṣṇu v epicheskih istochnikakh” [History of Studies of Viṣṇu Cult in Epic Sources]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of Russian Christian Academy of Humanities], vol. 14(1), 2013, pp. 69–80 (in Russian).
- Stoliarova E.V. “Tituly epicheskogo Viṣṇu (analiz imen i praktiki ikh retsitsarii)” [Epithets of Epic Viṣṇu: An Analysis of Names and Practices of Recitation]. In: *Rozenbergovskii sbornik: vostochnye issledovaniia i materialy*. Red.-sost. T.V. Ermakova [Rosenberg Digest: Studies and Materials in Orientalistics. Ed. by T.V. Ermakova]. St. Petersburg: Izdatel’stvo A. Goloda, 2014, pp. 211–218 (in Russian).
- The Śiva-Purāṇa*. Delhi–Varanasi–Patna: Motilal Banarsidass, 1977.

Śaṅkara’s Hymns: The Problem of Authorship, Philosophical Aspects and Religious Practices

(Pis’mennye pamiatniki Vostoka, 2017, volume 14, no. 3 (issue 30), pp. 69–84)
Received 03.03.2017.

S.L. Burmistrov

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Religious hymns (*stotra*) ascribed to Śaṅkara were addressed not only to Śiva, whose incarnation the founder of *Advaita Vedānta* was considered, but also to Viṣṇu, Gaṇeśa, Hanuman etc. Neither of Hindu deities was distinguished by Advaitins as the “basic” one for the school. A hymn briefly represents the main features of a deity and mythological themes connected with him. That allowed an adept to catch all the mythology of the deity in a single act of mind. This makes Advaitist hymns close to Indian classical drama with the scene considered a model of the Universe. The aim of the *stotra* was to change the adept’s mind to make him apt to grasp a deity in a totality of its features and identify himself with the deity.

Key words: Hindu hymns, Indian drama, *Advaita Vedānta*, Śaṅkara.

About the author:

Sergey L. Burmistrov, D. Sci. (Philosophy), Leading Researcher, the Section of South Asian Studies of the Department of Central Asian and South Asian Studies, IOM RAS (s.burmistrov@hotmail.com).

Посвящения в еврейских рукописях как источник информации и дезинформации

С.М. Якерсон

Институт восточных рукописей РАН

Еврейские средневековые кодексы проделывают долгий путь, меняя владельцев и места своего бытования, до того момента, как становятся частью того или иного современного собрания рукописей. История этого путешествия в пространстве и времени частично восстанавливается сегодня благодаря анализу корпуса маргинальных записей, в частности посвящений, оставленных на листах книги. В данной статье на примере рукописей из собраний РНЦ и ИВР РАН рассматриваются различные варианты посвящений и анализируется их значение в книговедческом и историческом аспектах.

Ключевые слова: посвящения, еврейские рукописи, Библия, караимы, кодексы, Крым, Дамаск.

Статья поступила в редакцию 17.04.2017.

Якерсон Семен Мордухович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (shiakerson@yandex.ru).

© Якерсон С.М., 2017

Рукопись, над которой завершал работу профессиональный переписчик, отличалась удивительной цветовой гармонией, или, точнее, соотношением двух групп цветов: черного или коричневатого и белого либо желтоватого. Различные способы обработки пергамена могли привести к нивелировке разницы в естественном цвете мясной и волосяной сторон пергамена (мясная — белесая, волосяная — желтоватая), а могли, наоборот, подчеркивать ее. Но сама цветовая гармония оставалась неизменной. Итак, ряды строк выделялись черной или коричневой гаммой, а пространство между строками и столбцами, а также линии внешних, внутренних, верхних и нижних полей уравнивали давление цвета на глаз чистой белой или желтоватой материи. Еще одной характерной чертой средневековых рукописей являлся тот факт, что она открывалась и завершалась несколькими чистыми листами, или, по крайней мере, текст начинали переписывать на стороне *verso* первого листа и заканчивали переписывать на стороне *recto* последнего листа. Эти чистые листы служили своего рода защитой текста от неизбежного повреждения, так как рукопись далеко не сразу обретала переплет (это происходило на более поздних стадиях).

Но подобная гармония существовала недолго. Как только рукопись «выходила в свет», ее листы начинали заполняться новыми текстами, в которых фиксировались различные дополнения или исправления, этапы дальнейшего бытования самой рукописи и различные семейные или общественные события. Это могли быть разверну-

тые комментарии или отдельные глоссы, владельческие записи или посвящения, записи о рождении, о смерти близких людей и т.д. Такая информация может стать бесценным историческим или книговедческим источником, а может оказаться ложной (в силу некомпетентности автора или существовавшей в тот момент традиции) или даже сознательно сфальсифицированной.

В этой работе рассматривается один корпус подобных документов — *посвящения* (хақдашот, ивр. להקדשות). На примере рукописей из собраний ИВР РАН и РНЦ будут разобраны три вида посвящений: (1) писца заказчику рукописи; (2) владельца рукописи религиозному учреждению (фиксация передачи в общественную собственность) и (3) владельца рукописи какому-либо лицу.

Посвящения писца заказчику рукописи

Посвящения этого типа являются самым ранним дополнительным элементом книговедческой информации. Они могли создаваться в процессе завершения написания рукописи (в тот же период, когда переписчик писал колофон) или сразу после ее создания. Как правило, такие посвящения не содержат богатой книговедческой информации, а указывают лишь имя заказчика. Ранние восточные кодексы предоставляют нам классические примеры подобных посвящений.

Структуру, художественный стиль и «судьбу» посвящения писца заказчику можно проанализировать на примере самой ранней датированной еврейской рукописи 916 г., хранящейся в Российской национальной библиотеке (РНБ).

(Codex Babylonicus) Поздние Пророки (ивр. נביאים אחרונים). С вавилонской пунктуацией, большой и малой масорой. *Sine loco* (Иран (?)), *sine scriptore*, заказчик Хахам бен Иехуда (ивр. חכמ בן יהודה), Тишре 1228 [по эре контрактов]¹ (916 год). 223 л. Нумерация листов. 1–223. Один развернутый лист между листами 215 и 216 отсутствует. Лл. 222 verso и 223 verso чистые. Пергамен. Стороны различаются по цвету (мясная сторона ярче). Тетради состоят из пяти развернутых листов (кроме последней, состоящей из 2 листов). Начинаются с волосяной стороны. Компоновка тетрадей — в соответствии с Правилем Грегори. Размер: 365–370×300 мм. Разметка производилась острым предметом по стороне recto. Возможно, размечалась вся тетрадь одновременно, в сложенном состоянии. Разлиновка производилась острым предметом, каждый развернутый лист по отдельности, в развернутом виде, по мясной стороне.

Колофон, л. 222 recto:

חזק הכותב ואמץ / הקורא: / יבא גואל בחיינו ובהיי / כל בית ישראל אמן: / סוים זה הדפטר בחדש / תשרי
בשנת אלף / מאתים ועשרים ושמנה / שנים: סימן טוב יהיה זה הדפטר / לבעליו ולכל הקורא / וההוגה והגורם
בזה:

¹ Селевкидова эра, или эра контрактов (ивр. למניין השטרות/היונים), ведет свой отсчет от захвата региона Александром Македонским в 312 г. до н.э. Именно династией Селевкидов и был введен этот календарь, которым евреи продолжали пользоваться в течение многих веков. По эре контрактов (т.е. официальных документов, включающих в себя и брачные контракты — *кетуббот*, כתובות, и разводные письма — *гуттин*, גיטין) датировались в основном рукописи восточного происхождения. Для того чтобы перевести дату по эре контрактов на современное летосчисление, необходимо отнять от указанного в рукописи года 312 лет в начале года и 311 лет в остальные месяцы.

Отметим, что в самой рукописи не обозначена система, по которой указана дата, однако она не вызывает ни малейшего сомнения.

Перевод: «Да укрепится пишуший и да усилится читающий. Да придет Избавитель в наши дни и в дни всего дома Израиля. Аминь. Была завершена эта рукопись в месяц тишрей в тысяча двести двадцать восьмой год [по эре контрактов]. Да будет этот кодекс² добрым знаком для владельцев его и для всякого читающего, вникающего и изучающего его».

Библиография: Якерсон 2003а: № 5; Якерсон 2003б; № 3; Якерсон 2008: № 56, 69, 71; Pinner 1845: 18–28; Harkavy and Strack 1875: 223–235; Codices 1997: N. 3.

Факсимильные издания: Codex Babylonicus 1876; Codex Babylonicus 1971.

Хранение: РНБ. Шифр: Евр I В3³.

Посвящение заказчику рукописи написано на отдельном л. 223 recto. Это последний лист рукописи, идущий после колофона писца. Подобное расположение посвящения не характерно для рукописей и позволяет сделать осторожный вывод, что оно было добавлено позже, когда переписка рукописи была уже закончена. Однако нет ни малейшего сомнения в том, что посвящение написано самим писцом (письмо идентично письму колофона) и не является поздним добавлением.

1. נחשא טבא סימנא מעליא יהיה זה המצחף לרבנא
2. יצחק בן רבנא יוסף ועל גזעו יוסף ודויד ב(ן) רבנא יצחק
3. ואל שדי יברכם וישמרם ויזכם להגות וללמוד ולעשות
4. ולקיים כל מצות כדי שיירשו שני עולמים ויתן להם שכר
5. תמימים: חבלים להפיל לו בנעימים: כבוד ועשר ועוז
6. ותעצומות: מתוק לנפש ומרפא לעצמים: ברכות
7. תהומים ושפע ימים: נטות חסד ולשאת רחמי: ידיים
8. להגביר בעורף מתקוממים: הם בשפל ולתתו במרומים:
9. ובטוב לבלות ארך ימים: דברים טובים דברים ניוח[ים]:ם
10. הנחלת טובות שני עולמים: יצחק ובנו יוסף ודויד לחיים
11. שניהם נרשמים: בספר זכרון עם יראים ותמימים: כ"כ
12. אז נדברו יראי ה' איש אל רעהו ויקשב ה' וישמע
13. ויכתב ספר זכרון לפניו ליראי ה' ולהשבי שמו: גל יגיל
14. אבי צדיק וילד חכם ושמח בו: כל הברכות בתורה
15. והאמורות בכתובים והעתידות והנחמות והרשומות
16. בנביאים האחרונים בפי כל נביא וחזוה יתקיימו וידבקו
17. על רבנא יצחק ועל יוסף ודויד בנו אמן: ועל כל אהבי תורה
18. אמן ואמן נצה סלה ועד

² В оригинале употреблено греческое заимствование — дифтер (ивр. דפתר).

³ История открытия этой поистине уникальной рукописи в старой караимской синагоге в Чуфут-Кале подробно описана самим Авраамом Фирковичем. По версии собирателя, рукопись никому не была известна, и он нашел ее в небольшой каморке под полом синагоги (Фиркович 1872: 11–12). Однако биограф Фирковича Эфраим Дейнард в своих путевых заметках по Крыму, описывая эту синагогу, не может не удержаться от следующего комментария: «В этом [молельном] доме под полом нашел Абен Решеф (имя Фирковича в среде караимов. — С.Я.) книгу Пророков на пергамене, огласованную и кантиллированную ассирийскими или вавилонскими [знаками] огласовки и кантилляции. Это несмотря на то, что караимы уже рассказывали про нее профессору Мурзакевичу в 1836 г. Но не мне и не здесь заниматься разбором фирковичевских знамений и чудес» (Дейнард 1839: 107).

Перевод:

1. Счастливым знаменем и благоприятным знаком пусть будет эта книга для нашего господина
2. *Ицхака* сына нашего господина *Иосефа* и потомка его *Иосефа* и *Давида* сына нашего господина *Ицхака*
3. и Господь Всемогущий да благословит их, хранит их, и даст им возможность постигать и изучать и выполнять
4. и осуществлять все заповеди, дабы унаследовали они оба мира [нынешнего и грядущего. — *С.Я.*] и пусть Он даст им награду
5. [предназначенную] совершенным. Доля досталась ему [владельцу. — *С.Я.*] в обители наслаждений⁴, честь и богатство и мощь
6. и могущество. Услада души и исцеление плоти⁵, благословения
7. бесконечные и изобилие дней. Простирать милость и нести сострадание. Руками
8. склонить главу противников. Пусть они [будут] унижены, а он вознесен на самую вершину.
9. И в изобилии дабы провел он долголетие [свое]. Хорошие слова — слова утешения.
10. Наследство благ обоих миров. *Ицхак* и сын его *Иосеф* и *Давид* да будут к жизни
11. оба вписаны. В книгу памяти с богобоязненными и совершенными. Как написано⁶:
12. «Тогда говорили богобоязненные друг другу: “И внемлет Господь и слышит
13. и записывается в памятную книгу пред ликом Его о богобоязненных и почитающих имя Его”⁷. “Ликованием возликует
14. Отец праведного, и породивший мудреца возрадуется ему”⁸. Все благословения, которые в Торе,
15. и все речения, которые в Писаниях, и предсказания, и утешения, и записи
16. в Последних Пророков, в устах каждого пророка и каждого провидца, исполнились и свершились
17. по отношению к нашему господину *Ицхаку* и *Иосефу* и *Давиду* сыну его. Аминь. И на всех, почитающих Закон Божий⁹
18. Аминь! Аминь! На вечные времена. Сэла! Навсегда!

В данном посвящении совершенно очевидно произошла замена имен собственных. Поздний владелец рукописи стер имя предыдущего владельца и вставил свое имя (*Ицхак бен Иосеф*) и имена своих сыновей (*Иосеф* и *Давид*)¹⁰. Интересно отметить, что, изменив имена, он не попытался внести в текст филологическую правку. При упоминании имен двух сыновей были оставлены соотносящиеся с ними существительные с притяжательными местоимениями единственного числа мужского рода¹¹.

⁴ Парафраз Псалмы 16:6.

⁵ Парафраз Притчи 16:24.

⁶ В оригинале аббревиатура — כ"ב.

⁷ Малахия 3:16.

⁸ Притчи 23:24.

⁹ В оригинале использовано слово «Тора» (ивр. תורה) — в узком значении Пятикнижие, шире — библейский Закон, или Закон Божий.

¹⁰ Эти имена в оригинале и переводе графически выделены *италиком*.

¹¹ Исключением является попытка изменить форму «צדק» (потомка его) на «צדקם» (потомков его) и форму «בן» (сын) на «בנים» (сыновья). Однако это объясняется тем, что в этих случаях не нужно было сильно деформировать текст (удалять слова или словосочетания и т.д.).

Однако еще первые составители каталога библейских рукописей Императорской публичной библиотеки Авраам Гаркави (1835–1919) и Герман Штрак (1848–1922) обратили внимание на то, что филологический анализ текста позволяет с большой долей вероятности реконструировать имя оригинального заказчика этой уникальной рукописи (Harkavy and Strack 1875: 226–227). Строки 5–10 текста содержат внутренний акrostих (не выделенный графически), который можно составить из первых букв цитируемых библейских стихов и парафразов: «хет» (ח), «каф» (כ), «мем» (מ) «бет» (ב), «нун» (נ), йод (י), «хе» (ה), «вав» (ו), «далет» (ד), «хе» (ה): Хахам бен Иехуда (ивр. חכם בן יהודה). Дополнительным аргументом в пользу того, что это имя было особо значимо для писца, может служить и выбор библейского стиха, цитируемого в строках 13–14 (Притчи 23:24): בו יגיל אבי צדיק וילד חכם ושמח בו («Ликованием возликует отец праведного, и породивший мудреца возрадуется ему»).

В данном контексте слово «хахам» (мудрый, мудрец) является существительным. Это нарицательное имя в ономастиконе восточных евреев превратилось в имя собственное. Замена имен в посвящениях и владельческих записях широко практиковалась в Средние века. Рукопись воспринималась как часть движимого имущества, и с момента изменения собственника имя старого владельца переставало быть релевантным.

Посвящения владельца рукописи религиозному учреждению

Данные посвящения фиксируют, как правило, определенный этап в истории рукописи, который может быть отдален на многие столетия от момента ее создания. Примером такого рода текстов могут служить посвящения библейского кодекса 1280 г. из собрания нашего Института.

Biblia Hebraica. Дамаск, писец: Якар ха-Леви, масорет: Шломо ха-Леви. 1592 г. по эре контрактов (1280–1281). 431 лист, листы пронумерованы карандашом в верхнем левом углу, сплошной нумерацией без лакун: 1–431. Листы 2-а, 111-а, 208-6, 310 и 431-6 — чистые. Пергамен, толстый, единой плотности и одного размера, отдельные листы с дырками. Стороны различаются по цвету (мясная сторона ярче), на отдельных листах видны следы луковиц волос (характерные черные точки). Регулярные тетради по V сдвоенных листов в каждой. Каждая тетрадь начинается с волосной стороны. 359×316 мм.

Колофоны, л. 431 recto.

Колофон писца:

כתבתי אני יקר הלוי בן משה בן שלמה בן אהרן בן ישראל הלוי בשנה אתקצ"ב לש[טרות] במדינה דמשק
 ילמדו יהיה לעשות רצונו ויגל עיניו להביט נפלאות מתורתו ככתוב גל עיני ואביטה נפלאות מתורתך ועוד יקים
 עליו מקרא שכתוב לא ימוש ספר התורה הזה מפיך והגית!

Перевод: «Переписал я, Якар ха-Леви бен Моше бен Шеломо бен Ахарон бен Исраел ха-Леви в год 1592¹² по эре контрактов в городе Дамаске. Да научит его Господь исполнять волю Свою, да откроет глаза его, чтобы видеть чудеса Закона Твоего, как написано: „Открой глаза мои, чтобы я видел чудеса из Закона Твоего“ (Пс. 119:18) и еще да исполнит он со мной изречение (מקרא) как написано: „Пусть не отходит эта книга Закона от уст твоих и поучайся...“ (Иис. 1:8)».

¹² В оригинале год передан цифровыми значениями букв еврейского алфавита — אתקצ"ב.

Колофон масорета:

נקדתי ושעמתי ומסרתי כל המקרא הזה בעזרת האל ברוך הוא אני שלמה בן משה בן שלמה הלוי ז"ל והאל ימחול לעונותי ויגל עיני בתורתו ברחמי הר' [בים] אם שגייתי ושעיתי במעשי ירחמי אלוה עושי

Перевод: «Вокализировал, акцентуировал, снабдил Масорой все это Писание с Божьей помощью, благословен Он, я, Шеломо бен Моше бен Шеломо ха-Леви, да будет память его благословенна¹³ и Бог простит грехи мои и откроет глаза мои учением Своим в милостях Своих обильных. А если я сделал ошибку или опisku, да сжалится надо мной Господь, Создатель мой».

Библиография: Гинцбург 2003: № 1; Якерсон 2008: № 40, 51, 76; Якерсон 2016: 71–90.

Хранение. ИВР РАН. Шифр: D 67.

Как мы видим, кодекс был изготовлен в Дамаске в 1280/81 г. Эта информация зафиксирована в колофоне писца. Но рукопись, помимо двух колофонов, содержит еще два посвящения. Первое посвящение написано на чистом л. 2 recto, предваряющем текст Пятикнижия:

קדש ליוי אלהים אלהי ישראל על עדות בני מקרא יש'צ'ויב' הקדיש אותה השר הגדול בישראל סגן הכהנים משה הכהן בן אברהם הכהן בן משה הכהן קריטה נען ברוך הקורא בה וארור גונב אותה וארור מוכרה ימחה שמו וזכרו ותהיה כבוד בבית התפילה במדינה דמשק

Перевод: «Посвящено Господу Богу, Богу Израиля для общины сынов Писания¹⁴, да хранит их Оплот и Избавитель их с благословением¹⁵. Посвятил ее великий муж Израиля, помощник Первосвященников, Моше ха-Кохен бен Аврахам ха-Кохен бен Моше ха-Кохен бен Карита, да пребывает душа его в раю вечно¹⁶. Благословен читающий ее и проклят ворующий ее и проклят продающий ее, да сотрется имя и память его. И пусть пребывает она в почете в молельном доме в городе Дамаске».

Второе посвящение написано на л. 111 recto, предваряющем текст книг Пророков:

קדש ליוי אלהי ישראל מישקהדישו משה הכהן בן אברהם הכהן בן משה הכהן אלמערוף באבן אללהאם נ"ע עלי גמאעה אלקראיין זכרם לברכה אמן נ"ס

Перевод: «Посвящено Господу Богу Израиля. А посвятил его Моше ха-Кохен бен Аврахам ха-Кохен бен Моше ха-Кохен прозванный Ибн ал-Лахам, да пребывает душа его в раю¹⁷. Для общины караимов, да будет память их благословенна. Аминь. Вечность. Сэла».¹⁸

Возможно, второе посвящение является косвенным свидетельством того, что на момент передачи Ибн ал-Лахамом рукописи в «святую общину» караимов Дамаска она еще не имела переплета и состояла из двух или трех разрозненных томов, которые были объединены в единое целое уже в общинном владении. Еще одним дока-

¹³ В оригинале аббревиатура ז"ל – זכרוננו לברכה.

¹⁴ Самоназвание караимов.

¹⁵ В оригинале аббревиатура с нестандартным окончанием ב' ישצוג' (?) – ישמרם צורם וגואלם בברכה (?)

¹⁶ В оригинале нестандартная аббревиатура נ"ע – נשמתו עדן נצח (?)

¹⁷ В оригинале аббревиатура נ"ע – נשמתו עדן.

¹⁸ В оригинале аббревиатура נ"ס – נצח סלה.

зательством того, что рукопись поступила в непереpletенном виде, служат короткие посвящения на верхних полях первых и последних листов отдельных тетрадей книг Пятикнижия. Повторяются два варианта записей: קדש ליי (Посвящено Господу) и קדש ליי אלהים אלהי ישראל (Посвящено Господу Богу, Богу Израиля). Все посвящения написаны караимским средневековым полукурсивом. Сложно определить, написаны ли они одной рукой, но, во всяком случае, можно точно сказать, что они написаны в рамках единой почерковой традиции в одно и то же время.

В левом нижнем углу л. 2 verso имеется полустертая, плохо читаемая приписка на арабском (в арабской графике) и еврейском языках:

תאריך יום תאני עשר שמה (?) جمادی ... سنة عشر و ثمان مائة (?) وكان تاریخ لليهود
שהד מרחשון אלף ושבוע מאות ושמה עשר שנים ...

Перевод: «(...) в 3-й день 12-го (числа) месяца (???) джумада (...) года. 810 (???)», а дата у евреев была месяц мархешван 1718 (по эре контрактов)...».

В приписке дважды дается дата, имеющая, очевидно, непосредственное отношение к рукописи: 3-й день 12-го числа месяца джумада и месяц хешван 1718 г. по эре контрактов. В мусульманском календаре два месяца джумада, поэтому без дешифровки стертого в надписи порядкового номера дата не является полной. Но в нашем случае она продублирована и в еврейском летосчислении, что позволяет ее уточнить: джумада 1-й 810 г. по хиджре и мархешван 1718 г. по эре контрактов практически совпадают и приходятся, соответственно, на периоды с 3.10–1.11 и 4.10–2.11 1407 г. по европейскому летосчислению. Правда, полного соответствия календаря и указанной в приписке даты не происходит, так как 12-е число джумада 1-го не выпадает на вторник (вторники 1-го джумада выпадают на 1, 8, 15 и 22). Однако это не выглядит противоестественным и могло быть вызвано различными причинами: малограмотностью автора записи, плохой ориентацией в календаре и т.д.

По мнению К.Б. Старковой, данная приписка принадлежит дарителю рукописи Моше ха-Кохену Ибн ал-Лахаму (Starkova 1974: 40). Подобное утверждение не исключено палеографически, так как посвящения и приписка написаны в одной почерковой системе — восточным полукурсивом, однако однозначно признать, что посвящения и приписка были написаны одной рукой, с нашей точки зрения, невозможно. Вызывает сомнение и стилистический аспект: ни в одном из посвящений не указана дата этого события, а в приписке она указана сразу в двух системах летосчисления и с использованием двух график (арабской и еврейской). Скорее можно предположить, что дата была обозначена принимающей стороной как свидетельство факта получения дара молельным домом. В любом случае двумя посвящениями и припиской отмечен второй этап бытования рукописи — передача ее из частных рук в общественное владение караимской общины в Дамаске в 1407 г., т.е. через 126–127 лет после ее изготовления.

Посвящения владельца рукописи какому-либо лицу

В определенных исторических обстоятельствах еврейские рукописи играли роль подарка мусульманскому или христианскому вельможе-покровителю. Они, в отличие от христианских теологов или ученых-гебраистов, не являлись прямыми «потребителями» данных текстов и воспринимали их как дорогие подношения. Подобные подносные экземпляры нередко сопровождалась благодарственными посвящениями.

Примером такого рода документа может служить библейский фрагмент из собрания ИВР РАН.

[Biblia Hebraica]. Фрагмент в два листа из книги Псалмов с вокализацией, акцентами, большой и малой масорой. Sine loco, scriptore et anno [Ашкеназ¹⁹, XIII(?)–XIV вв.]. 3 стлб., 31 строка. Пергамен. Размеры: 335×420 мм.

Один сдвоенный лист. Порядок листов спутан при переплете: л. 2 recto/verso — 1 recto/verso. Т.е. сдвоенный лист «вывернут наизнанку» и переплетен в таком виде.

Хранение: ИВР РАН. Шифр: D 105.

Библиография: Якерсон 2008: №; Лихачев 2012: № 345; Якерсон 2016: 120–133.

Фрагмент анонимен, но по косвенным данным кодикологического и палеографического анализа его можно локализовать геокультурным регионом Ашкеназ и датировать, с определенной долей условности, второй половиной XIII(?) и с большей долей вероятности XIV в.²⁰

На л. 2 verso (который содержит текст 119(118) псалма (стихи 112–155), в нижней части листа (по преимуществу — на внутренних полях) помещены два варианта посвящения (по-русски и на иврите) раввина Соломона Бейма князю Семену Михайловичу Воронцову.

Русский вариант посвящения:

«В знак отличного моего уважения и преданности его Сиятельству князю Семену Михайловичу Воронцову. Древние отрывки с псалма Давида на Еврейском языке начертанные около 1000 лет назад сему времени. Сентябрь 22-го дня 1851 г. Чуфут Кале. Раввин Соломон Бейм».

Вариант посвящения на иврите:

מנחת זכרון לתודות והלל לאדוננו וע"ר רק"ש שמחה ב"ר מיכאל ורנסוו השר הרחמן יר"ה בקלעא ט' תשרי
התרי"ב מאת עבד נאמן שלמה ביים

Перевод: «Памятное подношение в знак благодарности и прославления нашему господину и венцу главы нашей²¹ его высокопревосходительству Симхе, сыну Михаила, Воронцову, вельможе милостивому, да вознесется величие его в [Чуфут] Кале²², 9-го тишрея 5612 [года от Сотворения мира] от верного слуги Соломона Бейма».

Оба варианта посвящения содержат имена дарителя и получателя дара, название места и дату подношения, что позволяет не только определить, где находился фрагмент в 1851 г., но и вписать его в историко-культурный контекст эпохи.

¹⁹ В соответствии с принятой сегодня кодикологической классификацией геокультурных зон создания еврейской книги в Средние века термин «Ашкеназ» (ивр. אשכנז, 'ашк'наз) объединяет территории Центральной и Северной Франции, Англию, Германию и Восточную Европу (позднее Средневековье и Новое время).

²⁰ См. об этом подробно (Якерсон 2016: 122–125). В виде глоссы можно отметить, что данный фрагмент является одним из самых ранних образчиков ашкеназской рукописной традиции в собрании Института.

²¹ В оригинале все величательные эпитеты переданы в виде аббревиатур: ע"ר – עשרת ראשני, רק"ש – רום – קדושת שמו, יר"ה – ירום הודו

²² Чуфут-Кале расположен в центральной части Крымского полуострова. В переводе с крымско-татарского языка — «Еврейская крепость». Слово «Чуфут» имеет уничижительную или пренебрежительную коннотацию, и данное название скорее может переводиться как «Жидовская крепость». Именно поэтому сами евреи избегали употреблять слово «Чуфут» и обозначали город как просто «крепость» (Кале).

К моменту присоединения Крыма к России в 1783 г. на полуострове существовали две основные еврейские этноконфессиональные общности: евреев-крымчаков и евреев-караимов. Крымчаки исповедовали нормативный раввинистический иудаизм, основанный на талмудическом праве.

Принципиальным отличием караимов являлось отрицание сакральности талмудического текста и признание авторитета лишь текстов Еврейской Библии. Однозначный ответ на вопрос, когда крымчаки и караимы поселились в Крыму, найти трудно. Можно лишь отметить, что первое письменное свидетельство об их пребывании в Крыму датируется 1278 г.²³ К моменту присоединения Крыма к России Чуфут-Кале был практически полностью заселен караимами и являлся в некотором смысле караимской «столицей» Крыма.

Присоединение Крыма к России, естественно, требовало нового определения юридического и административного статуса его населения, в том числе и таких «экзотических» инородцев, как евреи-раввинисты и евреи-караимы. Опасаясь того, что они будут приравнены к евреям-ашкеназам, караимы начинают длительный процесс по получению особого статуса среди народов Российской империи. Этот процесс занял более семи десятков лет²⁴, но был караимами выигран...

Важнейшим этапом в процессе отмежевания от раввинистов стало формирование концепции отдельной караимской истории, в которой они представлялись как часть древнего автохтонного населения Крыма, проживавшего в этих местах испокон веков и не имеющего отношения к иудео-христианскому конфликту и формированию враждебной христианству талмудической концепции иудаизма. Центральными фигурами этой «караимской эпопеи» стали уже упоминавшийся выше общественный деятель, коллекционер и археолог Авраам Самуилович Фиркович и его младший сподвижник, автор посвящения Соломон Бейм.

Писатель, общественный и религиозный деятель, публицист, краевед и педагог Соломон Авраамович Бейм (1817/18–1867, Санкт-Петербург) был, пожалуй, самым «европеизированным» караимом своего времени. Он происходил из богатой семьи, получил хорошее образование (как религиозное, так и светское), владел несколькими восточными и европейскими языками. Бейм являлся автором нескольких книг (в частности, и по-русски) и основателем первой караимской школы (в Чуфут-Кале), в которой наравне с религиозными предметами изучались общеобразовательные дисциплины. Бейм сопровождал Фирковича в его знаменитом крымском «походе за рукописями» 1839–1840 гг., который превратился, по сути дела, в грабеж общинных библиотек, вскрытие гениз и конфискацию всего сколь-либо древнего рукописного материала. Результатом этого «похода» явилась так называемая Первая коллекция Фирковича, приобретенная в 1862 г. Императорской публичной библиотекой в Санкт-Петербурге²⁵.

В дальнейшем пути Фирковича и Бейма разошлись, но Бейм остался верен теории обособленного исторического прошлого караимов и древности их проживания на крымской земле. Именно в таком контексте и «работает» наш фрагмент.

²³ Так называемый «Спор о календаре», проходивший между караимами и раввинистами в Солхате в 1278 г. О гипотезах появления еврейских общин в Крыму см. (Кизилов 2011).

²⁴ Первые караимские петиции полетели в столицу буквально сразу после присоединения полуострова к России. Уже в 1795 г. караимы были освобождены от уплаты дискриминационного налога и получили право на приобретение земельной собственности, в 1827 г. они были освобождены от рекрутской повинности, а в 1863 г. были полностью уравнены в гражданских правах с коренным населением России.

²⁵ См. об этом подробно (Якерсон 2008: 26–37).

Основным действующим лицом российской администрации в процессе выяснения истории происхождения крымских караимов и их поселения в Крыму являлся всеильный новороссийский генерал-губернатор и полномочный наместник Бессарабской области граф Михаил Семенович Воронцов (1782–1856). Именно им был инициирован запрос Одесского общества истории и древностей о происхождении караимов²⁶, ответом на который и явилась экспедиция Фирковича-Бейма. В процессе этого «похода» Фиркович завладел огромным количеством древних рукописей. Отдельные рукописи прошли специальную обработку в «лаборатории» Фирковича: даты их переписки были изменены на более ранние, имена подправлены под караимские, на полях появились маргинальные записи, свидетельствующие о бытовании данных рукописей именно в Крыму в дни седой старины, и т.д.²⁷ В дальнейшем эти рукописи стали одним из важнейших аргументов караимов в борьбе за уравнивание в гражданских правах.

Фрагмент Бейма не имеет никаких фальшивых приписок и, тем не менее, также является одним из косвенных аргументов в «караимском вопросе»: Бейм дарит фрагмент сыну Михаила Семеновича, Семену Михайловичу Воронцову (1823–1882), который, являясь городским головой Одессы, унаследовал отцовское положительное отношение к «библейским иудеям».

Адепт библейского иудаизма, караимский *газзан* Соломон Бейм в караимской столице Чуфут-Кале подносит русскому сановнику в сентябре 1852 г. кусок древнего манускрипта с библейскими письменами и отмечает, что они были начертаны «около 1000 лет назад сему времени», т.е. в середине IX в. Текст посвящения не содержит каких-либо кодикологических пояснений об ашкеназском (т.е. заведомо некараимском) происхождении этого фрагмента и в таком контексте воспринимается как крымская находка, а значит, косвенно также является свидетельством древности проживания предков дарителя на полуострове.

Таким образом, это посвящение явилось еще одним (наряду с иными фальсификациями) аргументом караимов в системе доказательств древности их пребывания в Крыму и косвенным образом послужило искажению исторических фактов.

Подводя общий итог, можно отметить, что петербургские собрания содержат разнообразные образцы посвящений, позволяющие зафиксировать различные типы подобных записей в средневековых еврейских рукописях, провести их классификацию по подтипам и проанализировать их значение в книговедческом и историко-культурном контекстах.

Литература

Гинцбург 2003 — *Гинцбург И.И.* Каталог еврейских рукописей СПбФ ИВ РАН / *Gintsburg I.I.* Catalog of Jewish Manuscripts in the Institute of Oriental Studies. Memorial Edition. New York; Paris: Norman Ross Publishing Inc., 2003.

²⁶ Известный в науке как «Шесть вопросов к караимам»: «1. К какому народу принадлежат караимы и откуда они пришли? 2. Когда они пришли и что явилось тому причиной? 3. Каковы их отличительные качества и свойства и каковы их занятия? 4. Находились ли среди них прежде и находятся ли сейчас мужи знаменитые, прославленные в истории выдающимися благими деяниями? 5. Находятся ли в их распоряжении книги исторических повествований и правдивые документы, перешедшие им от предков, которые могли бы доказать древность их религии и веры? 6. По какой причине и в какое время они отделились от раввинистов и в чем состоит различие между ними в вопросах веры?» (Цит. в обратном переводе с иврита по (Фиркович 1872: 8).

²⁷ О фальсификациях Фирковича см., например (Якерсон 2008: 31–36).

- Дейнард 1875 — *Дейнард А.* Толедот Евен Решеф. Варшава, 1875 (иврит).
- Кизилов 2011 — *Кизилов М.Б.* Крымская Иудея. Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней. Симферополь: Доля, 2011.
- Лихачев 2012 — «Звучат лишь письмена...». К 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева. Каталог выставки. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2012.
- Фиркович 1872 — *Фиркович А.* Сефер Авнэ-зикарон. Сборник надгробных Еврейских надписей на Крымском полуострове, собранных ученым караимом... Часть I. Надгробные надписи. Часть II. Описание путешествий автора. Вильна, 1872 (иврит).
- Якерсон 2003а — *Якерсон С.М.* Еврейская средневековая книга: Кодикологические, палеографические и книговедческие аспекты. М.: РГГУ, 2003.
- Якерсон 2003б — *Якерсон С.М.* Избранные жемчужины. Уникальные памятники еврейской культуры в Санкт-Петербурге (рукописи, документы, инкунабулы, культовая утварь). СПб., 2003.
- Якерсон 2008 — *Якерсон С.М.* Еврейские сокровища Петербурга. [Т. 1] Свитки, кодексы, документы. СПб.: Арка, 2008.
- Якерсон 2016 — *Якерсон С.М.* От буквы к литере. Очерки по истории еврейской средневековой книги. СПб.: Контраст, 2016.
- Codex Babylonicus 1876 — *Prophetarum Posteriorum Codex Babylonicus Petropolitani*, edidit Hermann Strack. Editio Bibliothecae Publicae imperialis. Petropoli, MDCCCLXXVI.
- Codex Babylonicus 1971 — *Prophetarum Posteriorum Codex Babylonicus Petropolitani*... Intr. P. Wernberg-Moller. New York, 1971.
- Codices 1997 — *Codices hebraicis litteris exarati quo tempore scripti fuerint exhibentes: Tome I (jusqu'à 1020)*. M. Beit-Arie, C. Sirat, M. Glazer... S. Iakerson... Turnhout, Brepols, 1997.
- Codices 1999 — *Codices hebraicis litteris exarati quo tempore scripti fuerint exhibentes: Tome II (de 1021 à 1079)*. M. Beit-Arie, C. Sirat, M. Glazer... S. Iakerson... Turnhout, Brepols, 1999.
- Codices 2002 — *Codices hebraicis litteris exarati quo tempore scripti fuerint exhibentes: Tome III (de 1085 à 1140)*. M. Beit-Arie, C. Sirat, M. Glazer... S. Iakerson... Turnhout, Brepols, 2002.
- Harkavy, Strack 1875 — *Harkavy A., Strack H.* Catalog der Hebräischen Bibelhandschriften der Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek in St. Petersburg. Erster und Zweiter Theil. St. Petersburg, Leipzig, 1875 (Catalog der Hebräischen und Samaritanischen Handschriften der Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek in St. Petersburg. Band 1).
- Pinner 1845 — *Pinner E.* Prospectus der Odessaer Gesellschaft fuer Geschichte und Alterthuemer gehoerenden aeltesten hebraeischen und rabbinischen Manuscripte. Odessa, 1845.
- Starkova 1974 — *Starkova K.B.* Les plus anciens manuscrits de la Bible dans la collection de l'Institut des Etudes orientales de l'Académie des sciences de l'U.R.S.S // La paléographie hébraïque médiévale. Paris 11–13 septembre 1972. Paris: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1974. P. 37–41, Pl. VIII–XI.

References

- Codices hebraicis litteris exarati quo tempore scripti fuerint exhibentes: Tome I (jusqu'à 1020)*. M. Beit-Arie, C. Sirat, M. Glazer... S. Iakerson... Turnhout, Brepols, 1997 (in France).
- Codices hebraicis litteris exarati quo tempore scripti fuerint exhibentes: Tome II (de 1021 à 1079)*. M. Beit-Arie, C. Sirat, M. Glazer... S. Iakerson... Turnhout, Brepols, 1999 (in France).
- Codices hebraicis litteris exarati quo tempore scripti fuerint exhibentes: Tome III (de 1085 à 1140)*. M. Beit-Arie, C. Sirat, M. Glazer... S. Iakerson... Turnhout, Brepols, 2002 (in France).
- Deinard A. *Toledot Even Reshef*. Warsaw, 1875 (in Hebrew).
- Firkovich A. *Sefer Avne-zikkaron* [The Book of Memorial Stones]. Vilno, 1872 (in Hebrew).
- Gintsburg I.I. *Catalog of Jewish Manuscripts in the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. Memorial Edition. New York–Paris, 2003 (in English).

- Harkavy A. and Strack H. *Catalog der Hebräischen Bibelhandschriften der Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek in St. Petersburg*. Erster und Zweiter Theil. St. Petersburg, Leipzig, 1875 (Catalog der Hebräischen und Samaritanischen Handschriften der Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek in St. Petersburg. Band 1) (in German).
- Iakerson S.M. *Evreiskaia srednevekovaia kniga: kodikologicheskie, paleographicheskie, i knigovedcheskie aspekty* [Hebrew Mediaeval Book: Codicological, Paleographical and Bibliographical Aspects]. Moscow: RGGU, 2003 (in Russian).
- Iakerson S.M. *Izbrannue zhevchuzheny. Unikal'nye pamiatniki evreiskoi kul'turs v Sankt-Petersburge (rukopisi, dokumenty, inkunabuky, kul'tovaia utvar')* [Selected Pearls. Treasures of Jewish Culture in St. Petersburg (Manuscripts, Documents, Incunabula, Ritual Objects)]. St. Petersburg, 2003 (in Russian).
- Iakerson S.M. *Evreiskie sokrovishcha Peterburga [Tom 1]. Svitki, kodeksy, dokumenty* [Jewish Treasures of Petersburg (Vol. 1). Scrolls, Codices, Documents]. St. Petersburg: Arka, 2008 (in Russian).
- Iakerson S.M. *Ot bukvy k litere. Ocherki po istorii evreiskoi srednevekovoï knigi* [From Letter to Type. Essays on the History of the Medieval Hebrew Book]. St. Petersburg: Kontrast, 2016 (in Russian).
- "In Written words alone...". On the 150th Anniversary of the Birth of Academician Nikolay Petrovich Likhachev. Exhibition Catalogue. St. Petersburg, 2012 (in Russian).
- Kizilov M. *Crimean Judea. Notes on the History of the Jews, Khazars, Karaites and Krymchaks in the Crimea since Ancient Times*. Simferopol: Dolia, 2011 (in Russian).
- Pinner E. *Prospectus der Odessaer Gesellschaft fuer Geschichte und Alterthuemer gehoerenden aeltesten hebraeischen und rabbinischen Manuscripte*. Odessa, 1845 (in German).
- Prophetarum Posteriorum Codex Babylonicus Petropolitanus*, edidit Hermann Strack. Editio Bibliothecae Publicae imperialis. Petropoli, MDCCCLXXVI (in Latin).
- Prophetarum Posteriorum Codex Babylonicus Petropolitanus...* Intr. P. Wernberg-Möller. New York, 1971 (in English).
- Starkova K.B. "Les plus anciens manuscrits de la Bible dans la collection de l'Institut des Etudes orientales de l'Académie des sciences de l'U.R.S.S.". In: *La paléographie hébraïque médiévale. Paris 11–13 septembre 1972*. Paris, Editions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1974, pp. 37–41, pl. VIII–XI (in France).

Dedications in Hebrew Manuscripts as a Source of Information and Disinformation

(Pis'mennye pamyatniki Vostoka, 2017, volume 14, no. 3 (issue 30), pp. 85–96)
Received 17.04.2017.

Shimon M. Iakerson

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The present article deals with one kind of marginal texts in the Hebrew Manuscripts — dedications. Various kinds of dedications — of a scribe to an patron, of an owner to the synagogue or to some noble person are observed and analysed using as samples manuscripts from the collections of the Russian National Library and the Institute of Oriental Manuscripts.

Key words: Dedications, Hebrew manuscripts, Hebrew Bible, Karaites, Codices, Crimea, Damascus.

About the author:

Shimon M. Iakerson, Dr. Sci. (History), Leading Researcher of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, IOM RAS (shiakerson@yandex.ru).

Двуязычная отрицательная рецензия на полях рукописного арабо-христианского трактата по метеорологии

М.А. Козинцев

Институт восточных рукописей РАН

С.А. Французов

Институт восточных рукописей РАН,
Восточный факультет СПбГУ,
НИУ Высшая школа экономики

В статье рассмотрена двуязычная приписка на арабском и османском языках к уникальной арабо-христианской рукописи середины XVII в. из собрания ИВР РАН (В 1234), содержащей трактат по метеорологии, автором которого ошибочно считается антиохийский диакон 'Абдаллах б. ал-Фадл (XI в.). Показано, что эта билингва, несомненно составленная мусульманином в 1823 г., представляет собой настоящую отрицательную рецензию на данное сочинение, которое к началу XIX в. безнадежно устарело. В статье дан филологический анализ арабского и османского текстов приписки.

Ключевые слова: арабо-христианские рукописи, приписки к рукописям, билингвы, средневековая ближневосточная метеорология.

Статья поступила в редакцию 01.02.2017.

Козинцев Марк Альвиевич, магистр востоковедения и африканистики, внештатный сотрудник сектора Центральной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН, РФ; 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (m.kozintcev@mail.ru).

Французов Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий Отделом Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (serge.frantsouzoff@yahoo.fr).

© Козинцев М.А., 2017

© Французов С.А., 2017

Среди рукописей, переданных в дар Николаю II по случаю 300-летия Дома Романовых антиохийским патриархом Григорием IV ал-Хаддāдом в 1913 г. и после их национализации поступивших в Азиатский музей РАН в 1919 г., несколько особняком как по содержанию, так и по более чем скромному исполнению стоит бумажный список В 1234, содержащий трактат по метеорологии и разным природным явлениям под заглавием *Ta'ṣīrāt al-djaww al-muxtasṣ bi-'ilm al-falṣafa* «Воздействия атмосферы — то, что относится к философской науке» (л. 1.5–6). Авторство его приписывается, в том числе на титульном листе этого списка (л. 1.14–18), известному арабо-православному церковному писателю и переводчику диакону 'Абдаллаху б.

ал-Фадлу ал-Анṭākī (ум. после 1052 г.)¹, впрочем, без достаточных на то оснований². В справочной литературе этот трактат помечен как уникальный³.

Список форматом 21,8×14,7 см включает в себя 82 листа пожелтевшей от времени европейской бумаги с неясными водяными знаками и два охранных листа. Структура списка: 01, 1–6x, 7iv, 8x, 9viii, 001. На страницу в среднем приходится 17 строк текста размером 16,0×9,4 см, имеются кустоды и *мистара*. Переплет восточный, без клапана, из коричневой кожи с тиснением в виде четырех фигурных треугольников по углам, медальона в центре и двух розеток сверху и внизу от него, с растительным орнаментом внутри этих фигур. Согласно колофону, рукопись была переписана в Дамаске 16 нисана 7156 г. от Сотворения мира (= 16 апреля 1648 г. по старому стилю) иеромонахом Софронием, сыном Моисея, сыном Моисея, сыном паломника Соломона, родом из (ливанского) Триполи (л. 82.12–16)⁴.

Среди нескольких приписок, оставленных в начале и в конце этого тома, выделяются два параллельных текста, выполненных одной рукой на лицевой стороне заднего защитного листа (л. 001; см. илл. 1), один — на арабском, другой — на османском языке. Ниже приведено их издание с переводом и комментарием.

П р и п и с к а , текст на арабском языке, л. 001.1–6 (илл. 2):

قد نظر بما فيه نظرًا جيّدًا وانه مملو نتائج طوال عديمين الاخره وعلى حسب ظنى انه ما يمكن احد يقرأ به / ألا
 ويزعل في طول نتايجه وهذا شى عابته تجريبًا لا فى قصده امتلك منه منفعة ما فمن / طول نتايجه وديعة اخلاقى لم
 استطعت امتلك شيئًا ولهذا سميتُه كثير اللهايج / طويل النتائج والله يرحم لكاتبه من كونه طويل اناه وسبع الباطن
 فاضى الفكره / هكذا انتجنا من نسخه هذا الكتاب البارذ ومن كونه مسيحى الله / يرحمه /

П е р е в о д :

Просмотрел то, что в ней, взором превосходным, и подлинно она полна длинных бесконечных заключений, и, по моему мнению, никто не может прочесть их без того, чтобы не испытать раздражения из-за растянутости ее заключений. А это — то, с чем я столкнулся воочию на опыте не в одном (лишь) фрагменте, занимаясь извлечением из нее какой-либо пользы. И вот из-за растянутости ее заключений при кротком моем нраве не сумел я извлечь ничего и потому назвал я ее болтливо-многословной, с длиннотами в заключениях. И да смилостивится Аллах над тем, кто написал ее из-за сущности его чрезмерно медлительной, раздутой содержанием, пустой мыслями. Таковое мы вынесли суждение из списка этой несносной книги и из того, что он (автор) — христианин. Аллах да смилостивится над ним.

Ф и л о л о г и ч е с к и й к о м м е н т а р и й :

Язык приписки следует охарактеризовать как пост-классический арабский (или среднеарабский). На это, в частности, указывает такая форма, как *'adīmīna-l-āḫira* (вместо требуемой правилами классической грамматики *'adīmī-l-āḫira*). Кроме того,

¹ См. о нем подробнее (Панченко 2000).

² Так, по мнению И.Ю. Крачковского, «принадлежность сочинения упомянутому лицу очень сомнительна» (Крачковский 1960: 442).

³ Graf 1947: 64. Возможно, его часть или сокращенный вариант на семи листах хранится под шифром Vermelho 597 в собрании Лиссабонской Академии наук, см.: Serikoff *et al.* (forthcoming).

⁴ Детальное кодикологическое и археографическое описание списка В 1234 см.: Serikoff *et al.* (forthcoming).

83

X

در نظر باید نظر امید و آنکه ملونیاچ طول عدیدینو کوفه و محلی غنی انه ما میکن امدت از آب
 آد و برعل و طول نیاچ و هذاشو عابنته تجیبا لوفه قصده استلکو من سفعة ما من
 طول نیاچ و دیقه افدوه لم استطعت استلکو شیا و هذاسمیه کثیره الراج
 طول نیاچ و دریم کاتیه مکوه طول اناه و سبع جباطن فاضی منک
 لکن اینجاه نسخ هذ الکتاب باره در کونو سبجی اسم
 بره

بنه که بو تکابده نظر ایدم مکرر لوظوفه معنه و در فکوه ایدم که کیمه او تویدر بو تکابده زیره
 لوظوفه تجر سنده لوصدر تجر ایدم کورم ذره قصده لیدم که بر شعی قز نیم لوظوفه
 نیجده زنده و در فیم دار لوظوفه ایدم مودم و لوظوفه سمیه بی ایدم
 کثیره الراج طول نیاچ هوشندی رطه نلی در هسنه رطه ذره قیدی صاود
 و ایدم لسی انبی و فکری بوش بر ایدم کور دلی و در فیم سنانه لوظوفه
 ایدم رطه ایدم جابنته لسی

۴۵ اداد ۱۸۴۳

۴۵ اداد ۱۸۴۳

۰۰۱

Приписка, текст на османском языке, л. 001.7–12 (илл. 3):

بن که بو کتابده نظر ایلدم مه کرم اوظون معنه و دخی فکر ایلدم که کیمسه او قویه مز بو کتابده زیره / اوظون نتجه سندن اوصه مز تجربه ایله کوردم زیره قصد ایلدم که بر ننعی قز نه یم اوظون / نتایجلا رندن و دخی قلبم دار اولدغندن ایده مه دم و بو اجلدن تسمیه سنی ایلدم / کثیر اللهایچ طویل النتایج خوشندی یظه نن روحینه رحمة زیره قلبی صاورق / و ایجاریسی اینی و فکری بوش بویله کوردک و خریستیان اولدغو / اجله الله رحمة ایلسن جانینه امین

Транскрипция⁷:

Ben ki bu kitabda nazar eyledim, megerem uzun mana, ve dahi fikr eyledim ki kimse okuyamaz bu kitabda zîra uzun net[i]cesinden usamaz, tecrübe ile gördüm zîra kasd eyledim ki bir şey kazanayım uzun neticelerinden, ve dahi kalbim dar olduğundan edemedim, ve bu ecilden tesmiyesini eyledim *kathîr al-lahâ'idjî şawîl an-natâ'idjî*. Hoşnudi yazanın ruhine rahmet zîra kalbi savrık ve içerisi ayunî ve fikri boş böyle gördük. Hristiyan olduğu *adjalla-hu-l-lâhu*, rahmet eylesin canına. Amin!

Перевод:

Я же осмотрел эту книгу, невзирая на пространный смысл [её], и к тому же пришёл к мысли, что никто не сумеет прочесть [чего-либо] в этой книге, ибо не сумеет постичь [её], — это я увидел на опыте, ведь намеревался что-нибудь почерпнуть из её растянутых выводов, и также не сумел, оттого что у меня не хватило душевных сил; и по этой причине я назвал её «пространно-многословной с долгими заключениями». Да снизойдёт милость на дух довольного [человека, её] писавшего, ибо сердце его не ведаёт, что говорит, и внутреннее [содержание] его болтливое, и мысли его пусты, — так мы увидели. Да простит ему Аллах то, что он христианин, и да ниспошлёт душе его прощение. Аминь!

Филологический комментарий:

Текст приписки, написанный на османском языке, по содержанию тождествен арабоязычному. Он состоит из шести выровненных по центру и неравных друг другу по длине строк; каждая следующая строка короче предыдущей: такая форма бывает характерна для приписок, в особенности для колофонов.

При сопоставлении текстов данной билингвы удалось установить, что ее османская часть близка не только семантически, но и текстуально к ее арабской части, явно составленной тем же автором. Стоит заметить, что подобное соответствие наложило отпечаток на структуру османского текста и вынуждает автора адаптировать его под иноязычные синтаксические нормы. В этом ему помогает обращение к индоевропейским моделям, которые прочно закрепились в османской литературной традиции. При этом тюркская структура предложений также представлена. Можно сказать, что грамматика текста характеризуется типичным для османского языка сочетанием тюркских и индоевропейских элементов. Так, сложноподчиненные предложения индоевропейского типа вводятся при помощи союзов *ki* «что, чтобы» и *zîra* «ибо, потому что». Часто эти союзы употребляются в одном сложноподчиненном предложении, создавая цепочку придаточных. Тюркский синтаксис представлен мало: индоевропейский заметно преобладает над ним. Однако стоит отметить наличие тюркской

⁷ Полу жирным курсивом выделены цитаты по-арабски, затранскрибированные согласно правилам арабской грамматики.

обстоятельственной конструкции, в частности формы обстоятельства причины с показателем — *dlğIndan*.

В данном тексте есть также ряд примечательных орфографических и грамматических особенностей. В начале первого предложения имеет место нетипичное падежное управление: глагол *nazar eylemek* «рассматривать, созерцать» управляет дательным падежом, а не местным, как в данном случае. Написание тюркского прилагательного *uzun* «длинный» через *ظ* (вместо *ز*) также весьма необычно и является, пожалуй, наиболее яркой особенностью орфографии данного текста.

Что касается стилистики, то, если не считать синтаксической неоднородности, описанной выше, можно отметить некоторые перебои. К примеру, в начале автор говорит о себе в первом лице единственном числе, но в конце переходит на множественное. Кроме этого, в перегруженном придаточными предложениями тексте порой сложно установить синтаксические связи. Особенно сильно это ощущается в конце третьей и начале четвертой строки, где развернутое определение, представляющее собой цитату на арабском языке, помещено после финитной формы.

Цитирование автором собственных слов из параллельного текста также заслуживает внимания. Автор, очевидно, в совершенстве владеющий арабским языком, предполагает наличие такого же уровня у читателя, в связи с чем цитирует сам себя дословно, не стремясь перевести цитату на османский язык. В остальном при транскрибировании текста приписки за основу была принята современная турецкая фонетическая норма; при этом там, где возможно, учитывалось арабографичное написание некоторых аффиксов и лексем. Приближение к современной норме продиктовано прежде всего тем, что этот текст — сравнительно поздний (начала XIX в.)⁸. Знаки пунктуации, также отсутствующие в оригинале, добавлены по необходимости.

Непосредственно под билингвой помещена датировочная формула, выполненная тем же почерком (л. 001.13)⁹:

٢٥ ادار سنه ١٨٢٣ مسيحيه¹⁰ /

25 адара (марта) 1823 года по христианскому летоисчислению.

Содержание приписки, представляющей собой довольно точную арабо-османскую билингву, не оставляет сомнений в том, что это — настоящая отрицательная рецензия на приведенное в рукописи сочинение. Возникает вопрос, насколько она оправдана. О том, что «темна вода во облацех воздушных» (Пс. 17.12), знали еще в глубокой древности, и отношение к изысканиям в области метеорологии было и остается весьма критическим. В данном же случае в руки образованному мусульманину, жившему в 1823 г., накануне радикальных реформ в империи Османов, и, по всей видимости, знакомому с европейской культурой, попал средневековый трактат, полный всякого рода нелепиц. Достаточно обратиться к его разделу, озаглавленному *al-Ḳaṭl fī-ṣ-ṣawā' iḡ* «Слово о молниях» (л. 13об.11–17об.9), где, в частности, говорится: «Так знай, что молния никогда не попадет на землю, пока не опередит ее сильный ужасный гром»¹¹, — чтобы понять, насколько негативная оценка данного

⁸ См. ниже их датировку.

⁹ Приведенная еще ниже надпись по-гречески не могла принадлежать автору приписки, хотя бы потому, что он — мусульманин.

¹⁰ Точки под первым *ya'* не проставлены.

¹¹ В 1234, л. 14.12–13:

واغلم ان الصاعقه لا تقع على / الارض ابداً حتي يسبقها رعداً (sic) شديد هائل ،

сочинения, выраженная не назвавшим свое имя мусульманином в начале позапрошлого столетия, оправдана. Как известно, молния всегда предшествует грому, поскольку свет распространяется во много раз быстрее звука.

Впрочем, как источник для изучения расхожих средневековых заблуждений сохранившийся в рукописи В 1234 трактат имеет определенную ценность.

Литература

- Ибн Манзур 1300 — *Ибн Манзур, Джамал ад-Дин Мухаммад б. Мукаррам ал-Ифрйкй ал-Мисрй ал-Ансарй*. Лисан ал-'араб. Ат-Таб'а ал-уля. Дж. 3. Буляк: ал-Ма'ба'а ал-мйрйа, 1300 г. хиджры.
- Крачковский 1960 — *Крачковский И.Ю.* Арабские рукописи из собрания Григория IV, патриарха антиохийского (Краткая опись) // *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. Т. VI. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960. С. 423–444.
- Панченко 2000 — *Панченко К.А.* Абдаллах ибн аль-Фадль Антиохийский // *Православная энциклопедия*. Т. I. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. С. 39.
- Dozy 1881 — *Dozy R.* Supplément aux dictionnaires arabes. T. 2. Leyde: E.J. Brill, 1881.
- Graf 1947 — *Graf G.* Geschichte des christlichen arabischen Literatur. 2. Bd. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1947.
- Serikoff et al. (forthcoming) — *Serikoff N., Frantsouzoff S., Polosin Val., Polosin V.* A Descriptive Catalogue of the Christian Arabic Manuscripts Preserved in the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences / Ed. by N. Serikoff with contributions by H. Teule, C. Walbner and H. Kilpatrick. Leuven: Uitgeverij Peeters (forthcoming) (Corpus of Illuminated Manuscripts, vol. 13, Oriental Series 4 / Ed. by J. van der Stock).

References

- Ibn Manzūr, Djamāl al-Dīn Muḥammad b. Mukarram al-Ifriqī al-Miṣrī al-Anṣārī. *Lisān al-'arab* [The Language of the Arabs]. Dj. 3. 1st edition. Būlāq: al-Maṭba 'a al-mīrīya, AH 1300 (in Arabic).
- Krachkovsky, I.Yu. “Arabskie rukopisi iz sobraniia Grigoriia IV, patriarkha antiokhiiskogo (Kratkaia opis’)” [Arabic Manuscripts from the Collection of Gregory IV, the Patriarch of Antioch (Shorter Inventory)]. In: *Krachkovsky, Ignatius. Izbrannye sochineniia* [Selected Works], vol. VI. Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960, pp. 423–444 (in Russian).
- Panchenko, C.A. “Abdallah ibn al’-Fadl’ Antiokhijskij” [‘Abdallāh b. al-Faḍl of Antioch]. In: *Pravoslavnaia Entsiplopediia* [Orthodox Encyclopaedia], vol. I. Moscow: Ecclesiastic and Scholarly Center “Pravoslavnaia Entsiplopediia”, 2000, p. 39 (in Russian).
- Dozy, Reinhart. *Supplément aux dictionnaires arabes*, vol. 2. Leyde: E.J. Brill, 1881 (in French).
- Graf, Georg. *Geschichte des christlichen arabischen Literatur*. 2. Bd. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1947 (in German).
- Serikoff, Nikolai and Frantsouzoff, Serge and Polosin, Valéry and Polosin, Voldemar. *A Descriptive Catalogue of the Christian Arabic Manuscripts Preserved in the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*: Ed. by Nikolaj Serikoff with contributions by Hermann Teule, Carsten Walbner and Hilary Kilpatrick. Leuven: Uitgeverij Peeters (forthcoming) (Corpus of Illuminated Manuscripts, vol. 13, Oriental Series 4. Ed. by J. van der Stock) (in English).

A Negative Review in Two Languages on the Margins of a Handwritten Treatise on Meteorology

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2017, volume 14, no. 3 (issue 30), pp. 97–104)
Received 01.02.2017.

Marc A. Kozintcev

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaya naberezhnaia 18,
St. Petersburg, 191816 Russian Federation.

Sergey A. Frantsouzoff

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaya naberezhnaia 18,
St. Petersburg, 191816 Russian Federation;

Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University;

National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg.

The article examines a bilingual note in Arabic and Ottoman Turkish on the unique Arabic Christian manuscript from the collection of the Institute of Oriental Manuscripts in St. Petersburg (B 1234). This copy contains a treatise on meteorology mistakenly ascribed to the deacon from Antioch 'Abdallāh b. al-Faḍl (11th century AD). The article demonstrates that the above-mentioned bilingual note was undoubtedly composed by a Muslim in 1823, and represents a real negative review of that work. The article suggests philological analysis of the Arabic and Ottoman Turkish texts of the note.

Key words: Arabic Christian manuscripts, notes to manuscripts, bilingual texts, medieval Middle Eastern meteorology.

About the authors:

Marc A. Kozintcev, Master of Asian and African Studies, Nontenured Employee of the Department of Central Asian and South Asian Studies, IOM RAS (m.kozintcev@mail.ru).

Serge A. Frantsouzoff, Dr. Sci. (History), Head of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, IOM RAS (serge.frantsouzoff@yahoo.fr).

Некоторые материалы по тибетологии из фонда Б.И. Панкратова в АВ ИВР РАН. Часть 1. Материалы по тибетско-монгольской иконографии

А.В. Зорин

Институт восточных рукописей РАН

Статья вводит в научный оборот некоторые документы из фонда Б.И. Панкратова, имеющие большое значение для истории российской тибетологии и буддологии. В первой части рассматриваются черновые материалы, отражающие начальный этап работы Б.И. Панкратова со сборником садхан Чин-судзукту-номун-хана (XVIII в.), который, по всей видимости, был переведен им для пекинского Института китайско-индийских исследований в первой половине 1930-х годов, а также две буддийских иконы.

Ключевые слова: архивные документы, Б.И. Панкратов, буддийская иконография, Чин-судзукту-номун-хан, садханы.

Статья поступила в редакцию 30.03.2017.

Зорин Александр Валерьевич, канд. филологических наук, старший научный сотрудник Отдела рукописей и документов ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (kawi@yandex.ru).

© Зорин А.В., 2017

Борис Иванович Панкратов (1892–1979) — выдающийся отечественный востоковед, отличавшийся широкими познаниями в таких областях науки, как синология, маньчжуроведение, монголоведение, тибетология, буддология. В частности, он был подлинным знатоком тибетско-монгольской буддийской иконографии, которой много занимался во время своей жизни в Китае, в особенности в период работы в Институте китайско-индийских исследований Гарвардского университета в Пекине в 1929–1935 гг. (Кроль 1998: 17–18). Будучи сотрудником Института востоковедения АН СССР (с 1956 г. — Ленинградского отделения ИВ АН СССР), Б.И. Панкратов не раз выступал в поддержку начинаний, связанных с развитием тибетологии и буддологии в нашей стране¹. Достаточно упомянуть его роль в реализации идеи о передаче здания Ленинградского буддийского храма ИВ АН СССР с целью создания там музея буддийской культуры², а также попытки организовать работу по инвентаризации Тибетского фонда Института в послевоенный период (Зорин 2014а: 157). При этом непосредственно перед началом Великой Отечественной войны Б.И. Панкратов лично

¹ Первый период его работы в ИВ АН — это 1935–1942 гг., затем, после второй командировки в Китай, он вернулся в Институт и работал в нем в 1948–1963 гг. до ухода на пенсию. Разумеется, в данном контексте речь идет в основном о втором периоде его работы в ИВ АН / ЛО ИВ АН СССР.

² См. его доклад «О восстановлении буддийского храма» / АВ. Ф. 145. Оп. 1. Ед. хр. 178.

произвел весьма трудоемкую работу с многочисленными новыми материалами фонда, о чем следует сказать особо.

При работе над историей формирования и обработки Тибетского фонда Азиатского музея—Института востоковедения (ныне ИВР РАН), основанной на изучении архивных документов, прежде всего фонда 152 СПбФ АРАН, хранящегося в АВ ИВР РАН, я упустил из виду, что в советский период к разбору рукописей могли привлекаться не только сотрудники непосредственно Рукописного отдела ИВ АН СССР. Поэтому в указанной выше статье не отражен факт непродолжительной работы Б.И. Панкратова в Тибетском фонде, о чем свидетельствует его отчет за 1941 г.³. После того как в 1937 г. из Института была уволена Н.П. Ярославцева-Вострикова, плодотворно занимавшаяся инвентаризацией Тибетского фонда (Там же: 147–150), эта работа оставалась незавершенной, к тому же в фонд поступило большое количество книг из бурятских дацанов. В 1939–1940 гг. к инвентаризации привлекались студенты ЛГУ Прохоренко и И.С. Рабинович. Первый проработал с 15 февраля по 8 сентября 1939 г., второй — с 15 февраля 1939 г. по 30 сентября 1940 г. (СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 656. Л. 4об.; Ед. хр. 712. Л. 22). С октября 1940 г. к работе в фонде приступил Б.И. Панкратов. За несколько месяцев он, как следует из отчета, произвел первичный разбор колоссального количества текстов из бурятских дацанов. Можно лишь сожалеть о том, что начало военных действий прервало эту работу⁴.

³ «По поручению Дирекции И-та востоковедения в 1941 году я должен был закончить предварительную разборку тибетских и монгольских рукописей и ксилографов, привезенных из БМ АССР в 1940 году. Эта работа была начата мною в октябре 1940 г. и к 1-му июня 1941 года первый и самый неприятный этап — вскрытие ящиков, развертывание свертков с книгами, сортировка по содержанию и авторам — был приведен к концу. В круглых цифрах работа выражается следующим образом:

Свертков	10.000
Книг в свертках	25.000

Книги были разобраны по следующим разделам:

1. Полные собрания сочинений тибетских буддийских философов и отцов церкви.
2. Исторические сочинения.
3. Биографии.
4. Догматика.
5. Философия.
6. Учебники.
7. Служебники церковные.
8. Дидактические сочинения.
9. Отдельные перепечатки из буддийского канона.
10. Буддийский канон (Ганджур и Данджур).

К сожалению[,] с 1-го июля дальнейшая работа в связи с войною была прекращена, а теперь, после подготовки к эвакуации и перевозки (sic) разобранных мною фондов в различные помещения Института для заполнения шкафов, если она и будет продолжена, то в значительной мере придется снова проделать классификацию по вышеуказанным 10 разделам, т.к. при переноске и распределении книг по шкафам порядок был нарушен» (СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 751. Л. 15–16). Указание на этот документ я несколько запоздало обнаружил в статье Ю.Л. Кроля (Кроль 1998: 23).

⁴ В связи с этим я также должен скорректировать суждение, высказанное в другой статье: «Печальный парадокс истории состоял в том, что, когда Тибетский фонд ИВ АН СССР значительно увеличился в объеме, окончательно превратившись в один из величайших памятников буддийской культуры в мире, обрабатывать его на долгое время стало некому» (Зорин 2014б: 455). Невозможно сомневаться в том, что Б.И. Панкратов мог провести всю необходимую инвентаризационную работу, столь успешно им начатую, не случись новый трагический поворот в судьбе нашей страны. К сожалению, сути дела эта неточность не меняет: действительно «систематическая обработка фонда возобновилась только в середине 1960-х гг.» (Там же).

После смерти ученого в ЛО ИВ АН СССР был передан его архив⁵, выделенный в личный фонд 145 и весьма тщательно описанный К.В. Дубковым⁶ в 1981–1984 гг. В 1998 г. наиболее пригодные к печати работы Б.И. Панкратова из этого фонда легли в основу специально посвященного ему 29-го выпуска сборника «Страны и народы Востока», подготовленного одним из учеников Панкратова Ю.Л. Кролем.

В 2015 г. в фонде Б.И. Панкратова мной были обнаружены некоторые иные документы, имеющие первостепенное значение, по крайней мере, для истории отечественной тибетологии и буддологии. Речь идет, во-первых, о материалах по буддийской иконографии, принадлежавших Б.И. Панкратову, во-вторых, о трудах таких его выдающихся коллег, как акад. Ф.И. Щербатской (1866–1942) и А.И. Востриков (1902–1937). Рассмотрению этих материалов посвящены первая и вторая части данной статьи соответственно.

В своем введении к публикации отзыва Б.И. Панкратова на малоудачное издание Л.Н. Гумилева «Старобурятская живопись» (Гумилев 1975) Е.Д. Огнева отмечала, что Борису Ивановичу «принадлежит перевод 300 *садхан*, на основе которых Ролби Дорджэ, Чжанчжа Хутухта II (1717–1786), составил свой сборник „300 *бурханов*“ (буддийских изображений). Работа была выполнена в 1929–1935 годах для Института китайско-индийских исследований⁷» (Панкратов 1998: 289). Аналогичное упоминание содержится и в биографическом очерке о Б.И. Панкратове, составленном Ю.Л. Кролем (Кроль 1998: 18). Эту информацию они почерпнули из материалов личного дела Б.И. Панкратова. Однако из этого сообщения было неясно, о каком именно сборнике идет речь, а также о том, сохранился ли указанный перевод до наших дней. Если на второй вопрос ответа пока нет⁸, то первый удалось решить при изучении двух единиц хранения в фонде Б.И. Панкратова, зафиксированных в описи под общим заглавием «„Садхана Чин Суджукту Номун Хаган’а“». Материалы к переводу с тибетского и монгольского языков: тибетский текст, словарь к нему, монгольский транскрибированный текст. Автограф» (АВ. Ф. 145. Оп. 1. Ед. хр. 169 и 170).

Данные единицы хранения представляют собой две папки со стопками не скрепленных друг с другом листов довольно тонкой бумаги, заполненных Б.И. Панкратовым карандашом от руки (в основном только с лицевой стороны). Первая папка содержит 211 листов, вторая — 220. Вместе со второй папкой лежит выпуск газеты «Ленинградская правда» (№ 146(16543), вскр. 22 июня 1969 г.), на котором написано «Б/-60», «150 Панкратов» (карандашом) и «Садхана/Чин суджукту Номун хаган’а» (синей ручкой). Очевидно, именно благодаря этим надписям стала возможна идентификация автора текста, зафиксированная в описи.

Этот автор, Чин Суджукту Номун Хаган, или, в иной транскрипции, Чин-суджукту-номун-хан Лобсан-Норбу-Шэйраб (Успенский 2011: 267)⁹, был известным халха-

⁵ «Личный архив Б.И. Панкратова поступил в Архив востоковедов от Натальи Борисовны Родионовой, вдовы ученого, 22 января 1980 года» (АВ. Опись. Ф. 145: 2).

⁶ Константин Викторович Дубков — сотрудник ЛО ИВ АН СССР, в 1972–2001 гг. работал в Архиве востоковедов, см. сайт ИВР РАН: Штатное расписание с момента основания отдела рукописей и документов (ранее сектора восточных рукописей и документов) —

<http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=content&task=view&id=1204> [26.03.2017].

⁷ Об этом Институте см. (Fan 2014: 46–49, 64–66; Wang, Deng 2014: 161–235; раздел, посвященный Б.И. Панкратову: 207–209).

⁸ Можно лишь надеяться, что сам перевод или сведения о нем могут быть обнаружены в архивах Гарвард-Янцзиньского Института в США, к которому относился пекинский Институт китайско-индийских исследований.

⁹ Тиб. Ching su tsug thu no mon han blo bzang nor bu shes rab.

монгольским ученым школы гэлук первой половины XVIII в., ему принадлежит сумбум на тибетском языке: пекинское издание в 7 томах¹⁰, четыре из которых (с 3-го по 6-й¹¹) занимает рассматриваемый сборник, носящий заглавие “Yi dam rgya mtsho'i sgrub thabs rin chen 'byung gnas kyi lhan thabs gsal ba'i me long”.

Датировка жизни Чин-судзукту-номун-хана (1701–1768) содержится в рукописи F 189 из Монгольского фонда ИВР РАН, где представлены сведения о всей линии перерождений-хубилганов, к которой он принадлежал (Скрынникова 1981: 159)¹². По другой версии он родился в 1737 г., год смерти не указан (Gter mdzod 1989: 38–39). Поскольку биография Чин-судзукту-номун-хана в рукописи F 189 носит официальный характер, приводятся выписки из указов китайских императоров, предлагаемая в ней версия датировки вызывает большее доверие. Эту же версию подтверждает современное монгольское издание (Дашбадрах 2004: 112).

Б.И. Панкратов, очевидно, начинал работать со сборником садхан этого автора прежде всего как монголовед. Изначально основным источником для него, должно быть, служил монгольский текст сборника, так как большая часть листов в папках занята транслитерацией этого монгольского текста кириллицей¹³. В первой папке представлены фрагменты, соответствующие первому тому тибетского издания, во второй — фрагменты, соответствующие его второму тому. Часть листов в обеих папках занимают выписки значений (на русском, иногда на английском языке) таких тибетских слов, как, например, *sgrol ma* (Тара), *sku* (тело), *zla ba* (луна) и т.д. Пользовался Б.И. Панкратов тем же пекинским изданием на тибетском языке, которое ныне доступно в библиотеке TBRC: в первой архивной папке содержится составленный им перечень садхан сборника¹⁴ по томам, с указанием, на каких листах каждая из них начинается, и эта информация полностью соответствует структуре названного издания. Всего в сборнике содержится 301 садхана (46 в первом томе, 86 — во втором, 105 — в третьем, 64 — в четвертом).

Представляют интерес некоторые рабочие пометки, встречающиеся на листах, прежде всего наметки к плану работы по теме тибето-монгольской иконографии на л. 64 первой папки:

¹⁰ Сумбум Чин-судзукту-номун-хана доступен в формате PDF в онлайн-библиотеке TBRC: <http://tbrs.org/#!rid=W1KG10787> (26.03.2017). Он также имеется в Тибетском фонде ИВР РАН в нескольких экземплярах.

¹¹ В тибетской буквенной нумерации — тома ga, nga, sa, sha. Далее в тексте они будут называться первым, вторым, третьим и четвертым томами как части одного текста: с одной стороны, это удобнее, с другой — так их называл Б.И. Панкратов в своих записях.

¹² Непосредственно Чин-судзукту-номун-хану Лобсан-Норбу-Шэйрабу (13-му в линии перерождений) посвящены л. 532b–538a рукописи. Я хотел бы выразить самую искреннюю признательность проф. В.Л. Успенскому, который обратил мое внимание на эту рукопись и помог мне ознакомиться с содержанием указанного фрагмента.

¹³ К сожалению, мне ничего неизвестно о монгольском издании сумбума Чин-судзукту-номун-хана или отдельно данного сборника садхан, с которым имел дело Б.И. Панкратов.

¹⁴ Названия садхан записаны по-тибетски, причем в одном аспекте довольно неуверенно: в большом количестве случаев перепутаны буквы da и nga (*snyid* вместо *snying*, *sdon* вместо *sngon* и т.д.). При этом в пекинский Институт китайско-индийских исследований, где Б.И. Панкратов работал с 1929 по 1935 г., он пришел уже сложившимся специалистом по тибетскому языку и религиозной культуре, о чем свидетельствует перечень его трудов и прочитанных курсов лекций (Кроль 1998: 17–18). Следовательно, данные листы должны датироваться более ранним периодом. К счастью, у нас есть одно дополнительное обстоятельство, позволяющее достаточно надежно датировать их первой половиной 1920 годов (см. далее).

«План:

I 500 бурханов альбом

II может быть текст, дающий садхана и кое-какие объяснения

III что существует еще из ламайской иконографии?

а) святые

1) 84 иогачарья¹⁵

2) далай ламы все»¹⁶.

На оборотной стороне того же листа еще запись:

«1. достать 500 бурх[анов].

2. Прочсть предисловие с бай ламой[.]

3. Выяснить садханы, к-рыми пользовался составитель.

4. Найти таковые.

5. Сравнить с теми, что имеются у меня.

6. Достать недостающие.

7. Переписать все в транскрипции[.]

8. Дать перевод.

9. Найти какой[-]то порядок в расположении».

Если под упомянутым в пункте 2 «бай ламой» имеется в виду небезызвестный монгольский лама Бай Пурен (1870–1927), действительно называвший себя Бай-ламой (Tuttle 2005: 79–81), тогда рукопись Б.И. Панкратова должна была появиться в период между 1921 г. (датой его прибытия в Пекин) (Кроль 1998: 10) и 1927 г. (годом смерти Бай-ламы).

На л. 63 записано название того альбома, который здесь коротко назван «500 бурханов»: “*Rin ’byung snar thang brgya rtsa rdor phreng bcas nas gsungs pa’i bris sku mthong ba don ldan bzhugs so*”. Ксилографическое издание этого альбома было подготовлено после 1810 г. под руководством Панчен-ламы VII Тэнпэ-ньима Чоклэ-намгьела (1782–1853), после того как им был издан комментарий¹⁷ к сборнику садхан, составленному Таранатхой (1575–1634) (Tachikawa, Mori, Yamaguchi 2000: 7)¹⁸. Альбом состоит из трех частей: «Ринчжунг» (*Rin ’byung*), «Нартанг гьяца» (*Snar thang brgya rtsa*) и «Дортрэнг» (*Rdor phreng*), и в общей сложности включает в себя изображения 510 божеств буддийского пантеона, отсюда — то краткое наименование (с понятным округлением до 500), под которым он более всего известен. Однако сборник Таранатхи и комментарий к нему Панчен-ламы VII соответствуют лишь первой части, «Ринчжунгу»; этот термин, собственно, заимствован из названия сочинения Таранатхи — “*Yi dam rgya mtsho’i sgrub thabs rin chen ’byung gnas*”¹⁹. Комментарий Панчен-ламы (а с ним и основной текст Таранатхи в виде инкорпораций) лег в основу текстового сопровождения (перевода значительных фрагментов садхан) к цветной рукописной копии альбома «500 бурханов», подготовленного М. Уиллсоном (Willson, Brauen 2000).

¹⁵ Имеются в виду 84 махасиддха; ксилографический альбом с их изображениями опубликован А.А. Терентьевым (Терентьев 2004: 227–252).

¹⁶ Ниже на странице набросан примерный макет стандартной страницы иконографического альбома: рамка с тремя квадратами, под ними место для подписи, ниже еще три квадрата.

¹⁷ *Yi dam rgya mtsho’i sgrub thabs rin chen ’byung gnas kyi lhan thabs rin ’byung don gsal* (краткое название — *Rin lhan* — такое же, как у сборника Чин-судзукту-номун-хана).

¹⁸ Указанная книга японских исследователей представляет собой публикацию ксилографического издания альбома.

¹⁹ О двух других частях см. (Tachikawa, Mori, Yamaguchi 2000: 7; Willson, Brauen 2000: 225).

Между тем, как следует из рассматриваемых документов, предметом исследования Б.И. Панкротова стал иной сборник садхан, составленный Чин-судзукту-номун-ханом. Каково же его место в области тибетско-монгольской буддийской иконографии? При изучении его структуры сразу становится понятно, что он также представляет собой комментарий к сборнику Таранатхи, только более ранний, чем комментарий Панчен-ламы VII. Более того, предварительное сравнение трех сборников говорит о том, что сборник Панчен-ламы, скорее всего, представляет собой не что иное, как видоизмененную версию комментария Чин-судзукту-номун-хана. Однако этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

Из архивного документа, цитированного Е.Д. Огневой и Ю.Л. Кролем (см. выше), мы узнаем, что сборник садхан, которым занимался в Пекине Б.И. Панкратов, был использован Вторым Джанджа-хутухтой²⁰ для создания знаменитого иконографического альбома, который известен под названием «300 бурханов»²¹. Весьма вероятно, что эта характеристика памятника принадлежала самому Б.И. Панкратову, чьим познаниям в этом вопросе можно доверять. При этом, я полагаю, не может быть сомнений, что именно сборник Чин-судзукту-номун-хана имелся в виду и что именно его перевод был выполнен Б.И. Панкратовым для Института китайско-индийских исследований в Пекине²².

В завершение следует отметить, что в архиве Б.И. Панкротова обнаружилось несколько объектов собственно иконографических: две иконы-цакли с изображениями тантрических божеств (АВ. Ф. 145. Оп. 1. Ед. хр. 192) и два крупноформатных ксилографических оттиска — изображение рая Сукхавати и защитный круг (АВ. Ф. 145. Оп. 1. Ед. хр. 191)²³. В отличие от последних двух предметов, требующих реставрации, иконы-цакли находятся в достаточно хорошем состоянии и могут быть введены

²⁰ Вариант написания — «Чжанчжа-хутухта», от тиб. *Lcang kya* (Чанкья).

²¹ Этот альбом К.М. Герасимова характеризовала как попытку Джанджа-хутухты II «создать новый свод универсального, кодифицированного пантеона имперского ламаизма. <...> в него включены культы основных тибетских сект, их конкретные канонизированные деятели и наиболее почитаемые божества, изъятые же узкорегинальные и узкоспециальные эзотерические культы» (Герасимова 1971: 106). Оба альбома, упомянутые в данной статье, стали, по словам Б.И. Панкротова, «повседневным руководством для художников, пишущих иконы в Тибете и Монголии» (Панкратов 1998: 290).

²² Архивный документ, о котором идет речь, не имеет подписи и даты, однако из контекста соседних с ним документов становится ясно, что он был подготовлен администрацией ЛО ИВ АН СССР осенью 1957 г. с целью добиться для Б.И. Панкротова ставки старшего научного сотрудника (Кроль 1998: 26). Поэтому нельзя вовсе исключать того, что составитель документа, хотя и опирался на сведения, полученные лично от Б.И. Панкротова, мог внести что-то от себя — в частности, ошибочно связать сборник Чин-судзукту-номун-хана с альбомом Джанджа-хутухты «300 бурханов» на том основании, что в первом содержится 301 садхана (при значительно большем числе божеств, в них представленных). Простое сличение структуры сборника и альбома не выявляет между ними особой связи, однако это не исключает того, что Джанджа-хутухта мог опираться на труд своего старшего современника. Можно предположить, что Б.И. Панкратов располагал некоторыми сведениями на сей счет, но этот вопрос требует дополнительного изучения.

Отметим также, что сборник садхан Чин-судзукту-номун-хана не имеет видимой связи и с другим иконографическим альбомом, связанным с именем Джанджа-хутухты. Этот рукописный альбом, содержащий 360 изображений, был обнаружен в Пекине в конце 1920-х годов А. Сталь-фон-Гольштейном, под началом которого в Институте китайско-индийских исследований работал Б.И. Панкратов, так что ему этот альбом должен был быть известен. Он был опубликован в 1937 г. У.Ю. Кларком по фотокопиям, предоставленным ранее А. Сталь-фон-Гольштейном (Clark 1937). Современное издание, выполненное непосредственно с оригинала альбома, и подробное описание истории его обнаружения и изучения см. (Лю 2009).

²³ Эти предметы не входили в личную коллекцию буддийских икон Б.И. Панкротова (она была приобретена Государственным Эрмитажем ок. 1980 г. (Кроль 1998: 18) и, по всей видимости, оказались у него случайно (см. приложение I).

в научный оборот (илл. 1, 2), перевод фрагментов садхан изображенных божеств, где поясняется их иконография, см. ниже в приложении.

* * *

Итак, архив Б.И. Панкратова сохранил для нас немало ценных документов и материалов, касающихся истории тибетологии и буддологии в нашей стране. Полагаю, можно считать доказанным, что Панкратов в 1930-е годы перевел в Пекине для Института китайско-индийских исследований сборник садхан монгольского ламы Чинсудзукту-номун-хана, а его первичное знакомство со сборником датируется первой половиной 1920-х годов. В архиве ученого отложились также две легендарных работы его коллег, а именно гранки «Тибетской исторической литературы» А.И. Вострикова и рукопись «Курса тибетского литературного языка» Ф.И. Щербатского. Об этих документах речь пойдет во второй части статьи.

Приложение I²⁴

Иконы-цакли из фонда Б.И. Панкратова в АВ ИВР РАН

№ 1 (АВ ИВР РАН. Ф. 145. Оп. 1. Ед. хр. 192. Л. 1)

Икона-цакли с изображением трех видов тантрического божества Уччхушмы — йидама крия-тантры, призванного устранять заболевания отдельных людей (в отличие от Парнашавари, защищающей от эпидемических болезней)²⁵.

По мнению А.А. Терентьева, икона, скорее всего, была сделана в Китае в XIX в.²⁶

Центральная фигура — Пепельный Кродха-Уччхушма (тиб. *Khro bo sme brtsegs dud kha*), внизу справа (слева для зрителя) — Зеленый Кродха-Уччхушма (тиб. *Khro bo sme brtsegs ljang khu*), слева (справа для зрителя) — дакини Кродха-Уччхушми (тиб. *Khro mo sme brtsegs*). Имена божеств написаны на обратной стороне иконы внизу в прямоугольнике, над ним в квадрате написаны мантры божеств²⁷ по горизонтали

²⁴ Приложения I и II рассчитаны на подготовленного читателя, поэтому я не комментирую многочисленные индо-тибетские буддийские термины и понятия, задействованные в них.

²⁵ См. Himalayanart: Bhurkumkuta Main Page (SetID=564) — <http://www.himalayanart.org/search/set.cfm?setID=564> [26.03.2017]. Здесь санскритское имя данного божества восстанавливается как «Бхуркумкута»; о варианте «Уччхушма» см. (Willson, Brauen 2000: 300).

²⁶ Я хочу поблагодарить А.А. Терентьева, а также В.Н. Мазурину за консультации при подготовке этого приложения.

²⁷ Моя транслитерация тибетского текста опирается на систему Т. Уайли, но в ней имеются некоторые особенности, которые следует оговорить: 1) знаки тибетской письменности, передающие особенности санскритской графики, транслитерируются с помощью диакритиков, принятых в индологии; 2) написание двухсложных (как правило, индийских) слов без разделения слогов с помощью знака *из* передается в транслитерации знаком + (например, *ra+dma*, *tsu+\$ma* и т.д.; на мой взгляд, это более предпочтительный способ передачи таких слов, нежели широко принятый способ ставить знак + внутри группы согласных, составляющих лигатуру, т.е. в данном случае *rad+ma*, *tsu\$+ma* и т.д.); 3) при передаче так называемых «стянутых» написаний слов используется дефис (например, *bi-ma*); 4) нижнее подчеркивание обозначает разрыв в строке (в данном случае он заполнен вертикально написанной мантрой).

(стк. 1) *om bhu+rkhum ma+hā pra na ya bhu _ rtsi bhu+rkhi b-mi na se u* (стк. 2) *tsu+\$ma ma+hā kro+dha hūm pha| om bhu rkhum ri li shu thar* (стк. 3) *sha hu ra shi bi ma le u+tsu _ shma ma+hā kro+dha hūm pha|* (стк. 4) *om bhu+rkhum ma+hā pra+na+ye bhu rtsi _ bhu+rkhi bi-ma na se u tsu+\$ma* (стк. 5) *ma+hā+kro+dha hūm pha| om _ bhu rkhum ri li shu thar sha hu ra* (стк. 6) *shi bi ma le u+tsu+\$ma ma+hā _ kro dha hūm pha| om a+ra* (стк. 7) *kham tsi+ri kham bi-ma+na se u+tsu+\$ma _ ma+hā+kro dha hūm pha|* (стк. 8) *om a ra kham tsir kham bi ma na se u tsu+\$ma ma+hā kro+dha hūm pha|*.

и, «разрезая» их по центру по вертикали, — мантра ОМ АХ ХУМ СВАХА буквами ланьча. Все надписи и рамка нанесены красной тушью. Снизу черной ручкой написан шифр «Л-213/5-VII», который характерен для ГМИР. Однако хранитель музея В.Н. Мазурина любезно сообщила мне (электронная почта, апрель 2016 г.), что под данным шифром в коллекции числится другой предмет.

Размер цакли: 7,5/7,6×6,0/6,23 см; материал: грунтованное полотно; краски минеральные.

Садханы трех божеств представлены в сборнике садхан Чин-судзукту-номун-хана (и, разумеется, в исходном тексте Таранатхи, а также более позднем комментарии Панчен-ламы VII (Willson, Brauen 2000: 300–301, илл. 105–107). Ниже приводятся переводы с тибетского иконографических фрагментов садхан по тексту Чин-судзукту-номун-хана²⁸.

1) Пепельный Кродха-Уччушма

<...> [Йогин визуализирует] себя воплотившимся в теле Гневного Царя Уччушма-Махабалы, с тремя ликами и шестью руками; с центральным ликом и телом пепельного цвета, белым правым ликом, красным левым; с тремя глазами и оскаленными четырьмя зубами на каждом лице; с короной из пяти сухих черепов на голове, со вздыбленными оранжевыми волосами; обмотанным синей желтобрюхой змеей; с оранжевыми усами; держащим в первой правой руке сдвоенную ваджру, во второй — ваджру с пятью зубцами, в третьей — ваджрный крюк, в первой левой — ваджрный посох, во второй — ваджрный аркан, третью сложивший в ваджрную мудру угрозы, все шесть рук воздымающим; с перевязью из сухих черепов на плечах, со змеиными украшениями на членах, в юбке из тигровой шкуры; величаво стоящим широко расставив две ноги на солнечном троне посреди пылающего пламени знания²⁹ <...>

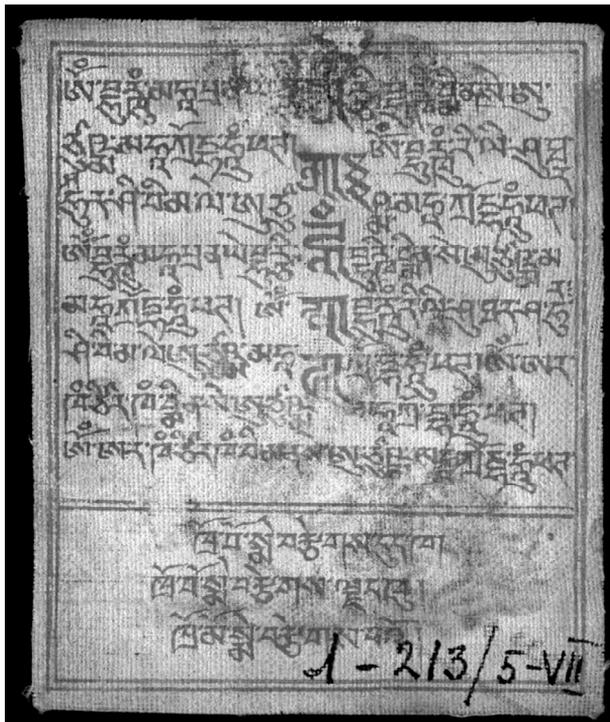
2) Зеленый Кродха-Уччушма

<...> Из пространства пустоты сам [йогин предстает] Гневным царем Уччушмой с телом зеленого цвета, с тремя ликами — зеленым, синим и белым, — и с шестью руками, из которых первые две сложены на груди в мудре угрозы, две средние держат ваджру и колокольчик, две последние — крюк и аркан; подавляющим все множество препятствий двумя стопами: правую поджав, левую вытянув; в короне и с гирляндой из человеческих голов; в совершенстве убранства, состоящего из [снятой] человеческой кожи, слоноподобной шкуры, тигриной шкуры и т.д.; стоящим посреди пылающего пламени³⁰ <...>

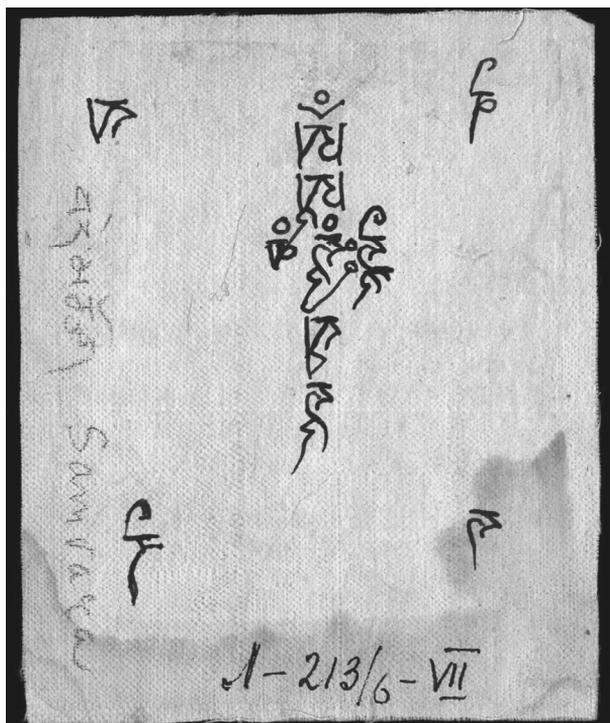
²⁸ Yi dam rgya mtsho'i sgrub thabs rin chen 'byung gnas kyi lhan thabs gsal ba'i me long // *Blo bzang nor bu sher rab*. Gsung 'bum. T. Ga, л. 12a–22b.

²⁹ (л. 12a, стк. 6) rang nyid khro bo'i rgyal po rme brtsegs stobs po che'i skur gyur pa ni| zhal gsum phyag drug rtsa zhal dang sku (л. 12b, стк. 1) mdog dud kha| g.yas dkar g.yon dmar ba'i zhal spyang gsum dang ldan zhing mche ba bzhi gtsigs pa| thod skad lnga lngas dbu la brgyan pa| dbu skra kham ser gyen du brdzes pa la sbrul sngon po lto (стк. 2) ser gyi dkris pa| sma ra smin ma| phyag drug g.yas kyi dang po na rdo rje gya gram| gnyis pa na rdo rje rtsa lnga pa| gsum pa na rdo rje lcags kyu| g.yon gyi dang po na rdo rje dbyug pa| gnyis pa na rdo rje zhags pa| (стк. 3) gsum pa na rdo rje 'i sdigs mdzub mdzad pa| phyag thams cad brkyang zhing| thod skam gyi se ral kha dang| yan lag sbrul gyis brgyan pa| stag lpags kyi sham thabs can| zhabs gnyis bgrad pa'i stabs (стк. 4) kyi nyi ma'i gdan la bzhus pa ye shes kyi me 'bar ba'i dbus na 'gying ba'o.

³⁰ (л. 16b, стк. 6) stong pa'i (л. 17a, стк. 1) ngang las rang nyid khro rgyal rme brtsegs sku mdog ljang khu| ljang sngo dkar ba'i zhal gsum phyag drug gi dang po gnyis thugs kar sdigs mdzub bsnol ba| bar pa gnyis rdo rje dang dril bu (стк. 2) tha ma gnyis lcags kyu dang zhags pa 'dzin pa| zhabs gnyis g.yas bskum g.yon brkyang pas bgegs kyi tshogs thams cad gnon par mdzad pa| mi mgo'i dbu rgyan dang do shal| mi lpags glang lpags (стк. 3) stag lpags la sogs pa dpal gyi chas yongs su rdzogs pa me dpung 'bar ba'i dbus na bzhus pa'o.

Илл. 1

3) дакини Кродха-Уччушми

<...> Из пространства пустоты свой ум [йогин визуализирует воплотившимся] в [возникшей] из собрания лучей от темно-синего ХУМ дакини Уччушми с телом черным, как древесный уголь, в облике Гневной матери, с тремя глазами, двумя руками держащей у груди вазу, наполненную очищающим нектаром; тела не скрывающей, отвергнувшей украшения, в свободно накинутой темной шелковой накидке стоящей на лотосе и солнце в позе равновесия³¹ <...>

№ 2 (АВ ИВР РАН. Ф. 145. Оп. 1. Ед. хр. 192. Л. 2)

Икона-цакли с изображением особой формы Хаягривы по имени Падма-Махешвара³²; эта форма относится к традиции школы ньингма, в которой Хаягрива выступает в роли одного из основных йидамов. В то же время данная форма Хаягривы стала популярной и среди последователей школы гэлук³³.

По мнению А.А. Терентьева, икона, скорее всего, была сделана в Китае в XIX в.

На обратной стороне иконы в центре по вертикали написана мантра ОМ АХ ХУМ СВАХА, слева от слога ХУМ написан слог ОМ, справа — ДХИХ, так что по горизонтали читается мантра ОМ ХУМ ДХИХ. По бокам вписаны отдельные слоги СА, НИ, ХА, РИ (если читать, начиная слева сверху, и далее по часовой стрелке). Все мантровые слоги написаны в зеркальном отражении и черной тушью. Внизу, так же как на предыдущей иконе, черной ручкой написан шифр, характерный для ГМИР, — «Л-213/6-VII»; под этим шифром в музее числится другой предмет. Кроме того, по левому краю карандашом написана ошибочная идентификация божества: «bde mchog Samvaga». Сложно представить, чтобы эта надпись принадлежала Б.И. Панкратову.

Размер цакли: 10,4/10,5×8,2/8,3 см; материал: грунтованное полотно; краски минеральные.

Ниже приводится перевод с тибетского иконографического фрагмента одной из садхан Падма-Махешвары, содержащейся в 39-м томе известного сборника текстов *тэрма* школы ньингма под названием “Rin chen gter mdzod chen mo”, составленного Чжамгон Конгтрул Лодрой Тае (1813–1899) и доступного в электронной библиотеке TBRC³⁴.

<...> Преобразившись из лотоса, я сам [предстаю как] Бхагаван Лотосовый великий Владыка (Падма-Махешвара) с телом темно-красного цвета, тремя лицами, шестью руками, четырьмя ногами. Центральный лик — темно-красный, правый лик — очень белый, левый лик — зеленый. Каждый лик у него имеет по три глаза с круглой красной [каймой]; рот раскрыт, зубы оскалены, язык напряжен; чрезвычайно нахмурен; темно-коричневые волосы вздыблены на голове, над центральным ликом — зеленая голова коня, у которой красная грива, жел-

³¹ (л. 20b, стк. 2) stong pa'i ngang las rang sems hūṃ (стк. 3) mthing nag gi 'od kyi 'phro 'du las mkha' 'gro ma rme brtsegs sku mdog sol ba ltar gnag pa| khro mo'i cha lugs spyang gsum ma| phyag gnyis kyiis dag byed kyi bdud rtsis gang ba'i bum pa (стк. 4) thugs kar 'dzin pa| sku lhug par grol zhing rgyan spangs pa| dar ng gi na bza' lhug par 'phyang ba| pad nyi la mnyam pa'i stabs kyiis bzhangs pa'o.

³² Полное имя по-тибетски: Pa+dma dbang chen yang gsang khros pa; варианты имени: Yang gsang khros pa, Rta mgrin yang gsang khros pa.

³³ Я обязан этой информацией А.А. Терентьеву (электронное письмо от 24.04.2016).

³⁴ Rin chen gter mdzod chen mo — <http://www.tbrc.org/#!rid=W20578> (26.03.2017). См.: vol. Ra — Bcom ldan 'das yang gsang khros pa yab yum rkyang sgrub kyi sgrub thabs rgyun khyer dngos grub myur stsol, 8 л.

тая бахрома, белая морда и которая издает громкое конское ржание, брови же и борода пылают, подобно огню. В первой правой руке [Хаягрива] держит красный лотос с восемью лепестками, в первой левой — наполненную кровью **бхан-дху** (чашу) и [ею же] обнимает супругу; второй правой рукой вздымает крюк, второй левой — аркан из кишок, третьей правой — сандаловую дубинку, третьей левой — сверкающий меч. У него корона из пяти сухих черепов; наплечный браслет из кусочков черепов; ожерелье в виде гирлянды из черепов трех периодов — сухих, сырых, старых; сверху на него надеты накидка из человеческой кожи и слоновья шкура; [снизу на нем] юбка из свежесодранной тигровой шкуры; украшен змеями четырех родов и драгоценными украшениями; обильно умащен каплями менструальной крови, мазью из жира и прахом от кремаций; заполняет пространство синими крыльями ваджрного гаруды, побеждающего в трех мирах. Владеющий девятью *расами* танца: пленительной, героической, отталкивающей; смешашей, яростной, ужасающей; сострадательной, восторгающей, умиротворяющей, — [он] стоит в танцевальной позе, поджав две правые ноги, вытянув две левые ноги. **ОМ МАХА КРОДХИ ШВАРИ ХУМ ПХАТ!**

Из наполненной кровью **бандхи** (чаши) возникшая, у него на чреслах [пребывает] великая Мать — Лотосовая Владычица танца (Падманартешвари) с темно-синим телом, одним ликом и двумя руками, правой [из них] держащая влажное человеческое сердце и обнимающая за шею Отца, левой же подносящая ко рту Отца большую раковину с колышущейся [в ней] кровью. Трехглазая, устремляющая взор на кровь [в раковине], с разинутым ртом и оскаленными зубами, с косой волос, спускающейся до пояса словно бы черным покрывом, с короной из пяти сухих человеческих голов, с гирляндой из пятидесяти сырых [голов], в драгоценных украшениях, в кладбищенском уборе, стоящая, вытянув правую ногу и поджав левую, так сочетаясь с супругом. Отец и Мать вдвоем стоят, пылая лучами, превосходящими сияние тысячи солнц, посреди огня знания, пылающего, подобно огню [в конце] кальпы³⁵ <...>

³⁵ (л. 2б, стк. 3) pa+dma yongs su gyur pa las| bdag nyid bcom ldan 'das pa+dma dbang (стк. 4) chen skum mdog dmar nag zhal gsum phyag drug |zhabs bzhi pa| rtsa ba'i zhal dmar nag |g.yas zhal dkar ba| g.yon zhal ljang gu| zhal re la dmar la zlum pa'i (стк. 5) spyang gsum gsum dang ldan pa| zhal bgrad cing mche ba gtsigs pa| ljags 'dril ba| khro gnyer rab tu bsdus pa| dbu skra kham nag gyen du 'khyil ba rtsa zhal gyi spyi bor rta mgo (стк. 6) ljang gu| rngog ma dmar po| |phrum phrum ser po| |zhur dkar po| |rta skad drag po lhang lhang mtsher ba| smin ma dang sma ra ag tshom me ltar 'bar ba| phyag g.yas kyi dang po (л. 3а, стк. 1) pa+dma dmar po 'dab ma brgyad pa dang| g.yon gyi dang po bha+ndha khrag gis gang ba bsname pas yum la 'khyud pa| g.yas gnyis pas lcags kyu| g.yon (стк. 2) gnyis pas rgyu ma'i zhags pa| g.yas gsum pas tsa+ndan gyi be con dang| g.yon gsum pas ral gri rab tu 'bar ba phyar thabs su 'dzin pa| thod pa skam po lnga'i dbu rgyan dang| (стк. 3) tshal bu'i dpung rgyan| skam po| rlon pa| rnying pa ste thod phreng tshar gsum gyi do shal can| sku stod la zhing chen gyi g.yang gzhi dang| glang chen gyi ko rlon gsol ba| stag (стк. 4) lpags rlon pa'i sham thabs can| sbrul rigs bzhi dang| rin po che'i rgyan gyis brgyan pa| ra+kta'i thig le| zhag gi zo ris| thal chen gyi tshom bu bkod pa| khams (стк. 5) gsum las mnam par rgyal ba'i rdo rje'i khyung gshog sngon pos bar snang khyab pa| sgeg pa dpa' ba mi sdug pa| dgod dang drag shul 'jigs su rung ba| snying rje rnam dang zhi ba ste| gar dgu'i nyams dang ldan pa| zhabs g.yas gnyis bskums shing| g.yon gnyis brkyangs pa'i gyad kyi dor stabs kyi bzhangs pa| om ma+hā kro dhī shwa rī hūm pha| bha+ndha khrag (л. 3б, стк. 1) gang yongs su gyur pa las| de'i pang na yum chen pa+dma gar gyi dbang phyug ma| sku mdog mthil nag zhal gcig phyag gnyis pa| g.yas pas mi snying rlon pa bzung nas yab kyi mgul nas (стк. 2) 'khyud pa| g.yon pas dung chen dmar 'khyil yab kyi zhal du stob pa| spyang gsum khrag mig tu lta ba| zhal bgrad mche ba gtsigs pa| ral pa nag po mun ltar 'thibs (стк. 3) pas sku rked yan chod non pa| mi mgo skam po lnga'i dbu rgyan dang| rlon pa lnga bcu'i do shal can| rin po che'i rgyan gyis brgyan pa| dur khrod kyi chas kyi spras pa| zhabs (стк. 4) g.yas brkyangs shing g.yon bskums pas yab la khriil ba| yan yum gnyis ka nyi ma stong las lhag pa'i gzi 'od 'bar ba| bskal pa'i me lta bu'i ye shes kyi me dpung 'bar (стк. 5) ba'i klong na bzhangs pa'o.

Литература

- АВ ИВР РАН. Описи Ф. 145 [Дубков К.В.]. Фонд 145. Панкратов Борис Иванович (1892–1979). [Описи; электронный набор 2013 г. с машинописного оригинала.]
- АВ ИВР РАН. Ф. 145. Оп. 1. Ед. хр. 169: «Садхана Чин Суджукту Номун Хаган’а». Материалы к переводу с тибетского и монгольского языков: тибетский текст, словник к нему, монгольский транскрибированный текст. Автограф.
- АВ ИВР РАН. Ф. 145. Оп. 1. Ед. хр. 170: То же.
- АВ ИВР РАН. Ф. 145. Оп. 1. Ед. хр. 178: «О восстановлении буддийского храма». Доклад. Автограф.
- АВ ИВР РАН. Ф. 145. Оп. 1. Ед. хр. 191: Тибетская мандала (sic) и ламаистская икона. Ксилограф.
- АВ ИВР РАН. Ф. 145. Оп. 1. Ед. хр. 192: Изображения буддийских тантрических божеств. Акварель на ткани.
- СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 656: Отчеты о работе Рукописного отдела ИВ АН СССР за 1939 г., докладные записки об обработке Тибетского фонда, состоянии помещения, протокол № 1 собрания сотрудников (1–7: Отчет Рукописного отдела ИВ за 1939 год).
- СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 712: Планы и отчеты о работе Рукописного отдела ИВ АН СССР и его сотрудников за 1940 г. [20–22: Отчет Рукописного Отд. Института востоковедения АН за первые три квартала 1940 г.].
- СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 751: Индивидуальные планы и отчеты сотрудников [Монгольского] кабинета за 1941 г., перечень тем докладов на заседаниях кабинета (л. 15–16: Отчет ст. научного сотрудника Монгольского Кабинета Института востоковедения АН СССР Панкратова Б.И. по выполнению работы в 1941 году).
- Герасимова 1971 — *Герасимова К.М.* Памятники эстетической мысли Востока. Тибетский канон пропорций. Трактаты по иконометрии и композиции Амдо, XVIII век. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1971.
- Гумилев 1975 — *Гумилев Л.Н.* Старобурятская живопись. М.: Искусство, 1975.
- Дашбадрах 2004 — *Дашбадрах Д.* Монголын хутагтуудын намтрын ойллого (XVII–XX зуун) [Биографии монгольских хутухт (XVII–XX вв.)]. Улаанбаатар: Шинжлэх Ухаан Академи, Түүхийн хүрээлэн, 2004.
- Зорин 2014а — *Зорин А.В.* Тибетский фонд Института восточных рукописей РАН: из истории формирования и каталогизации (1917–2013 гг.) // Страны и народы Востока. М.: Восточная литература, 2014. Вып. XXXV. С. 143–169.
- Зорин 2014б — *Зорин А.В.* М.И. Тубянский и Тибетский фонд Азиатского музея–Института востоковедения АН СССР // Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы. СПб.: Изд-во А. Голода, 2014. С. 450–456.
- Кроль 1998 — *Кроль Ю.Л.* Жизнь и научно-педагогическая деятельность Бориса Ивановича Панкратова (1892–1979) // Страны и народы Востока. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. Вып. XXIX. Борис Иванович Панкратов. Монголистика. Синология. Буддология. С. 5–37.
- Панкратов 1998 — *Панкратов Б.И.* Иконография тибетского буддизма (В связи с публикацией книги Л.Н. Гумилева «Старобурятская живопись». М.: Искусство, 1975) / Подгот. Е.Д. Огневой // Страны и народы Востока. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. Вып. XXIX. Борис Иванович Панкратов. Монголистика. Синология. Буддология. С. 289–301.
- Скрынникова 1981 — *Скрынникова Т.Д.* О хубилганах Сайн-нойон-хановского аймака // Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 158–166.
- Терентьев 2004 — *Терентьев А.А.* Определитель буддийских изображений. СПб.: Нартанг, 2004.
- Успенский 2011 — *Успенский В.Л.* Тибетский буддизм в Пекине. СПб., 2011.
- Clark 1937 — *Clark W.E.* Two Lamaistic Pantheons, edited with introduction and indexes from materials collected by the late Baron A. von Staël-Holstein. In 2 vols. Cambridge: Harvard University Press, 1937 (Harvard-Yenching Institute, Monograph Series, vol. 3–4).

- Fan 2014 — *Fan Sh.* The Harvard-Yenching Institute and Cultural Engineering. Remaking the Humanities in China, 1924–1951. Lanham; Boulder; New York; London: Lexington Books, 2014.
- Gter mdzod 1984–1997 — Bod gangs can gyi grub mtha' ris med kyi mkhas dbang brgya dang brgyad cu lhag gi gsung 'bum so so'i dkar chag phyogs gcig tu bsgrigs pa shes bya'i gter mdzod [Собранные воедино оглавления сумбумов более ста восьмидесяти ученых различных школ тибетского буддизма. Сокровищница познаваемого]. Khreng tu'u [Chengdu]: Si khron mi rigs dpe skrun khang, 1984–1997 (vol. 1: 1984, vol. 2: 1989, vol. 3: 1997).
- Luo 2009 — Eulogies to the Sacred Images of the Buddhas and Bodhisattvas = Zhu Fopusa shengxiangzan 诸佛菩萨圣像赞 / Ed. by Luo Wenhua. Beijing, 2009.
- Tachikawa, Mori, Yamaguchi 2000 — Five Hundred Buddhist Deities / Ed. by M. Tachikawa, M. Mori, Sh. Yamaguchi. Delhi: Adroit Publishers, 2000 (Asian Iconography Series. I).
- Tuttle 2005 — *Tuttle G.* Tibetan Buddhists in the Making of Modern China. New York: Columbia University Press, 2005.
- Wang, Deng 2014 — *Wang Qilong, Deng Xiaoyong.* The Academic Knight between East and West. A Biography of Alexander von Staël-Holstein. Singapore: Cengage Learning Asia Pte Ptd, 2014.
- Willson, Brauen 2000 — Deities of Tibetan Buddhism: The Zürich Paintings of the “Icons Worthwhile to See (Bris sku mthong ba don ldan)” / Ed. by M. Willson and M. Brauen. Boston: Wisdom Publications, 2000.

References

- AV IVR RAN. Opisi F. 145: [Dubkov K.V.] Fond 145. Pankratov Boris Ivanovich (1892–1979) [The Orientalists Archive of the IOM RAS. F. 152, inventories (by Dubkov K.V) Fund 145: Pankratov, Boris Ivanovich (1892–1979) (in Russian).
- AV IVR RAN. F. 145. Op. 1. Ed. khr. 169: “Sadhana Chin Sudzhuktu Nomun Khagan'a”. Materialy k perevodu s tibetskogo i mongol'skogo iazykov: tibetskii tekst, slovník k nemu, mongol'skii transkribirovannyi tekst. Avtograf [The Orientalists Archive of the IOM RAS. F. 145. Inv. 1. Un. 169: “The Sādhana by Ching Sujuktu Nomun Khagan”. Drafts to the translation from Tibetan and Mongolian: the Tibetan text, a vocabulary to it, the Mongolian transcribed text. An autograph] (in Tibetan, Mongolian, Russian, English).
- AV IVR RAN. F. 145. Op. 1. Ed. khr. 170: To zhe [The Orientalists Archive of the IOM RAS. F. 145. Inv. 1. Un. 170: The same] (mostly in Mongolian).
- AV IVR RAN. F. 145. Op. 1. Ed. khr. 178: “O vosstanovlenii buddiiskogo khrama”. Doklad. Avtograf [The Orientalists Archive of the IOM RAS. F. 145. Inv. 1. Un. 178. “On the recovery of the Buddhist temple”. A report. An autograph] (in Russian).
- AV IVR RAN. F. 145. Op. 1. Ed. khr. 191: Tibetskaia mandola i lamaistskaya ikona. Ksilograf [The Orientalists Archive of the IOM RAS. F. 145. Inv. 1. Un. 191: A Tibetan Maṇḍala and a Lamaist Icon. Block prints].
- AV IVR RAN. F. 145. Op. 1. Ed. khr. 192: Izobrazheniia buddiiskikh tantricheskikh bozhestv. Akvarel na tkani [The Orientalists Archive of the IOM RAS. F. 145. Inv. 1. Un. 192: Paintings of Buddhist Tantric deities. Watercolor paint on fabric].
- SPbF ARAN. F. 152. Op. 1a. Ed. khr. 656: Otchety o rabote Rukopisnogo otdela IV AN SSSR za 1939 g., dokladnye zapiski ob obrabotke Tibetskogo fonda, sostoianii pomescheniia, protokol № 1 sobraniia sotrudnikov [The St. Petersburg Branch of the RAS Archives. F. 152. Inv. 1a. Un. 656: The accounts of the work of the Manuscripts Department of the IOS, the USSR Academy of Sciences, for 1939, staff reports on the processing of the Tibetan collection, conditions of the storage room, protocol No. 1 of the meeting of the research fellows] (in Russian).
- SPbF ARAN. F. 152. Op. 1a. Ed. khr. 712: Plany i otchety o rabote Rukopisnogo otdela IV AN SSSR i ego sotrudnikov za 1940 g. [The St. Petersburg Branch of the RAS Archives, F. 152. Inv. 1a. Un. 712: The plans and accounts of the work of the Manuscripts Department of the IOS, the USSR Academy of Sciences, and its research fellows for 1940] (in Russian).
- SPbF ARAN. F. 152. Op. 1a. Ed. khr. 751: Individual'nye plany i otchety sotrudnikov [Mongol'skogo] kabineta za 1941 g., perechen' tem dokladov na zasedaniakh kabineta [The St. Petersburg

- Branch of the RAS Archives. F. 152. Inv. 1a. Un. 751: The personal plans and accounts of the research fellows of the (Mongolian) Section for 1941, list of themes of reports delivered at the Section's meetings] (in Russian).
- Bod gangs can gyi grub mtha' ris med kyi mkhas dbang brgya dang brgyad cu lhag gi gsung 'bum so so'i dkar chag phyogs gcig tu bsgrigs pa shes bya'i gter mdzod* [Assembled tables of contents of more than one hundred and eighty *sumbums* of the scholars from various sects of Tibetan Buddhism, A Treasury of Knowledge]. Khreng tu'u [Chengdu]: Si khron mi rigs dpe skrun khang, 1984–1997 (vol. 1: 1984, vol. 2: 1989, vol. 3: 1997) (in Tibetan).
- Clark, Walter E. *Two Lamaistic Pantheons, edited with introduction and indexes from materials collected by the late Baron A. von Staël-Holstein*. In 2 vols. Cambridge: Harvard University Press, 1937 (Harvard-Yenching Institute, Monograph Series, vol. 3–4) (in English).
- Dashbadrakh, Dorzhgotovyn. *Mongolyn khutagtuudyn namtryn oillogo (XVII–XX зуум)* [Biographies of Mongolian Khutugtus (17th to 20th Centuries)]. Ulaanbaatar: Shinzhlekh Ukhaan Akademi, Tüükhiin Khüreelen, 2004.
- Fan, Shuhua. *The Harvard-Yenching Institute and Cultural Engineering. Remaking the Humanities in China, 1924–1951*. Lanham–Boulder–New York–London: Lexington Books, 2014 (in English).
- Gerasimova K.M. *Pamyatniki esteticheskoi mysli Vostoka. Tibetskii kanon proportionsii. Traktaty po ikonometrii i kompozitsii Amdo, XVIII vek* [The Monuments of the Esthetic Thought of the East. The Tibetan Canon of Proportions. Treatises on Iconometry and Composition from Amdo, the 18th Century]. Ulan Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1971.
- Gumilev L.N. *Staroburiatskaia zhivopis'* [Old Buryat Painting]. Moscow: Iskusstvo, 1975 (in Russian).
- Kroll Yu.L. “Zhizn' i nauchno-pedagogicheskaya deyatel'nost' Borisa Ivanovicha Pankratova (1892–1979)” [The Life and Research and Teaching Activities of Boris Ivanovich Pankratov (1892–1979)]. *Strany i narody Vostoka. Vypusk XXIX. Boris Ivanovich Pankratov. Mongolistika. Sinologiya. Buddologiia* [The Countries and Peoples of the East. Issue XXIX. Boris Ivanovich Pankratov. Mongolian Studies. Sinology. Buddhism]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1998, pp. 5–37 (in Russian).
- Luo, Wenhua. *Eulogies to the Sacred Images of the Buddhas and Bodhisattvas = Zhu Fopusa shengxiangzan 诸佛菩萨圣像赞*. Beijing: 2009 (in Chinese).
- Pankratov B.I. “Ikonografiia tibetskogo buddizma (V sviazi s publikatsiei knigi L.N. Gumileva “Staroburiatskaia zhivopis'”). Moscow: “Iskusstvo”, 1975) [The Iconography of Tibetan Buddhism (in connection with the edition of the book by L.N. Gumilev “Old Buryat Painting”). Moscow, Iskusstvo, 1975), ed. by E.D. Ogneva. *Strany i narody Vostoka. Vypusk XXIX. Boris Ivanovich Pankratov. Mongolistika. Sinologiya. Buddologiia* [The Countries and Peoples of the East. Issue XXIX. Boris Ivanovich Pankratov. Mongolian Studies. Sinology. Buddhism]. St.-Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1998, pp. 289–301 (in Russian).
- Skrynnikova T.D. “O khubilganakh Sain-noion-khanovskogo aimaka” [On the Khubilgans of Sain Noyon Khan Aimag]. *Buddizm i traditsionnye verovaniia narodov Tsentral'noi Azii* [Buddhism and Traditional Beliefs of the Peoples of Central Asia]. Novosibirsk: Nauka, 1981, pp. 158–166.
- Tachikawa Musashi, Mori Masahide, Yamaguchi Shinobu. *Five Hundred Buddhist Deities*. Delhi: Adroit Publishers, 2000 (Asian Iconography Series – I.) (in English).
- Terent'ev A.A. *Opredelitel' buddiiskikh izobrazhenii* [Buddhist Iconography Identification Guide]. St. Petersburg: Nartang, 2004 (in Russian, in English).
- Tuttle, Gray. *Tibetan Buddhists in the Making of Modern China*. New York: Columbia University Press, 2005 (in English).
- Uspenskii V.L. *Tibetskii buddizm v Pekine* [Tibetan Buddhism in Peking]. St. Petersburg, 2011.
- Wang Qilong, Deng Xiaoyong. *The Academic Knight between East and West. A Biography of Alexander von Staël-Holstein*. Singapore: Cengage Learning Asia Pte Ptd, 2014 (in English).
- Willson, Martin; Brauen, Martin. *Deities of Tibetan Buddhism: The Zürich Paintings of the “Icons Worthwhile to See (Bris sku mthong ba don ldan)”*. Boston: Wisdom Publications, 2000 (in English).

Zorin A.V. “M.I. Tubianskii i Tibetskii fond Aziatskogo muzeia—Instituta vostokovedeniia AN SSSR” [M.I. Tubyansky and the Tibetan Collection of the Asiatic Museum — the Institute of Oriental Studies]. In: *Rozenbergovskii sbornik: vostokovednye issledovaniya i materialy* [Collected Papers in Memory of O.O. Rosenberg: Orientalist Studies and Materials]. St. Petersburg: izdatek'stvo A. Goloda, 2014, pp. 450–456 (in Russian).

Zorin A.V. “Tibetskii fond Instituta vostochnykh rukopisei RAN: iz istorii formirovaniia i katalogizatsii (1917–2013 gg.)” [The Tibetan Collection of the Institute of Oriental Manuscripts, RAS: From the History of Formation and Cataloguing (1917–2013)]. *Strany i narody Vostoka* [The Countries and Peoples of the East]. Issue XXXV. Moscow: Vostochnaya literatura, 2014, pp. 143–169 (in Russian).

Some Tibetological Documents Found in B.I. Pankratov's Fund at the Orientalists Archive of the IOM, RAS. Part 1. Materials on Tibetan-Mongolian Iconography

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2017, volume 14, no. 3 (issue 30), pp. 105–120)
Received 30.03.2017.

Alexander V. Zorin

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

This paper presents some documents found in the B.I. Pankratov archival collection that have a great significance for the history of Russian Tibetology and Buddhism. The first part deals with some draft materials relating to the early stage of Pankratov's study of the collection of Tantric *sādhana*s compiled by Ching su tsug thu no mon han blo bzang nor bu shes rab (b. 1677?), this text was apparently translated by Pankratov for the Sino-Indian Institute at Yenching University, Beijing, in the first half of the 1930s.

Key words: archival documents, B.I. Pankratov, Buddhist iconography, Ching su tsug thu no mon han, *sādhana*.

About the author:

Alexander V. Zorin, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher of the Department of Manuscripts and Documents, IOM RAS (kawi@yandex.ru).

Японские книги из сахалинских библиотек в ИВР РАН¹

Тамура Масато

Токийский Национальный музей

Судзуки Кэндзи

Университет Хоккайдо

Предисловие, перевод с японского языка и примечания

К.Г. Маранджян

Институт восточных рукописей

В статье японских историков рассказывается о собрании книг с Южного Сахалина, перевезенных в Ленинград в 1948 г. Анализируя японские библиотечные печати и штампы, они показывают, из каких источников были собраны эти книги, оставшиеся бесхозными после репатриации японского населения.

Ключевые слова: библиотечные штампы и печати, экслибрисы частных владельцев, библиотеки Южного Сахалина (Карафуту), репатриация населения.

Статья поступила в редакцию 05.05.2017.

Тамура Масато, старший научный сотрудник Токийского Национального музея, (dzdu.pisem@gmail.com).

Судзуки Кэндзи, научный сотрудник Университета Хоккайдо (ks0611@let.hokudai.ac.jp).

Маранджян Каринэ Генриховна, канд. исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Дальнего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (kmarandj@inbox.ru).

© Тамура Масато, Судзуки Кэндзи, 2014, 2017

© Маранджян К.Г., предисловие, перевод и примечания 2017

От переводчика

В одном из последних номеров журнала «Письменные памятники Востока» (Маранджян 2016: 91–100) была опубликована статья, рассказывающая об обстоятельствах появления Сахалинского фонда в составе фондов ИВР РАН. На сегодняшний день наш институт обладает самым обширным собранием книг, перевезенным в 1948 г. с Южного Сахалина, вошедшего к тому времени в состав СССР. Попавшие в ИВР РАН книги были инвентаризованы, получили свои библиотечные шифры и влились в общий книжный фонд. Большая часть книг осталась в ИВР РАН, а книги по естественным наукам были переданы в отраслевые институты Академии наук. Сегодня эти

¹ 田村将人・鈴木健治。ロシア科学アカデミー東洋古籍文献研究所における樺太旧蔵書について // «Хоккайдо-Тохоку си кэнкю» («Исследования по истории Хоккайдо и региона Тохоку»). Саппоро, 2014. № 10. С. 1–9.

книги можно выявить преимущественно по штампам японских библиотек из губернаторства Карафуто².

Интерес японских ученых из Центра изучения айнов и коренных народов Университета Хоккайдо к книгам с Южного Сахалина вполне понятен и оправдан, тем более что одним из направлений их деятельности является исследование истории Карафуто. Представляемая публикация имеет большую ценность для российских читателей, поскольку позволяет познакомиться с расшифровкой японских библиотечных печатей и экслибрисов, проставленных на печатных изданиях. Расшифровка печатей на книгах требует специальной подготовки и особых словарей, очень часто иероглифы на печатях используют в их архаическом написании (кит. стиль чжуань 篆). Список расшифрованных библиотечных штампов позволяет читателям не только отчетливее понять конкретные источники, из которых поступили книги, но и, что не менее важно, является своеобразным кратким справочником для тех исследователей, которые продолжают работу над изучением Сахалинского фонда в России.

Надеемся, что небольшая статья японских ученых послужит толчком для их российских коллег, которые также начнут заниматься расшифровкой печатей и экслибрисов, что, безусловно, станет важным шагом в деле изучения книжной культуры Японии.

К.Г. Маранджян

В начале декабря 2014 г., посетив ИВР РАН, мы смогли убедиться в наличии части книг из хранилищ Карафуто, тогда принадлежавшего Японии. После 1945 г. в годы установления советской администрации с Южного Сахалина было вывезено три вагона журналов и книг, которые были распределены по московским и прочим научно-исследовательским учреждениям (Виноградова 2006: 249–251). В данной статье мы представляем различные библиотечные штампы и печати, имеющиеся на книгах из Сахалинского фонда.

Сотрудники Института восточных рукописей Т.И. Виноградова и В.В. Щепкин любезно показали нам хранилище японских книг и журналов. Слова Т.И. Виноградовой о том, что «по-видимому, невозможно установить точное число книг, привезенных с Сахалина», не вызывают сомнений. Поскольку на всех книгах в хранилище проставлены шифры, очевидно, что все они прошли обработку, и нелегко будет выделить книги Сахалинского фонда из общей коллекции книг, собиравшихся несколькими поколениями сотрудников института.

Удостоверившись в существовании книг с Южного Сахалина, мы свою главную задачу видели в том, чтобы установить, возможно ли обследовать эти книги. Разумеется, речь не шла о всестороннем изучении — за час или два мы нашли и подержали в руках около 50–60 книг с Карафуто. Поэтому, честно говоря, вместо того чтобы делать записи о разнообразии библиотечных печатей на книгах, мы сфотографировали некоторые из них. Наверное, многое еще ждет уточнения и проверки, но все же мы представляем предварительный общий отчет.

Прежде всего обратимся к отчету властей Сахалинской области конца 1948 г. (отсылаем читателей к работам проф. Тонай Юдзуру³). Для советских граждан, недавно

² Японское название Южного Сахалина.

³ Профессор Тонай Юдзуру, сотрудник славистского центра Университета Хоккайдо, автор работ по истории Южного Сахалина в военное время.

переехавших на Южный Сахалин, равно как и для идеологии КПСС, трофейные японские книги, оставленные в большом количестве, представлялись «вредными». Была создана комиссия, в задачу которой входили проверка «на политическую благонадежность» и изъятие «неблагонадежных» книг. С мая по ноябрь 1948 г. проверку прошли 30 тыс. японских изданий, и многие из них были изъяты из употребления. Часть книг была передана представителям Академии наук (именно эти книги представлены в нашей публикации), а в библиотеке Сахалинской области для сохранения и использования было сосредоточено 3 тыс. томов (сохранились ли они до сегодняшнего дня неизвестно). В дальнейшем было выпущено распоряжение о том, что японские книги из всех районов Сахалинской области должны быть отправлены в Южно-Сахалинск (ГАСО 1996–1997: 216–217).

Когда мы просмотрели пару книг из книгохранилища ИВР РАН, стало понятно, что японские книги были перевезены из разных библиотек различных районов Карафуто. Информацию о библиотеках Карафуто или связанных с ними людях можно найти в публикациях Судзуки Дзин⁴. Номера под фотографиями библиотечных печатей и штампов (1–43) в целом представлены в следующем порядке: библиотеки г. Тоёхара⁵ и Отомари⁶, школьные библиотеки всех районов, бумажная фабрика, синтоистские храмы и, наконец, индивидуальные экслибрисы частных лиц. Наличие индивидуальных экслибрисов вызывает в памяти воспоминания репатриантов о том, что при посадке на направлявшиеся на родину суда советская сторона конфисковала у них все издания на японском языке (вероятно, им не оставалось ничего иного, как оставлять свои личные книги дома). Конечно, очень велика возможность обнаружения и других печатей и экслибрисов, поскольку общая картина пока еще весьма неполная. Публикуемые нами фотографии печатей и штампов представляют собой только малую их часть, это — лишь первый шаг в изучении сохранившихся книг из хранилищ Южного Сахалина. Поскольку в этот раз мы отказались от мысли разбирать сложенные в стопки многочисленные периодические издания, мы не сумели обнаружить официальные издания, выпускавшиеся губернаторством Карафуто и другими органами власти. Чтобы понять, каков объем книг, вывезенных с Южного Сахалина, число которых весьма значительно, желательны совместные усилия с ИВР РАН. В предложенном нами списке печатей и штампов мы заменили японские цифры на европейские, старые формы иероглифов на современные сокращенные, а вот даты издания оставили в том виде, в каком они были указаны, равно как и оставили без изменения девизы правления, не сменив их на современную европейскую систему летосчисления. Кроме того, мы не проводили замеры размеров печати, поэтому масштаб фотографий не унифицирован, что мы считаем своим долгом заранее обговорить.

Это исследование является частью проекта Центра изучения айнов и коренных народов Университета Хоккайдо, которым руководит профессор Танимото Акихиса. Проект называется «Исследование исторических материалов, связанных с айнами и северными народами», а он, в свою очередь, является частью более обширного проекта Историографического института Токийского университета «Изучение исторических материалов, связанных с историей Японии, и исследование исторических источ-

⁴ 鈴木仁 — автор ряда публикаций по истории библиотек Карафуто.

⁵ Советский город Южно-Сахалинск.

⁶ Советский город Корсаков.

ников, хранящихся за пределами Японии» (проф. Хоя Тору). В нынешнем исследовании помимо проф. Танимото Акихиса принимали участие проф. Сасаки Тосикадзу, проф. Тонай Юдзуру, Тамура Масато и Судзуки Кэндзи, кроме того, в России к нему подключились научный сотрудник ИВР РАН В.В. Щепкин и сотрудник Кунсткамеры Андрей Соколов. Фотографии выполнены Судзуки Кэндзи, а текст принадлежит Тамура Масато. В 2007 г. Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН был переименован в Институт восточных рукописей РАН.

Библиотечные печати и штампы на книгах с Южного Сахалина⁷

1. «Книги губернаторства Карафуто».
2. Наклейка: «Книги губернаторства Хоккайдо».
3. «Книги секретариата губернатора Хоккайдо».
4. «Книги губернаторства Карафуто».
5. «Библиотека Педагогического Общества [губернаторства] Карафуто».
6. «Принесено в дар господином Ямамото Ититаро (Сёва, 6 г., 12 июля). Из книг Ямамото. Сохранность первой степени. Просьба не слюнявить палец при перелистывании».
7. «Библиотека губернаторства Карафуто. Из книг Ямамото».
8. «Библиотека губернаторства Карафуто».
9. «Из книг библиотеки губернаторства Карафуто».
10. «Принесено в дар господином Усуки Торадзиро (Сёва, 18 г., 17 июня).
11. «Сохранность первой степени. Просьба не слюнявить палец при перелистывании».
12. «Принесено в дар господином Норитоми Ёсиюки (Сёва, 19 г., 15 июля). Библиотека Норитоми».
13. «Хата бунко. Библиотека [губернаторства] Карафуто».
14. «Библиотека г. Тоёхара в Карафуто».
15. «Отделение Полицейской ассоциации в Карафуто».
16. «Педагогическое общество уезда Отомари [губернаторства] Карафуто».
17. «Одзу».
18. «Из книг библиотеки г. Отомари [губернаторства] Карафуто».
19. «Передано в дар господином Сугамура Хироси. Библиотека г. Отомари [губернаторства] Карафуто (Сёва, 5 г., 25 января).

⁷ Таблица приводится с сокращениями: мы не включили в нее выходные данные изданий, на которых проставлены штампы и печати, полагая что они не столь актуальны в контексте интересующей нас темы.

20. «Библиотека Отомари».
21. «Библиотека Отомари».
22. «Муниципальная библиотека Отомари (Сёва, 16 г., 24 декабря)».
23. «Медицинские курсы губернаторства Карафуту».
24. «Библиотека Медицинских курсов (поставка: Сёва, 16 г., 20 ноября)».
25. «Секция книг Специальной медицинской школы [губернаторства] Карафуту (19, 9,1).
26. «Из книг Специальной медицинской школы [губернаторства] Карафуту».
27. Наклейка: «Женская школа высшей ступени г. Тоёхара губернаторства Карафуту. (Куплено: Тайсё, 11 г.)».
28. Из книг «Женской школы высшей ступени губернаторства Карафуту».
29. «Муниципальная женская школа высшей ступени округа Сикука [губернаторства] Карафуту».
30. Печать Муниципальной женской школы высшей ступени округа Сикука [губернаторства] Карафуту».
31. Печать главы Общества друзей Муниципальной женской школы высшей ступени [губернаторства] Карафуту».
32. Наклейка: «Книги школы № 3».
33. «Третья обычная начальная школа округа Сикука [губернаторства] Карафуту».
34. «Печать Муниципальной женской школы высшей ступени округа Сиритору [губернаторства] Карафуту».
35. «Муниципальная женская высшая школа прикладных наук округа Сиритору [губернаторства] Карафуту».
36. «Муниципальная торговая вспомогательная школа округа Сиритору [губернаторства] Карафуту».
37. «Из книг муниципальной торговой вспомогательной школы округа Сиритору [губернаторства] Карафуту».
38. «Вторая муниципальная общегражданская школа уезда Сиритору [губернаторства] Карафуту».
39. «Завод округа Сикука акционерного общества по производству вискозы».
40. «Г. Нода [губернаторства] Карафуту. Акционерное общество по производству бумаги Одзи. Завод в Нода. Производство Одзи. Завод в Нода (16.11.9).
41. Наклейка: «Отдел искусства клуба единомышленников Одзи».
42. Наклейка: «Книги синтоистского храма Карафуту».
43. «Итиносава, поселение Титосэдзи, деревня Титосэ уезда Отомари [губернаторства] Карафуту. [да] Минаёси».

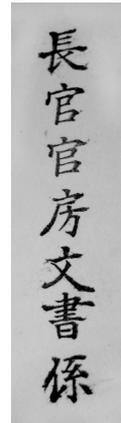
№ 1

№ 4

小票圖書大樺			
書名	滿州地誌		
著者版	守田利遠	/	版
番 號	162-1		
部 門	地 理		
部冊數	/	部	冊
飲 本		/	一
函 棚	2	函	棚

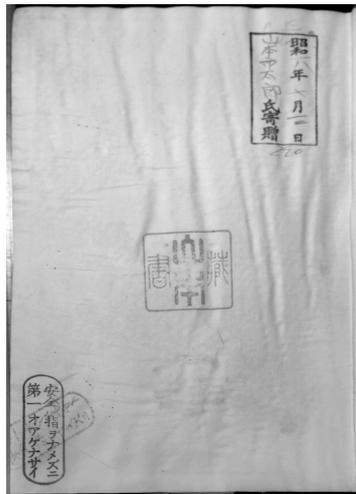
№ 2

№ 3

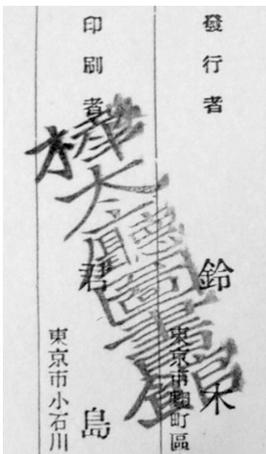
№ 5

№ 6

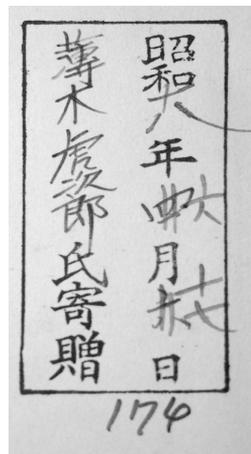
№ 7

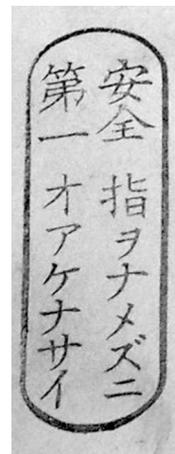
№ 8

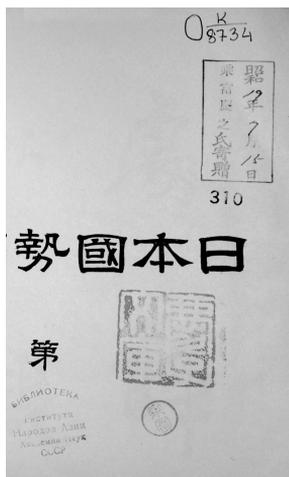
№ 9

№ 10

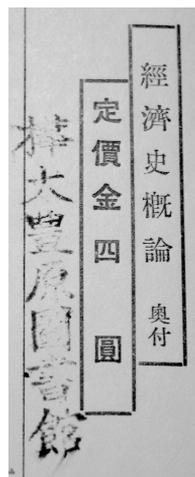
№ 11

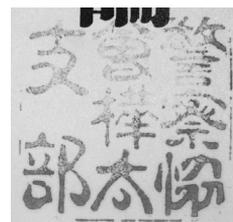
№ 12

№ 13

№ 14

№ 15

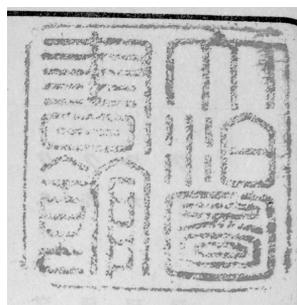
№ 16

№ 17

№ 19

№ 20

№ 21

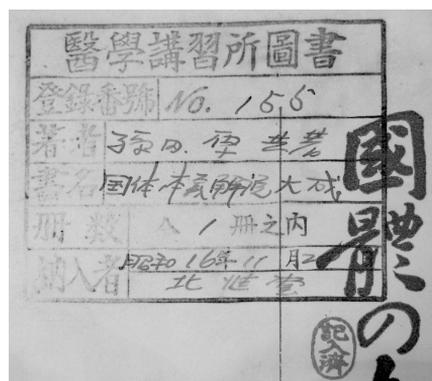
№ 18

№ 22

№ 23

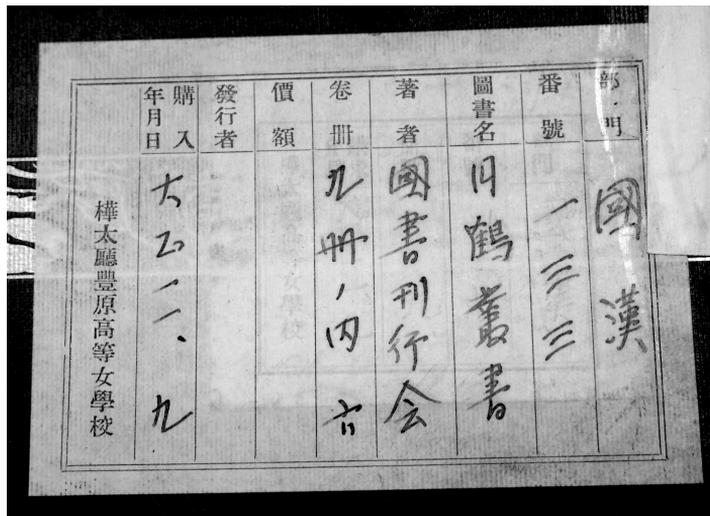
№ 24

№ 25

№ 26

№ 27

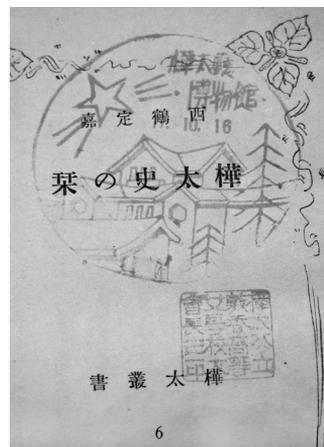
№ 28

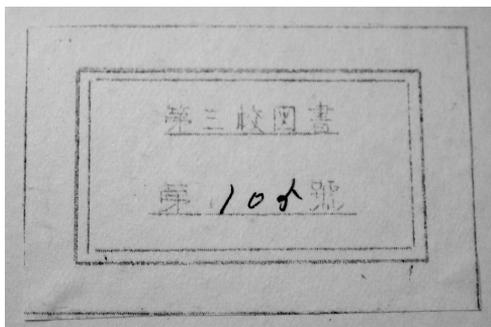
№ 29

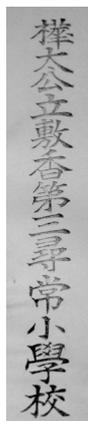
№ 30

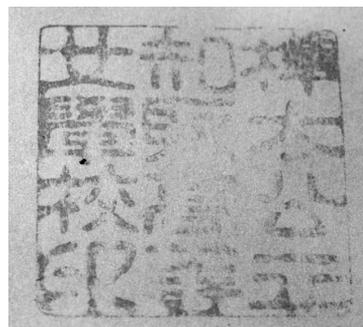
№ 31

№ 32

№ 33

№ 34

Литература

- Виноградова 2006 — *Виноградова Т.И.* «Сахалинский фонд» как часть книжного фонда библиотеки Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН // Письменные памятники Востока. 2006. № 2(5). С. 249–251.
- ГАСО 1996–1997 — Государственный Архив Сахалинской области. «Исторические чтения: Труды Государственного архива Сахалинской области», 2. Южно-Сахалинск, 1996–1997. С. 216–217.
- Маранджян 2016 — *Маранджян К.Г.* История Сахалинского фонда из собрания ИВР РАН // Письменные памятники Востока. 2016. № 4(27). С. 91–100.

References

- Gosudarstvennyi arhiv Sakhalinskoi oblasti. “Istoricheskie chteniia: Trudy Gosudarstvennogo arhiva Sahalinskoi oblasti”, 2 [State Archive of Sakhalin region. Historical readings. Transactions of the State Archive of the Sakhalin Region]. Iuzhno-Sahalinsk, 1996–1997, pp. 216–217 (in Russian).
- Marandjian K.G. *Istoriia Sakhalinskogo fonda iz sobraniia IVR RAN* [The Sakhalin Fund of the Institute of Oriental Manuscripts]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 4(27), 2016, pp. 91–100 (in Russian).
- Vinogradova T.I. “*Sakhalinskii fond*” kak chast' knizhnogo fonda biblioteki Sankt-Peterburgskogo filiala Instituta vostokovedeniia RAN [The Sakhalin Fund as a part of the library of Institute of Oriental Studies (St. Petersburg Branch)]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2(5), 2006, pp. 249–251 (in Russian).

The IOM RAS Japanese Books from Sakhalin Libraries

(*Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2017, volume 14, no. 3 (issue 30), pp. 121–130)
Received 06.05.2017.

Tamura Masato
Tokyo National Museum

Suzuki Kenji
Hokkaido University

Translation from Japanese, introduction and commentaries by

Karine G. Marandjian

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The article by Japanese historians deals with Japanese books from Southern Sakhalin (Karafuto) brought to Leningrad in 1948. Analyzing the library stamps and bookplates, the authors trace the sources the ownerless books were gathered from after the repatriation of the Japanese population.

Key words: Japanese bookplates and library stamps, private owners' ex-libris, libraries of Southern Sakhalin (Karafuto), repatriation of the Japanese population.

About the authors:

Tamura Masato, Curator, Senior Researcher of the Tokyo National Museum (dzdu.pisem@gmail.com).

Suzuki Kenji, Researcher of the Hokkaido University (ks0611@let.hokudai.ac.jp).

Karine G. Marandjian, Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Department of Far Eastern Studies, IOM RAS (kmarandj@inbox.ru).

Конференция
«Актуальные проблемы буддологических исследований»
 (Санкт-Петербург, 20 февраля 2017 г.)

Т.В. Ермакова
 Институт восточных рукописей РАН

Ключевые слова: буддизм, буддологические исследования, Институт восточных рукописей РАН.

Статья поступила в редакцию 30.04.2017.

Ермакова Татьяна Викторовна, канд. философских наук, старший научный сотрудник Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (taersu@yandex.ru).

© Ермакова Т.В., 2017

Конференция «Актуальные проблемы буддологических исследований», организованная в рамках постоянно действующего на базе сектора Южной Азии ИВР РАН семинара «Религии Южной Азии» — проходила 20 февраля 2017 г. Доклады представили научные сотрудники сектора Южной Азии, Отдела Дальнего Востока, Отдела рукописей и документов, к участию в заседании были привлечены аспиранты ИВР РАН.

Руководитель семинара Е.П. Островская (д.филол.н., гл.н.с., профессор, зав. сектором Южной Азии), открывая заседание, подчеркнула, что его цель — осветить промежуточные результаты текущих исследований буддизма, реализуемых участниками, и, что особенно важно, провести активную дискуссию, учитывая, что конференция организована в рамках семинара.

Ю.В. Болтач (к.и.н., с.н.с. Отдела Дальнего Востока) в докладе «События эпохи Корё в „Самгук юса“: история одной буддийской реликвии» изложила результаты комплексного исследования раздела памятника, посвященного культу буддийских реликвий в Корее. Докладчица подчеркнула, что именно этот раздел исторического свода, составленного на китайском языке монахом Ирёном (1206–1289), содержит описание событий, современником которых был Ирён. В подробностях был изложен эпизод об утрате и вторичном обретении в Корее Зуба Будды — одного из главных объектов поклонения в рамках буддийского культа останков Будды (*шарипа*). Ввиду распространенности почитания *шарипа* в буддийской культуре оживленную дискуссию вызвало подробное изложение его корейских реалий.

Доклад С.Х. Шомахмадова (к.и.н., с.н.с. сектора Южной Азии) «Санскритские фрагменты из коллекции С.Е. Малова в рукописном собрании ИВР РАН» тематически был связан с анализом санскритской части коллекции и обобщал промежуточные итоги работы. Докладчик осветил историю обработки и исследования рукописных артефактов, привезенных собирателем. Особое внимание было уделено проблемам палеографического обследования фрагментов и научного анализа содержания рукописей. Именно перспектива их изучения и научная ценность были предметом обсуждения. С.Х. Шомахмадов аргументированно показал, что коллекция С.Е. Малова

представляет собой источниковый ресурс для изучения репертуара буддийской литературы в Восточном Туркестане.

Р.Н. Крапивина (к.и.н., с.н.с. Отдела Дальнего Востока) в докладе «О подходе к изучению буддийского философского текста на тибетском языке» обозначила гуманитарный аспект изучения письменных памятников буддизма: универсальность философских, нравственных проблем, поднимаемых в них, делает их актуальными для современного человека, а их источниковедческое исследование и перевод заставляют задуматься о метафизическом плане человеческой жизни.

С.Л. Бурмистров (д.филос.н., в.н.с. сектора Южной Азии) в докладе «Структура „виджняна-скандхи“ по трактату Асанги „Абхидхарма-самуччая“» осветил сложные проблемы перевода и интерпретации базовых понятий буддийской религиозно-философской мысли. Асанга, как аргументировал докладчик, в исследуемом трактате обращается к понятию «сознание-сокровищница» с целью анализа структуры сознания. По докладу обсуждалась проблематика сознания в связи с реальностью, как она понималась авторами буддийских философских трактатов.

В докладе А.В. Зорина (к.ф.н., с.н.с. Отдела рукописей и документов) «Гимн шести украшениям Джамбудвипы Рэдава Шонну Лодроя: по калмыцкой рукописи XVIII в.» был представлен комплексный анализ небольшой рукописи из связки листов на тибетском языке под шифром Tib. 970 из собрания ИВР РАН. Несмотря на отсутствие названия и колофона, А.В. Зорину удалось идентифицировать текст рукописи как «Гимн шести украшениям Джамбудвипы» известного тибетского наставника Рэдава Шонну Лодроя (1349–1412). В докладе были отмечены некоторые палеографические особенности рукописи, представлен анализ композиции (в частности, указаны очевидные интерполяции) и стилистики текста, предложены предварительная атрибуция и датировка рукописи как калмыцкой (ойратской), относящейся к середине XVIII в.

Е.П. Островская (д.филос.н., гл.н.с., профессор, зав. сектором Южной Азии) выступила с докладом «Определения терминов “abhidharma” и “abhidharmakośa” в „Абхидхармакоша-бхашье“ Васубандху», в нем она очертила направления работы по упорядочению и уточнению переводов санскритской философской терминологии. В связи с этим был предпринят исторический экскурс в индийскую лексикографию и установлено своеобразие подхода Васубандху: дать свод всей лексики, которой оперировали знатоки Абхидхармы. При таком подходе «Абхидхармакоша» — текст —местилище мудрости.

Доклад А.А. Сизовой (м.н.с. Отдела рукописей и документов) был посвящен переводу сочинения «Абхидхармакоша-карика» Васубандху на монгольский язык. Сочинение Васубандху «Абхидхармакоша» является одним из крупнейших памятников буддийской религиозно-философской мысли. Переводы «Абхидхармакоши» на китайский, тибетский, уйгурский, тохарский и монгольский языки, выполненные в процессе продвижения буддизма за пределы Индии, издавна привлекают внимание исследователей. Однако, подчеркнула А.А. Сизова, к исследованию монгольского перевода и научному изданию его текста вплоть до настоящего времени никто не приступал. Было представлено общее описание двух основных источников для изучения монгольского перевода «Абхидхармакоши»: уникальный список из коллекции ИВР РАН (Монгольский фонд, шифр С 495) и ксилографическое издание монгольского Данджура, экземпляры которого хранятся в Монголии и КНР. Также были изложены предварительные выводы о характере используемой в переводе терминологии, основанные на сравнении монгольского перевода с тибетским текстом и оригиналом на санскрите.

Истории востоковедения был посвящен доклад Т.В. Ермаковой (к.филос.н., с.н.с. сектора Южной Азии) «Публикации И.П. Минаева о путешествии в Непал в 1875 г.». На основе анализа тематически взаимосвязанных трех публикаций И.П. Минаева

было установлено, что родоначальник российской индологии был первым профессиональным индологом, не только посетившим Непал, но и оставившим очерки страноведческого характера. По детальности проработки географических, климатических особенностей Непала, подробности описания маршрутов путешествия и способов передвижения эти небольшие по объему публикации, подчеркнула Т.В. Ермакова, могли служить ориентирами для будущих путешественников.

В.Ю. Климов (к.и.н., с.н.с. Отдела Дальнего Востока) в докладе «Синтоистские божества, будды и бодхисатвы в иерархической системе координат школы „дзёдо синсю“ (по наставлениям восьмого патриарха Рэннё)» поднял актуальную буддологическую тему — состав буддийского пантеона, его региональные особенности и «школьные» интерпретации. На основе посланий Рэннё (1415–1499) В.Ю. Климов выстроил структуру пантеона школы «Истинной Веры Чистой Земли», за точку отсчета взяв Будду Амиду. В докладе была очерчена специфика подхода Рэннё: все персонажи пантеона — проявления Будды Амиды, поклонение ему обеспечивает адепту покровительство всех других божеств, поскольку они представляют частный аспект его исчерпывающего могущества.

В докладе В.П. Иванова (к.ф.н., с.н.с. сектора Южной Азии) «Язык „Бхаванахрамы“ Камалашилы» были охарактеризованы композиционные, стилистические, лингвистические особенности 3-й части знаменитого трактата Камалашилы «Бхаванахрама». На основе комплексного анализа памятника докладчик сделал вывод о дидактическом характере сочинения, адресатом которого могла быть широкая аудитория монахов и буддистов-мирян. Аналитическая реконструкция целевой аудитории трактата, подчеркнул В.П. Иванов, проливает свет на генезис этого санскритского источника, а также позволяет представить культурно-конфессиональную среду Тибета, где, как традиционно считается, этот текст создавался в ранний период распространения Дхармы.

Доклад О.В. Лундышевой (ст. лаборант Отдела рукописей и документов) «„Палеография буддизма“: роль рукописных материалов в изучении распространения буддийского учения» был построен на материале рукописного собрания ИВР РАН. Были продемонстрированы возможности палеографического анализа рукописей для реконструкции процесса распространения буддизма, направлений миссионерской деятельности буддийских проповедников. Особое внимание в докладе уделено буддийским рукописям из Центральной Азии в аспекте соотношения языка и вида письменности.

Таким образом, тематически выступления охватывали широкий диапазон проблематики классического востоковедения: источниковедение; комментированный перевод и исследование письменных памятников буддизма; палеографическое обследование рукописных коллекций ИВР РАН.

Conference “Current Topics of the Buddhist Studies”

(St. Petersburg, February 20, 2017)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2017, volume 14, no. 3 (issue 30), pp. 131–133)

Received 30.04.2017.

Tatiana V. Ermakova

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: Buddhism, Buddhist Studies, Institute of Oriental Manuscripts, RAS.

About the author:

Tatiana V. Ermakova, Cand. Sci. (Philosophy), Senior Researcher of the Department of Central Asian and South Asian Studies, IOM RAS (taersu@yandex.ru).

Общество и культура Древнего Востока:

II Конференция памяти В.А. Яacobсона

(Санкт-Петербург, 14–15 марта 2017 г.)

И.В. Богданов

Институт восточных рукописей РАН

Ключевые слова: история и культура Древнего Востока, Институт восточных рукописей РАН.

Статья поступила в редакцию 15.05.2017 г.

Богданов Иван Валерьевич, канд. исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Древнего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (bogdanov.ivan.75@gmail.com).

© Богданов И.В., 2017

В марте 2017 г. в ИВР РАН состоялась конференция, посвященная памяти Владимира Ароновича Яacobсона (26.10.1930 — 05.03.2015), выдающегося отечественного ученого-ассириолога и замечательного знатока истории древневосточных цивилизаций. В нашем институте В.А. Яacobson проработал без малого полвека.

Круг научных интересов В.А. Яacobсона был весьма широк. Помимо ассириологии его всю жизнь интересовали проблемы происхождения государства, типологии древневосточных обществ и цивилизаций, истории права на Востоке, вопросы формирования литературных жанров в архаических цивилизациях. Интересы ученого продиктовали направления работы конференции. Здесь нашли свое отражение проблемы политической истории и международных отношений, государства и права, общие вопросы источниковедения и историографии Древнего Востока. Принять участие в этом научном мероприятии изъявили желание ученики и коллеги ученого, близко знавшие Владимира Ароновича, а также молодые исследователи, изучавшие востокovedную науку по его работам, которые были и остаются образцами мастерства ученого-востоковеда. В ходе конференции было прочитано 13 докладов.

Конференция открылась приветственным словом директора ИВР РАН, д.и.н., проф. И.Ф. Поповой. Она отметила ключевое значение работ В.А. Яacobсона в контексте истории отечественного востоковедения.

В докладе Б.Е. Александрова (к.и.н., с.н.с., исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедра истории древнего мира) «Ассирийское присутствие на западе Джазиры в конце XIII — начале XII в. до н.э.» была проанализирована проблема территориальной экспансии среднеассирийского государства на пике его могущества. Исследования последних лет показали, что традиционные модели объяснения этого процесса сталкиваются с существенными сложностями. Модель, согласно которой главной целью ассирийских завоеваний на западе была экономическая эксплуатация, не дает ответа на вопрос, почему столичные архивы не содержат документов, подтверждающих регулярную практику выкачивания ресурсов из завоеванных террито-

рий. Модель, приписывающая роль вдохновителя экспансии храму бога Ашшура, не учитывает того, что система обеспечения храма за счет провинций возникла лишь спустя 100 лет после начала ассирийских завоеваний на западе. Анализ архивов из Телль-Шейх-Хамада, Телль-Саби-Абьяда и Телль-Хуверы показывает, что основные усилия ассирийской администрации западных провинций были направлены на поддержание локальной безопасности, а также организацию ремесла и сельскохозяйственного производства, удовлетворявших местные нужды.

Сообщение И.В. Богданова (к.и.н., с.н.с., ИВР РАН) «“Another Brick in the Wall”». Новый фрагмент рельефа из гробницы древнеегипетского флотоводца Ини» было посвящено обзору всех известных памятников из гробницы Ини. Отдельное внимание было уделено рельефу, реконструированному Микеле Марколином из нескольких фрагментов, хранящихся в разных музеях и частных коллекциях, прежде всего в Барселоне и Токио. Как фрагмент этой части стены был идентифицирован рельеф, опубликованный в каталоге аукциона Charles Ede 1993. Кроме того, рельеф, проданный с аукциона Christie’s в 2007 г. (Lot 7), был атрибутирован как памятник из гробницы Ини по косвенным данным.

Доклад А.Г. Грушевого (к.и.н., с.н.с., ИВР РАН) «Римская власть в восприятии греков (надписи из Лампсака, Метрополиса, Клароса и Приены II в. до н.э.)» был посвящен истории греческих городов западного и южного побережья Анатолии на переходе от эллинизма к римской эпохе. По мнению докладчика, многочисленные превосходные эпитеты, встречающиеся в надписях II в. до н.э. из Греции и Малой Азии в адрес Рима и римлян, защитников и гарантов всех свобод, развились из витиеватой фразеологии царских писем эллинистического времени. Оба эти явления прекрасно иллюстрируют суть последнего этапа политического развития древней Греции. Докладчик подчеркнул, что, если в классический период (V–IV вв. до н.э.) демократическое устройство полисов было политическим завоеванием демоса и обеспечивало демократию для свободных и полноправных мужчин, то с эпохи эллинизма народовластие (власть демоса) начинает формализоваться и вырождаться. По мысли исследователя, формальное сохранение всех демократических институтов не может скрыть основного: народовластие из политического завоевания превращается в «управляемую демократию», ибо с эпохи эллинизма возможность каждого города жить по своим законам и политическим нормам традиционного народовластия определяется милостивым отношением эллинистического монарха, затем — римского сената и римского наместника в провинции.

В докладе В.В. Емельянова (д.филос.н., проф., СПбГУ) «Дни рождения людей и демонов в шумерских текстах» были рассмотрены пять шумерских клинописных текстов из г. Лагаша, составленных в эпоху царя Лугаланды (XXIV в. до н.э.). Тексты содержат список жертв, принесенных в храме богини Бау по случаю рождения детей в семье царя. Установлено, что это первые в истории письменности упоминания праздника дня рождения. Предложена гипотеза датировки текста DP 218 временем осеннего равноденствия. Автор предполагает, что необходимость отмечать рождения связана с подчинением хозяйства храма Бау царской семье и с возникновением сакрального родословия царя Лугаланды. Отдельным курьезным случаем является дата рождения демонов-асакку (21-й день Кислиму), которая пока не имеет надежного объяснения в науке.

Н.В. Козырева (д.и.н., проф., в.н.с., ИВР РАН) в своем сообщении «Южная Месопотамия в середине II тыс. до н.э.: город и провинция» поставила для себя задачей показать, каким образом на протяжении двух тысяч лет периода ранней древности (IV–II тыс. до н.э.) на территории Южной Месопотамии менялись структура органи-

зации поселений и этнический состав населения. Изначально главными производителями материальных ресурсов и поставщиками основных трудовых и военных резервов в регионе Южной Месопотамии выступали городские системы, сложившиеся в конце IV тыс. до н.э. Неотъемлемой частью этих ранних структур была высокая степень самоуправления и автономии, без чего такая модель городского хозяйства не могла функционировать. Во второй половине III тыс. до н.э. на эту систему наложился изначально чуждый ей институт централизованной (царской) власти, создав серьезный внутренний дисбаланс. В течение почти тысячи лет, с середины III тыс. до середины II тыс., централизованная власть всячески пыталась поставить городские системы под свой полный контроль, сделать городские институты частью своей административной системы. Однако это оказалось невозможным. Все попытки объединения территории Южной Месопотамии в централизованное государство рано или поздно заканчивались грандиозными городскими восстаниями. Только после того как в середине II тыс. до н.э. ранняя модель города фактически была уничтожена, появилась возможность достаточно прочно объединить всю территорию Южной Месопотамии в рамках единой централизованной системы управления.

Доклад С.И. Марахоновой (к.и.н., н.с., ИВР РАН) «С.Г. Елисеев и А.Е. Яковлев: к атрибуции одного портрета» был посвящен взаимоотношениям известных японоведа и художника прошлого века. Восстановление биографии С.Г. Елисеева было, естественно, связано с изучением множества фотографий. Благодаря этой работе удалось отождествить хранящуюся в Архиве востоковедов ИВР РАН фотографию неизвестной женщины как изображение Веры Петровны Елисеевой, супруги ученого. В свою очередь, эта фотография способствовала атрибуции «Портрета неизвестной женщины» кисти А.Е. Яковлева, созданного в Париже в 1934 г. Портрет находится сейчас в частной коллекции и будет числиться в каталогах как «Портрет В.П. Елисеевой».

В докладе И.Н. Медведской (д.и.н., в.н.с., ИВР РАН) «Иран в начале I тыс. до н.э.» были представлены некоторые результаты изучения археологических памятников четырех районов Ирана этого периода, дающих представление о культуре и культурообразующих связях каждого из них. Формирование материальной культуры, в частности, зависело от политической ситуации в регионе, что и демонстрируют памятники, вошедшего в состав Урартского царства в конце IX в. Приурмийского района, обнаруживающие результаты культурного взаимодействия со странами позднелеттского круга до конца VIII в. О взаимодействии культур востока и запада свидетельствует расписная керамика Центрального Ирана, демонстрирующая структурное единство с греческой вазописью позднегеометрического периода (760–700 гг. до н.э.). Памятники Прикаспийского района указывают на связи с Закавказьем. Культурную самобытность обнаруживают мидийские памятники на западе Хамаданской равнины.

В сообщении А.В. Немировской (к.филол.н., доцент каф. Древнего Востока СПбГУ) «К вопросу о том, как египетские писцы записывали неегипетские слова (к предистории ханаанской консонантной письменности)» были собраны примеры, по мысли докладчика, свидетельствующие о том, что египетские писцы стремились воспроизвести на письме не только звучание, но и графический облик неегипетских слов в соответствии с их записью в той писцовой культуре, из которой они восприняты, т.е. — клинописной. Докладчик пришла к заключению, что к писцовым приемам, наблюдаемым в древневосточных письменных памятниках (письма архива из Эль-Амарны; ханаанская лексика в египетских текстах Нового царства), необходимо подходить с точки зрения преемственности обучения в интернациональной писцовой среде II тыс. до н.э., ставшей тем фундаментом, на котором в конечном счете сформировался ханаанский консонантный алфавит.

В докладе В.П. Никонорова (к.и.н., с.н.с., ИИМК РАН) «К вопросу о древнейших изображениях скифов на Ближнем Востоке» были рассмотрены изображения скифов периода их пребывания в Передней Азии (конец VIII — VII в. до н.э.). Помимо глиняных, каменных и гравированных образов кочевников в остроконечных шапках, зачастую показанных конными и бородами, которые происходят с Кавказа, из Малой Азии, Сирии и Египта, автор привлекает изображения мужских персонажей на двух бронзовых сосудах из Хасанлу (близ оз. Урмия). По своему внешнему облику они отличаются от всех других изображений людей на памятниках искусства, найденных на этом городище. В свете близких аналогий на предметах скифского искусства их можно считать скифами, оказавшимися в Северо-Западном Иране во время скифского вторжения на Ближний Восток. Эти сосуды из Хасанлу, по всей видимости, представляли собой продукцию местных мастеров, но изготовлены они были под влиянием одного из иконографических канонов сирийско-хеттского монументального искусства, известного, в частности, по некоторым рельефам из Кархемыша.

В докладе С.Р. Тохтасьева (к.и.н., с.н.с., ИВР РАН) «Из древнейшей истории греческого алфавита» был рассмотрен вопрос о происхождении и смысле удвоенного написания согласных в греческой алфавитной письменности. Обратившись к ее семитскому источнику, автор обнаружил, что ни в одной из финикийских и прочих западносемитских надписей XIII–VIII вв. до н.э. раскрытые написания геминат не засвидетельствованы, хотя вообще оппозиция *geminata* : *simplex* играет в семитском важнейшую грамматическую роль. Большинство греческих эпиграфических памятников следуют в этом отношении своим семитским прототипам. Так докладчик ставит проблему: существовали особые причины возникновения столь необычной графической практики, и их необходимо выявить. На общегреческом фоне исключением является Восточная Иония, где обозначение геминат на письме было практически нормативным уже по меньшей мере в начале VI в. до н.э. Естественно предположить, что речь идет об ионийском изобретении, ведь именно здесь не позже середины VII в. был изобретен знак Ω для долгого закрытого [ō], а знак Η, первоначально обозначавший [h], был приспособлен для обозначения аналогичного [ē]. Практическое значение эти знаки могли иметь только в стихе, который основан на чередовании долгих и кратких слогов. То же касается открытого написания геминат, которые, как и прочие сочетания согласных, образуют в стихе позиционную долготу слога. По гипотезе С.Р. Тохтасьева, обозначение на письме удвоенных согласных было изобретено в эпоху создания «Илиады» и «Одиссеи». Их родина, Иония, стала источником иррадиации этой практики по всей греческой ойкумене в конечном счете благодаря гомеровским поэмам, которые быстро сделались общегреческим достоянием.

С.А. Французов (д.и.н., заведующий Отделом Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, доцент) в своем выступлении «В.А. Яковсон о „путях истории“» остановился на вкладе Владимира Ароновича в разработку теории исторического развития (или, если угодно, историософии). В этой сфере он оказался верным последователем своего Учителя — И.М. Дьяконова, что не исключало наличия между ними определенных расхождений, в частности, в определении количества формаций и фаз, пройденных человечеством с древнейших времен до наших дней. Творчески используя достижения марксизма, В.А. Яковсон не чуждался цивилизационного подхода, хотя и указывал на необходимость его более тщательного осмысления. «Нерукотворным памятником» ему стал выдержавший множество переизданий 1-й том шеститомной «Истории Востока» — «Восток в древности» (М., 1997), в редактирование и написание ключевых разделов которого он вложил массу времени и сил. Высочайший уровень компетенции В.А. Яковсона как специалиста по общим проблемам историче-

ского процесса, никогда не забывавшего положения Гегеля о том, что «истина всегда конкретна», наглядно показывает одна из его рецензий, опубликованная более десяти лет назад: *Jacobson V.I.A.* [Rev.]: Eric Bournazel et Jean-Pierre Poly (Hrsg.), *Les féodalités. Histoire générale des systèmes politiques*. VIII + 807 S., 6 Abb. Paris, Presses Universitaires de France, 1998 // *Archiv für Orientforschung*. 50. 2003/2004. S. 453–455.

В сообщении «Новые клинописные документы из поселений пленных иудеев в Вавилонии (VI–V вв. до н.э.)» Н.О. Чехович рассказала о ходе публикации новых материалов из коллекций Д. Софера и М. Скёйна. Таблички (их всего около 220) приобретены у антикваров без указания места находки документов. Большинство датировано временем персидского владычества, более ранних — единицы; последняя дата — 9-й год правления Ксеркса (477/476 гг. до н.э.). В вышедшем в 2014 г. томе CUSAS 28, подготовленном Л. Пирс и К. Вунш, подробно представлена ономастика; К. Вунш готовит публикацию из коллекции Скёйна в издательстве ISLET, Дрезден. Общий именной указатель обоих томов уже опубликован. Стали известны совершенно новые иудейские теофорные имена с элементом «Яхве» (Яма, Яху), перечисляются египтяне, персы и выходцы из Восточного Средиземноморья — язычники. Упоминаются «наделы лука», есть явно военный подтекст. Поселенцы живут в Аль-Яхуду («Поселок Иуды») и в Бит-Нашар. У зажиточных семей имеются рабы.

Доклад М.М. Юнусова (к.и.н., н.с., ИВР РАН) «Финикийский пурпур: легенды и факты» был посвящен легендам и истории производства пурпура на финикийском (ливанском) побережье Восточного Средиземноморья. Производство красителя, получаемого из морских брюхоногих моллюсков, по данным античных источников, восходит к середине II тыс. до н.э. К середине следующего тысячелетия мастера из Тира производили ткани, окрашенные в бордовый, лиловый, огненно-красный и фиолетовый цвета, которые ценились весьма дорого во всем Средиземноморье. В XIX в. европейские ученые сумели изобрести синтетический краситель, который почти полностью заменил дорогостоящий и трудоемкий по производству краситель, получаемый из моллюсков.

Все сообщения докладчиков были заслушаны аудиторией с большим вниманием и интересом. Многие из них вызвали оживленные дискуссии.

The Second Academic Conference “Society and Culture of the Ancient Near East” in Memory of Vladimir A. Jacobson

(St. Petersburg, March 14–15, 2017)

(*Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2017, volume 14, no. 3 (issue 30), pp. 134–138)

Received 15.05.2017.

Ivan V. Bogdanov

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: history and culture of the Ancient Orient, Institute of Oriental manuscripts, RAS.

About the author:

Ivan V. Bogdanov, Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Department of Ancient Eastern Studies, IOM RAS, Russia (bogdanov.ivan.75@gmail.com).

2-я Всероссийская научная конференция молодых востоковедов «Китай и соседи»

(Санкт-Петербург, 16–17 марта 2017 г.)

Т.А. Пан

Институт восточных рукописей РАН

Ключевые слова: молодые востоковеды, история и культура Китая, Институт восточных рукописей РАН, Институт Конфуция при СПбГУ.

Статья поступила в редакцию 29.03.2017 г.

Пан Татьяна Александровна, канд. исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Отделом Дальнего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (ptatiana@inbox.ru).

© Пан Т.А., 2017

В 2016 г. Отдел Дальнего Востока ИВР РАН инициировал проведение 1-й научной конференции молодых петербургских востоковедов «Китай и соседи» состоявшейся 3–4 марта 2016 г. (см.: Письменные памятники Востока, 2016, т. 13, № 3 (вып. 26), с. 139–142). Она вызвала большой интерес среди бакалавров и магистрантов, изучающих историю и культуру Китая и сопредельных стран. Поскольку она вышла за рамки санкт-петербургских вузов, то было решено проводить ее как Всероссийскую конференцию молодых востоковедов. Именно поэтому в 2017 г. был изменен ее статус, и она теперь называется Всероссийская научная конференция молодых востоковедов «Китай и соседи». Как и в 2016 г., конференция была проведена сотрудниками Отдела Дальнего Востока ИВР РАН совместно с Восточным факультетом СПбГУ и Институтом Конфуция при СПбГУ и стала площадкой для выступления молодых, начинающих ученых, которые только вступают на тернистый путь научного исследования. Повторяя цели и задачи уже второй конференции, оргкомитет конференции (заведующая Отделом Дальнего Востока ИВР РАН, к.и.н. Т.А. Пан; в.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН, к.и.н. В.В. Щепкин и старший преподаватель кафедры истории стран Дальнего Востока СПбГУ, к.и.н. Ю.С. Мыльников) предложил широкую тематику обсуждаемых проблем — предполагались выступления по истории и историографии, культуре и литературе, религии и этнографии, экономике и политике Китая и сопредельных стран с древнейших времен до современности.

На 2-ю Всероссийскую научную конференцию молодых востоковедов «Китай и соседи» было подано 40 заявок от студентов различных кафедр Восточного факультета СПбГУ; кафедры философии и культурологии Востока Института философии СПбГУ; кафедры мировой политики факультета международных отношений СПбГУ; Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ; факультета мировой экономики и мировой политики Школы востоковедения НИУ

ВШЭ; факультета искусств СПб. Государственного унитарного университета профсоюзов; Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета; Гуманитарного института СПб. Политехнического университета им. Петра Великого; факультета востоковедения и истории Педагогического института Тихоокеанского государственного университета; гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета; факультета международных отношений Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; факультета международных отношений (отделение Зарубежное регионоведение) МГИМО МИД РФ; Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета; Благовещенского государственного педагогического университета; факультета гуманитарных наук Гамбургского университета; Центра Корейских исследований Института Дальнего Востока РАН; Института стран Азии и Африки МГУ. Таким образом, на конференции были представлены учебные заведения Санкт-Петербурга, Москвы, Хабаровска, Казани, Благовещенска, Новосибирска, Томска и Гамбурга. К сожалению, новосибирские и благовещенские участники не смогли добраться до Санкт-Петербурга в силу финансовых трудностей перелетов по России. Такой географический разброс участников, безусловно, говорит об актуальности проведения подобных научных молодежных мероприятий и заинтересованности студентов и магистрантов в представлении своих научных разработок.

На открытии конференции с приветственным словом выступили: директор ИВР РАН, д.и.н. И.Ф. Попова; первый заместитель декана Восточного факультета СПбГУ, к.ф.н. А.А. Родионов; директор с китайской стороны Института Конфуция в СПбГУ д-р Чжан Жукуй и директор Института Конфуция с российской стороны, к.и.н. Ю.С. Мыльникова. И.Ф. Попова сделала краткий обзор истории китаеведения в Санкт-Петербурге, познакомив участников конференции с традицией петербургской классической востоковедной школы и определив основные направления ее современного развития.

В течение двух дней были заслушаны 38 докладов, разделенных на несколько секций: история отношений Китая и сопредельных государств (ведущая — к.и.н. Т.А. Пан), искусство Китая (ведущие — к.ф.н. Д.И. Маяцкий, д-р Чжан Жукуй), религии Китая и Японии (ведущая — к.и.н. Т.А. Пан), Китай и Запад в XVIII–XX вв. (ведущий — к.и.н. А.Э. Терехов), современный Китай (ведущие — к.и.н. М.А. Гулёва, аспирант ИДВ Р.Н. Лобов), Китай XX в., филология (ведущие — д.ф.н. М.Е. Кравцова, м.н.с. С.Ю. Рыженков), японоведение (ведущий — к.и.н. В.В. Щепкин). Даже простое перечисление названий секций дает представление о широте поднимавшихся проблем. В этот раз было решено проводить заседания в двух параллельных аудиториях, чтобы по сравнению с прошлогодней конференцией дать больше времени докладчикам и иметь возможность обсудить доклады и задать вопросы по ним. С одной стороны, это позволило студентам и слушателям вести полемику, но с другой — лишило возможности прослушать большое количество докладов на иные темы.

Было представлено много интересных и логично оформленных докладов с хорошими презентациями. Можно выделить некоторые из них: П.И. Бузык (магистрантка Восточного факультета СПбГУ) сделала доклад «О содержании и историческом значении „Благоразумно утвержденного постановления по улучшению управления Тибетом“ 1751 г.»; А.С. Шахигулин (студент 3-го курса Восточного факультета СПбГУ кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии и Кореи) — «К вопросу о военных трактатах Чан Хынг Дао»; Ю.А. Дидбаридзе (Гуманитарный институт СПбПУ) —

«Ми Ваньчжун и собиране причудливых камней в эпоху династии Мин»; Н.В. Анфилова (Восточный факультет СПбГУ, кафедра филологии Юго-Восточной Азии и Кореи) — «Малайско-индонезийский шаманизм и выявление влияния ислама на основе текстов заклинаний»; В.А. Шабеллова (Институт философии СПбГУ, кафедра философии и культурологии Востока) — «Некоторые особенности культурного пространства буддийского храма Луншаньсы в Мэнся (Тайвань)»; Н.Ф. Халиков (Казанский федеральный университет, Институт международных отношений, истории и востоковедения) — «Южная Корея и Африка: ключевые направления сотрудничества»; В.П. Хусаинова (Факультет гуманитарных наук Гамбургского университета) — «Женская периодическая пресса во Вьетнаме в первой половине XX в.»; Р.Н. Лобов (аспирант Центра Корейских исследований Института Дальнего Востока РАН) — «Движение против заключения „Договора между Кореей и Японией“: причины, характер, политические последствия».

Следует отметить, что в этом году было больше докладов по средневековой истории и культуре изучаемого региона. Несколько докладов начинающих исследователей были посвящены китайским коллекциям музеев, художественным образам средневековых романов. При этом секция «Современный Китай» оставалась достаточно многочисленной (12 докладов).

Все выступления вызвали вопросы аудитории и требовали от докладчиков соответствующих знаний, сообразительности и умения отстаивать свою точку зрения.

Благодаря помощи Института Конфуция организаторы смогли обеспечить участников конференции горячими обедами, которые были любезно предоставлены сетью китайских ресторанов «Тан жен» в Санкт-Петербурге.

На заключительном заседании ведущие секций высказали свои впечатления о прослушанных докладах, сделав профессиональные замечания. Все докладчики получили сертификаты участника конференции, которые они смогут положить в свои будущие портфолио абитуриентов программ магистратуры или аспирантуры. Как и в прошлом году, по итогам конференции планируется издание сборника докладов.

The 2nd All-Russian Scientific Conference of Young Orientalists “China and Its Neighbors”

(St. Petersburg, March 16–17, 2017)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2017, volume 14, no. 3 (issue 30), pp. 139–141)
Received 29.03.2017.

Tatiana A. Pang

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia, 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: young orientalists, history and culture of China, Institute of Oriental manuscripts, RAS, Confucius Institute at St. Petersburg State University.

About the author:

Tatiana A. Pang, Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Head of the Department of Far Eastern Studies, IOM RAS (ptatiana@inbox.ru).

Рецензия на книгу:

The Thirteenth Dalai Lama on the Run (1904–1906).

Archival Documents from Mongolia /

Ed. by Sampildondov Chuluun, Uradyn E. Bulag. — Leiden; Boston: Brill, 2013 (Brill's Inner Asia Archive. 1). — XXVIII, 598 pp. — ISBN 978-90-04-25454-1

Т.А. Пан

Институт восточных рукописей РАН

Ключевые слова: Халха-Монголия, Далай-лама XIII, Джебцундамба-хутухта VIII, Национальный архив Монголии.

Статья поступила в редакцию 29.03.2017.

Пан Татьяна Александровна, канд. исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Отделом Дальнего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (ptatiana@inbox.ru).

© Пан Т.А., 2017

В 2013 г. издательство Брилл (Brill) начало публикацию исключительно важной для науки серии — факсимильных изданий документов по истории Азии: Brill's Inner Asia Archives. Первый том этой серии посвящен документам, связанным с Далай-ламой XIII и его вынужденным пребыванием в Халха-Монголии в 1904–1906 гг., когда он тайно бежал из Тибета от британских завоевателей. Книга предваряется посвящением «исторической дружбе между монгольским и тибетским народами по случаю 13-го Семинара Международной ассоциации тибетологов», проходившего в Улан-Баторе 21–27 июля 2013 г.

История отношений тибетского и монгольского народов восходит корнями к периоду монгольской империи, когда глава тибетской школы буддизма сакья стал духовным наставником Хубилай-хана. Однако к концу XIX в. отношения между двумя народами были не так однозначны в силу их подчинения цинскому Китаю и зависимости от проводимой маньчжурским двором политики управления Тибетом и Монголией, при этом оба народа были объединены общей религией — буддизмом. В начале XX в. развитие Монголии и Тибета пошло в разных направлениях — часть Монголии стала независимым государством, а другая ее часть (Внутренняя Монголия) и Тибет остались в составе Китая. Именно накануне этого переломного периода произошло событие, которому посвящены опубликованные документы, — 3 августа 1904 г. британская армия под командованием полковника Фрэнсиса Янгхасбенда свободно вошла в Тибет и была встречена цинским императорским наместником в Тибете Ютаем. Далай-лама XIII (1876–1933) тайно покинул Лхасу и, как позднее выяснилось, направился в Халха-Монголию. Этот исторический эпизод довольно подробно освещался как российскими, так и зарубежными историками на основании доступных им документов. Однако впервые в научный оборот вводятся документы на монгольском, маньчжурском и китайском языках из Национального архива Монголии. Как указывают составители, в рецензируемой книге подобрано 150 документов из различных

файлов Национального архива, относящихся к пребыванию Далай-ламы в Халха-Монголии и датируемых с октября 1904 г. по январь 1908 г.

Публикация документов предваряется довольно подробным и исключительно захватывающим по манере изложения историческим очерком, написанным Урадин Булагом (с. 1–25) на основании монгольских и китайских источников о бегстве Далай-ламы XIII в Монголию. Опасаясь контактов Далай-ламы с российскими посланниками, цинское правительство всеми силами старалось как можно быстрее вернуть его обратно в Тибет. Предисловие делится на несколько глав-разделов. В главе «Личное как политическое, как территориальное» (The Personal is the Political, is the Territorial, с. 10–14) автор разбирает конфликт между двумя буддийскими лидерами — Далай-ламой XIII и Джебцундамбахутухтой VIII (1870–1924), духовным правителем Халха-Монголии, довольно сдержанно встретившим высокого гостя. Формальное соперничество за более высокое кресло фактически являлось борьбой за признание лидерства в вере и политическом руководстве: монгольские ламы предпочли считать своим политическим лидером Джебцундамбахутухту VIII, который позднее, в 1911 г., возглавил движение за независимость Монголии. Отношения монгольской знати с китайской центральной властью разбираются автором предисловия в главе «Борьба за высочайшие титулы» (The Struggle for Sovereign Entitlement, с. 15–20), где четко показано, что титулы, дарованные цинским двором монгольской и тибетской знати, предполагали не только контроль над действиями последних со стороны китайского правительства, но и наделяли Далай-ламу, Панчен-ламу и Джебцундамбахутухту четкими правами на управление принадлежавшими им территориями (с. 17). В связи с этим разбирается ситуация о праве Далай-ламы вести самостоятельную переписку с маньчжурским императором без посредничества цинского наместника в Тибете, в чем ему было отказано. В качестве заключения предисловия к книге представлена глава «Далай-лама XIII входит в эпоху технического воспроизведения» (The 13th Dalai Lama Entering the Age of Mechanical Reproduction, с. 21–24), в которой рассказывается о единственно сохранившемся карандашном портрете Далай-ламы XIII, выполненном Н.Я. Кожевниковым по просьбе П.К. Козлова в 1905 г. Этот карандашный портрет находится в архиве Русского географического общества, и его история воспроизводится авторами по монгольскому переводу книги И. Ломакиной «Великий беглец» (Улан-Батор, 2012; русское издание: М.: Дизайн. Информация. Картография, 2001). Этот единственный прижизненный портрет Далай-ламы XIII воспроизводится на с. XXIX и предваряет исторический очерк.

Частичный обзор текстов, публикуемых в основном корпусе книги, представлен в главе предисловия «Великая игра и большие затраты» (The Great Game and the Great Cost, с. 5–15). Именно здесь раскрываются экономические трудности, с которыми неожиданно столкнулись монгольские аймаки и их правители в связи с пребыванием Далай-ламы на их территории. Необходимость содержания довольно большого эскорта, затраты на проведение религиозных церемоний, перемещения Далай-ламы и подготовку его каравана — все легло на плечи монгольского населения. В связи с тем, что Далай-лама менял свои планы перемещения и маршруты, были напрасно подготовлены промежуточные станции и фураж. Фактически эти экономические проблемы способствовали желанию и самих монголов, чтобы Далай-лама быстрее вернулся обратно в Тибет.

Основная часть рецензируемой книги состоит из факсимильного издания 150 текстов, выполненных на исключительно высоком полиграфическом уровне, свойственном известному издательству Brill. Фотографии настолько четкие, что могут без труда быть использованы для дальнейшей научной работы. Аннотированный список документов представлен в начале книги (с. XI–XXVIII) на английском и монгольском языках. Документы расположены хронологически с 1904 (10 документов) до 1908 г.

(1 документ), при этом самое большое число текстов относится к 1905 г. (72 документа) и к 1906 г. (42 документа), т.е. периоду непосредственного пребывания Далай-ламы в Монголии. Большинство текстов написано по-монгольски — 105, по-маньчжурски — 25, по-китайски — 11, на маньчжурском и монгольском языках — 8, и один текст на трех языках — маньчжурском, монгольском и тибетском. По тематике их можно разделить на две основные группы. Первая группа документов является «политической» — переписка монгольских амбаней с цинским правительством об организации проезда Далай-ламы по территории монгольских аймаков и его охраны, а также попытки уточнить время его возвращения в Китай на территорию Тибета. Например, на маньчжурском языке № 14 — письмо помощника Далай-ламы в Лифаньюань с просьбой императорского разрешения на пребывание Далай-ламы в Урге (с. 85–86), № 15 — его же рапорт о разрушениях в Тибете, учиненных британскими солдатами (с. 86–90), на китайском языке № 51 — письмо сининского амбана ургинскому амбаню о том, что Далай-лама отправится в путь после выздоровления от болезни, из-за которой не смог выехать в 24-й день 4-го месяца, а также с просьбой сообщить об этом китайскому императору (с. 213–214). Вторая часть документов — «экономическая» — представляет собой переписку между монгольскими амбаниями по поводу содержания Далай-ламы, предоставления ему денег, скота, организации походных станций с необходимым количеством верблюдов, фуража и т.п. Эти документы в основном написаны по-монгольски и очень точно отражают не только экономические, но и политические проблемы, существовавшие между различными монгольскими племенами и знаменами. Несколько текстов касаются мероприятий по встрече Далай-ламы, организации празднований и молений (№ 2, 12, 38, 150), а также просьбы Далай-ламы о постройке нового монастыря.

Собранные составителями Салпиндонов Чулуном и Урадин Булагом документы являются исключительно важным материалом для изучения экономической и политической жизни монголов в начале XX в. Безусловно, эти тексты дополняют картину отношения монголов к приезду Далай-ламы в Халха-Монголию, раскрывают механизм контроля цинской администрации над перемещениями Далай-ламы и инструкции монгольским амбаням по приему, содержанию и обеспечению безопасности Далай-ламы. Публикация документов из Национального архива Монголии и введение их в научный оборот дают богатый материал для дальнейших исторических исследований и заслуживают одобрения научной общественности.

Review of the book:

The Thirteenth Dalai Lama on the Run (1904–1906).

Archival Documents from Mongolia.

Ed. by Sampildondov Chuluun, Uradyn E. Bulag. Leiden–Boston: Brill, 2013. XXVIII, 598 pp. (Brill's Inner Asia Archive 1). ISBN 978-90-04-25454-1 (in English)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2017, volume 14, no. 3 (issue 30), pp. 142–144)

Received 29.03.2017.

Tatiana A. Pang

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: Khalkha Mongolia, the 13th Dalai Lama, the Jebtsundamba Khutugtu, the National Archives of the Mongolia.

About the author:

Tatiana A. Pang, Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Head of the Department of Far Eastern Studies, IOM RAS (ptatiana@inbox.ru).

Рецензия на книгу:

Mitteliranische Handschriften. Teil 2: Berliner Turfanfragmente buddhistischen Inhalts in soghdischer Schrift, beschrieben von Christiane Reck. — Stuttgart: Franz Steiner Verlag. — 2016 (VOHD; XVIII, 2). — 473 S. — ISBN 978-3-515-11356-4

О.М. Чунакова

Институт восточных рукописей РАН

Ключевые слова: согдийский язык, согдийские рукописи, буддизм, Берлинские Турфанские коллекции.

Статья поступила в редакцию 17.04.2017.

Чунакова Ольга Михайловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (ochunakova@inbox.ru).

© Чунакова О.М., 2017

В серии «Каталоги восточных рукописей Германии» (Verzeichnis der Orientalischen Handschriften in Deutschland (VOHD)) вышел подготовленный Кристианой Рек второй том Каталога среднеиранских рукописей Берлинского Турфанского собрания. Он содержит описание рукописных фрагментов буддийского содержания, написанных согдийским письмом. Первый том Каталога (Mitteliranische Handschriften. Teil 1: Berliner Turfanfragmente manichäischen Inhalts in soghdischer Schrift, beschrieben von Christiane Reck. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2006 (VOHD; XVIII, 1). 363 S.) был посвящен описанию среднеиранских рукописных фрагментов манихейского содержания, написанных согдийским письмом. Подготавливаемый К. Рек третий том Каталога будет посвящен описанию согдийских рукописей христианского содержания, а также хозяйственных документов, писем, магических, медицинских и фармакологических текстов.

Второй том Каталога включает описание более 500 рукописных фрагментов под номерами 443–970, что продолжает нумерацию первого тома, в который вошли рукописи под номерами 1–442 (под одним номером описываются несколько фрагментов, если они хранятся в одной стеклянной пластине). Этот том содержит описание значительной части большой коллекции, сложившейся в результате предпринятых в 1902–1913 гг. четырех немецких экспедиций в Турфан, северо-восточную часть нынешнего Синьцзян-Уйгурского района Китая.

Во Введении (с. 11–16) К. Рек дает краткую характеристику буддийских согдийских фрагментов и указывает, что в данный том вошли буддийские фрагменты, принадлежность к которым определялась по содержанию, по указанным во фрагменте характерным именам собственным или специальной лексике. Согдийское письмо, которым написаны буддийские рукописи, представлено разными почерками: это

стандартный (или «формальный») шрифт и трудно различимый курсив, где начертания отдельных букв совпадают, что создает значительные трудности при чтении. Типичная форма буддийских рукописей — свитки или книги пустака (потхи), различающиеся длиной строк, длинной или короткой, когда строки идут параллельно короткой стороне листа. Если лист заполнен с одной стороны, то он, как правило, является частью свитка, что может подтверждаться наличием полей или разлиновкой. Листы формата книг-кодексов для написания буддийских текстов не применялись. В данный каталог включено также описание согдийских фрагментов, имеющих на обороте китайские или санскритские тексты.

Подавляющее большинство согдийских буддийских текстов из Турфана представляет собой фрагменты свитков или листов пустака (потхи), и только небольшая их часть содержит связные тексты, что отличает это собрание от коллекций, хранящихся в Парижской национальной библиотеке и Лондонской Британской библиотеке, содержащих материалы из Дуньхуана. Рукописные фрагменты Берлинского Турфанского собрания сравнимы с фрагментами коллекций Института восточных рукописей РАН и Университета Рюоку в Киото, поскольку они происходят из одних и тех же мест.

Буддийские согдийские тексты, так же как манихейские и христианские, датируются VIII–X вв. н.э. Большая часть фрагментов происходит из Кочо, значительное количество — из Туюка, Безеклика, Сангима, Шорчука и Ярхото.

При идентификации согдийских текстов были использованы китайские переводы «Махаяна-сутры» и комментарии к ней, тексты винаи (свода канонических дисциплинарных правил поведения членов монашеской общины), прозаические тексты из сутр, санскритские тексты дхарани. Согласно колофонам, сохранившимся в отдельных фрагментах, некоторые переписчики носили древнетюркские (уйгурские) имена, т.е. эти рукописи могли быть переписаны в тюрко-согдийской среде. В нескольких согдийских фрагментах имеются строки на древнетюркском языке. Кроме того, согдийские буддийские сочинения могли переводиться с тохарского языка, о чем свидетельствуют заимствованные тохарские слова в некоторых согдийских текстах и колофон рукописи So 10100i.

Буддийские согдийские тексты, в отличие от манихейских, не записывались на обороте китайских свитков, но нередко свитки, первоначально заполненные буддийским текстом с одной стороны, впоследствии разрезались и использовались для древнетюркских, манихейских согдийских, санскритских или тохарских текстов. Заголовки буддийских свитков и пустака отличаются от таковых в книгах-кодексах: единственный свиток, в котором сохранилось начало текста, имеет заголовок на его оборотной стороне. Книги пустака часто имеют вместо заголовка порядковую нумерацию книг или глав. Знаки препинания, если они имеются, чаще всего представляют собой удвоенные символы, напоминающие параллельные штрихи, ромбы или дуги, а иногда имеют форму креста или россыпи нескольких точек. На листах пустака имеется обведенное рамкой отверстие для скрепляющего их шнура.

Большая часть буддийских согдийских текстов из Турфана является отрывками из перевода китайской «Махаяна-сутры», следовательно, согдийский буддизм тесно связан с китайским, и, судя по чаще всего переводимым сутрам, именно с дзен-буддизмом. Фрагментарность сохранившихся согдийских переводов не позволяет однозначно определить их принадлежность к той или иной школе.

Во Введении также названы принципы описания рукописей. В Каталог включены характеристики утраченных буддийских согдийских фрагментов, фотографии кото-

рых имеются в Гамбургском собрании фотодокументов, и учитываются сведения, представленные о них в Гамбургском каталоге.

Фрагменты Каталога располагаются в порядке возрастания шифров. Описание каждого документа включает характеристику бумаги (при этом впервые уточняется ее окраска), размеры (длина и ширина, поля, высота и ширина шрифта, расстояние между строками), указание на одно- или двухстороннюю запись, количество строк, описание почерка, указание на разлиновку, знаки препинания и другие особенности, приводятся данные о наличии фотографий в Гамбургском собрании, указываются документы со сходным почерком и др. Дается транслитерация приведенных в качестве примера строк, указываются издания фрагмента, его содержание, ссылки на него в научной литературе, цитаты из него, идентификация с китайскими или другими рукописями и т.д. Если описываемый фрагмент застеклен в одной пластине с другими фрагментами, то за подробной характеристикой первого следует краткое описание остальных.

Основная часть Каталога состоит из Описания фрагментов (с. 17–358) и шести конкордансов (с. 361–458). Описание фрагментов начинается с номера 443, поскольку нумерация продолжает нумерацию рукописей первого тома Каталога. Подробно, согласно вышеуказанным принципам, описываются восемь групп фрагментов, хранящихся под шифрами So и Ch/So, h, M, Mainz, MIK, SHT, U, и несколько китайских, написанных согдийским шрифтом.

Конкордансы являются также исключительно важной и ценной составляющей Каталога, поскольку позволяют рассматривать описанные фрагменты в разных аспектах.

Первый конкорданс (с. 361–388) включает пять списков, в которых фрагменты рассматриваются согласно старым шифрам, присвоенным им первоначально в соответствии с местами их обнаружения. В первом списке перечисляются фрагменты, упомянутые в классической работе И. Гершевича (*Gershevitch I. A Grammar of Manichean Sogdian. Oxford, 1961*), и приводятся ссылки на них в других публикациях; во втором называются фрагменты с переписанными шифрами; в третьем указываются опубликованные фрагменты; в четвертом фрагменты перечисляются согласно старым шифрам; в пятом — согласно ранним описаниям рукописей.

Второй конкорданс (с. 389–392) включает четыре списка, в которых перечисляются фрагменты с текстами на других языках: фрагменты с древнетюркскими текстами на оборотной стороне рукописи; древнетюркские фрагменты, соединенные в одну стеклянную пластину с согдийскими; фрагменты с текстами на бактрийском, брахми, китайском, санскрите и тохарском языках; фрагменты, содержащие двуязычные тексты.

Третий конкорданс (с. 393–444) включает девять списков, в которых фрагменты рассматриваются с точки зрения содержания. Первый список содержит фрагменты, отождествляемые с китайскими оригиналами, в том числе: согдийские тексты, отождествляющиеся с китайскими оригиналами; санскритский текст, написанный согдийским шрифтом; китайские тексты, написанные согдийским шрифтом; тексты, написанные на китайской стороне — стороне recto. Второй список третьего конкорданса включает перечень фрагментов, содержащих цитаты из сочинений *Vajracchedikā-prajñāprāramitā-sūtra* и комментарии, в том числе: из *Vajracchedikā-prajñāprāramitā-sūtra*; из *Vajracchedikāprajñā-śāstra*; из *Vajracchedikā-śāstra*. Третий список содержит фрагменты из *Mahāyāna-Mahāparinirvāṇa-sūtra*: те, что представлены в форме свит-

ков, и те, что представлены в форме книг пустака, большого формата с короткими строками. Четвертый список включает фрагменты из *Vimalakīrtinirdeśa-sūtra*. Пятый список перечисляет тексты винаи; шестой — фрагменты комментария; седьмой — фрагменты, содержащие рассказы. Восьмой список содержит перечень манускриптов, имеющих незначительные совпадения согдийских версий с отождествленными и не отождествленными текстами, относящихся к одному кругу рукописей. Девятый список третьего конкорданса представляет собой индекс ключевых слов. В этом индексе фрагменты систематизированы по следующим признакам: 1) имена собственные и титулы, в том числе: санскритские имена и титулы; почетные титулы и другие звания; имена Будды; названия книг; имена собственные; упомянутые языки; 2) избранные ключевые слова; 3) числа; 4) выборочный список согдийских слов, значение которых неизвестно.

Четвертый конкорданс (с. 445–453) состоит из девяти списков, которые перечисляют согдийские фрагменты по формальным признакам. В первом фрагменты сгруппированы по особенностям почерка: курсив; почерк «мазками»; почерк красными чернилами. Второй список содержит фрагменты с пронумерованными заголовками. Третий называет фрагменты с сохранившимися колофонами; четвертый — в которых имеются иллюстрации; пятый — особые приметы (исправления, украшения, особая пунктуация, точки в начале строки, отверстия для шнура, наклейки и др.). Шестой список этого конкорданса содержит перечень фрагментов, являющихся листами книг пустака (с короткой и длинной строкой). Седьмой список охватывает рукописи, представленные фрагментами свитков: свитки, исписанные с одной стороны; свитки с древнетюркским текстом на стороне verso; с согдийским текстом на стороне verso; с китайским текстом на стороне recto; с текстом брахми на стороне verso. Восьмой список включает мелкие фрагменты, формат которых определить невозможно. Последний список этого конкорданса перечисляет фрагменты с цветом бумаги, отличающимся от стандартного.

Пятый конкорданс (с. 454–456) включает списки описанных и процитированных фрагментов из других собраний, в том числе из коллекции Музея Азиатского искусства (Берлин), Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) и Университета Рюоку (Киото).

Шестой конкорданс (с. 457–458) представляет собой список утраченных фрагментов и фрагментов, подписи к которым не дают возможности определить их оригиналы.

Завершается Каталог обширным списком использованной литературы (с. 461–470), включающим более двухсот работ, и списком сокращений (с. 470–472).

Такое полное, детальное, тщательное и скрупулезное описание буддийских согдийских рукописных фрагментов Берлинского собрания, к настоящему времени оцифрованных и размещенных на сайте Берлинской группы Турфанских исследований, несомненно, является незаменимым подспорьем для изучения этой рукописной коллекции. Однако Каталог К. Рек имеет и самостоятельную научную ценность как справочное пособие для всех исследователей, занимающихся согдийскими буддийскими рукописями, согдийским языком и изучающих буддизм. Особого внимания заслуживает тот факт, что при описании фрагментов учитывались рукописи из других собраний, имеющие то или иное отношение к берлинским. Следовательно, при изучении фрагментов других коллекций материалы Каталога также должны быть (и будут) востребованы. Это касается и 14 рукописных фрагментов из Сериндийского

фонда Института восточных рукописей, известных под номерами описаний L 6, L 8, L 9, L 11, L 12, L 14, L 15, L 19, L 20, L 22, L 93, L 96, L 100a и L 100c, ранее изданных А.Н. Рагозой (Согдийские фрагменты Центральноазиатского фонда собрания Института востоковедения. М.: Наука; ГРВЛ, 1980. 183 с.). Они были использованы при подготовке Каталога — теперь понимание названных петербургских рукописей может быть уточнено.

Каталог, подготовленный Кристианой Рек, поражает огромным объемом проделанной автором работы и свидетельствует о высоком профессиональном уровне, исключительной эрудиции и компетенции автора, которые вызывают неподдельное восхищение, уважение и искреннюю признательность. Полиграфические качества Каталога также безупречны.

В качестве заглавия на обложки обоих томов Каталога вынесена цитата из согдийского манихейского сочинения So 14410 I verso 20: хурδ руZ ’’γδy s’t βурук’n, использование которой вполне оправдано: действительно, в этом Каталоге тот, кто желает, найдет всё.

Review of the book:

Mitteliranische Handschriften. Teil 2: Berliner Turfanfragmente buddhistischen Inhalts in soghdischer Schrift, beschrieben von Christiane Reck.

Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 2016 (VOHD; XVIII, 2), 473 S. ISBN 978-3-515-11356-4 (in German)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2017, volume 14, no. 3 (issue 30), pp. 145–149)

Received 17.04.2017.

Olga M. Chunakova

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: Sogdian, Sogdian manuscripts, Buddhism, Berlin Turfan collections.

About the author:

Olga M. Chunakova, Dr. Sci (Philology), Leading Researcher of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, IOM RAS (ochunakova@inbox.ru).

Анна Аркадьевна Искоз-Долинина (1923–2017)

16 апреля 2017 г. не стало Анны Аркадьевны Искоз-Долининой, прекрасного человека, выдающегося арабиста, талантливого переводчика, замечательного преподавателя. Она ушла из жизни в своей квартире на Чкаловском проспекте, хорошо знакомой ее друзьям, коллегам и ученикам.

Выпускница восточного факультета ЛГУ(СПбГУ), ученица известного арабиста И.Ю. Крачковского, А.А. Искоз-Долинина начала работать на кафедре арабской филологии Восточного факультета с 1952 г.; ее первой научной работой стало исследование влияния классической русской литературы на развитие национальных литератур Сирии и Египта. На ранний период научной деятельности А.А. Искоз-Долининой также пришлось переводы произведений таких авторов, как Махмуд Теймур и Джебран Халиль Джебран. Вторую половину жизни Анна Аркадьевна много работала над историей отечественной арабистики: ей принадлежат книга «Невольник долга» (1994), посвященная И.Ю. Крачковскому, и сборник статей «Арабески» (2010).

А.А. Искоз-Долинина — автор талантливых переводов классической арабской поэзии, благодаря которым, в том числе вошедшим в составленный ею сборник «Аравийская старина» (1983), где появились переводы доисламских муаллаков, а также «Макамам» аль-Харири (1978) и аль-Хамадани (1999), российский читатель познакомился с лучшими образцами классической литературы стран арабского мира. Она — создатель теории стихотворного перевода арабской поэзии на русский язык. Заслуги

А.А. Искоз-Долининой получили признание не только в России, но и за ее пределами: в 2012 г. ей была вручена премия короля Саудовской Аравии Абд аль-Азиза за выдающийся вклад в дело популяризации классической и современной арабской литературы в России.

За долгие годы своей работы на кафедре арабской филологии Анна Аркадьевна обучила и выпустила в большую жизнь не одно поколение студентов, многие из которых навсегда связали свою судьбу с арабским миром. Она была не только прекрасным преподавателем, но и Человеком с большой буквы: добрая, внимательная, мягкая, с веселым нравом, но при этом принципиальная, кристально честная и с негибаемой силой воли. Она была и остается для нас, ее учеников, эталоном Ученого, Учителя и Человека.

До последнего дня Анна Аркадьевна продолжала много переводить и редактировать. В текущем году должны увидеть свет произведения, над которыми она только что закончила работать: новая редакция «Макам» аль-Харири, статья, посвященная профессору кафедры арабской филологии ЛГУ(СПбГУ) В.И. Беляеву, седьмое издание книги И.Ю. Крачковского «Над арабскими рукописями» с ее обширными комментариями, а также переводы стихов аббасидского поэта Ибн аль-Мутацца.

Светлая память об Анне Аркадьевне навсегда сохранится в сердцах ее друзей, коллег и учеников.

Кандидат гуманитарных наук (PhD in Human Sciences)
Гинцбург Сарали Юрьевна
Университет Хьюстона — Клир Лейк, Хьюстон, США
(gintsburg@uhcl.edu)

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Вниманию подписчиков, читателей и авторов журнала!

С 2016 года журнал «Письменные памятники Востока» издается четыре раза в год согласно требованиям Высшей аттестационной комиссии. Просим авторов обратить внимание на изменения в оформлении статей и списка литературы. Полная информация о правилах подачи материала опубликована на сайте Института восточных рукописей РАН:

<http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=content&task=view&id=51>

Над номером работали:

Т.А. Аникеева, А.А. Ковалев, О.В. Мажидова, М.А. Унке, О.В. Волкова, Н.Н. Щигорева, А.Е. Танчарова

К сведению читателей журнала «Письменные памятники Востока»

Подписка на журнал «Письменные памятники Востока» производится по Объединенному каталогу «Пресса России» (т. I) в отделениях связи.

По вопросу приобретения журнала просим обращаться в Институт восточных рукописей РАН по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18 — www.orientalstudies.ru

Адрес редакции: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18 — www.orientalstudies.ru

Адрес издателя: 119049, Москва, Мароновский пер., 26 — www.vostlit.ru

Подписано к печати 00.00.2017. Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,3

Усл. кр.-отт. 14,8. Уч.-изд. л. 13,0. Тираж 500 экз. Изд. № 8663. Зак. №

Отпечатано в ППП "Типография "Наука". 121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6